

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О.Н.СЕЛИВЕРСТОВА

**КОНТРАСТИВНАЯ
СИНТАКСИЧЕСКАЯ
СЕМАНТИКА
Опыт описания**

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В.Н. ЯРЦЕВА

1155982

МОСКВА "НАУКА" 1990

Рецензенты:

доктор филологических наук *Т. М. Николаева*
доктор филологических наук *А. Д. Швейцер*

Селиверстова О.Н.

С29 Контрастивная синтаксическая семантика: (Опыт описания). —
М.: Наука, 1990. — 150 с.
ISBN 5-02-010978-9

В книге поставлены три основные задачи: дать более точное описание экзистенциальных и посессивных конструкций (прежде всего их значения) в русском и английском языках; установить сходство и различие между русскими и английскими конструкциями; показать, как в языке представлены такие фундаментальные категории, как существование и посессивность. Предложена также теория коммуникативной структуры предложения, объединяющая различные концепции. Рассмотрены понятия синтаксической модели, связки и некоторые другие.

Для специалистов по сопоставительной лингвистике, преподавателей русского и английского языков.

С 460200000-260 689-90, I полугодие
042(02)-90

ББК 81.2-2

Seliverstova O.N.

The contrastive study of syntactic semantics.

The book has three main goals to give a more precise description of existential and possessive constructions (especially of their meanings) in Russian and English; to establish the similarities and differences between the Russian constructions and the English ones; to show how such fundamental entities as existence and possessivity are presented in the language. A theory integrating different approaches to communicative sentence structure is proposed. The notions of syntactic pattern, of copula, among other topics, are discussed.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книга относится к числу работ по контрастивной (сопоставительной) синтаксической семантике. Непосредственным предметом сопоставления послужили глаголы "быть" и "иметь" в русском и английском языках, а также образованные с помощью этих глаголов различные предикативные типы и синтаксические модели. Среди них важное место занимают экзистенциальные и посессивные модели, которые и стали основным объектом исследования.

Сопоставление языков давно привлекает лингвистов. С этим направлением исследований связаны, в частности, имена таких ученых, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, М.М. Покровский, Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов. Вместе с тем цели и значимость сопоставления языков, а также методы сопоставления часто по-разному оцениваются различными лингвистами [см.: Sharwood-Smith 1974; Ярцева, 1981]. Так, представители Пражского лингвистического кружка обращали внимание прежде всего на теоретическую значимость сопоставления, полагая, что оно способствует более глубокому осмыслению каждого языка и в том числе родного. Например, В. Скаличка писал: "Все языки — даже самые непохожие — очень близки друг к другу. Своеобразие каждого из них отчетливо проявляется только при сравнении с другими языками" [1967, 131]. Ч. Фриз и Р. Ладло, напротив, ставили перед собой в основном практические задачи, переводческого и лингводидактического характера. В настоящее время чаще всего отмечается необходимость соединения этих направлений. Так, В.Н. Ярцева пишет, что контрастивная лингвистика находится на пересечении теории и практики [1981, 4; см. также: Исаченко 1954; Гак 1983].

Потенциал как теоретических, так и практических возможностей, заложенный в сопоставлении и противопоставлении языков, и послужил причиной выбора темы исследования.

Сопоставление глаголов "быть" и "иметь" интересно прежде всего под углом зрения того, одинаковы ли языковые концепты категорий экзистенциальности и посессивности в разных языках. В лингвистике уже давно высказывалась гипотеза, что существование представлено в английском языке пространственно и, таким образом, соответствует толкованию этого понятия в древнегреческой философии: "существовать — значит быть где-то". По мнению некоторых лингвистов, к числу которых относится и автор предлагаемой монографии,

подобное же "видение" данного явления отразилось в концептуальной системе русского языка. Такая трактовка категории существования в русском и английском языках не является общепринятой. В книге проводится мысль о том, что категория существования в языке неоднородна, но большинство экзистенциальных моделей вносят пространственную интерпретацию. (Другой тип экзистенциальности связан прежде всего с локализацией во времени: "существовать — занимать точку или отрезок на оси времени".) Поскольку предметом дискуссии в лингвистике служит не само сходство между русским языком и английским, а обоснованность пространственной трактовки, в книге акцентируется внимание именно на этом вопросе, и материал русского языка и английского рассматривается вместе (гл. I). Тем не менее совпадение "видения" этой фундаментальной категории в обоих языках не может рассматриваться как исходно предопределенное и, таким образом, оно важно в плане сопоставления. Не менее значимо тождество общего понимания категории посессивности. Основная трудность, однако, заключалась в самом определении данного понятия, что и сказалось на подаче материала.

Необходимость разработки или выбора понятийного аппарата описания и проверки его соответствия языку касалась не только категорий экзистенциальности и посессивности, но и ряда других затрагиваемых явлений. К их числу относится прежде всего область приложения теории актуального членения. В книге аргументируется необходимость разграничения по крайней мере трех явлений: информативной структуры ("данное"/"новое", "новое"/"новое" и т.д.); коммуникативной перспективы; коммуникативной членимости/нечленимости. Уточняются также понятия состояния, результата и ряд других. Рассматривается проблема выделения синтаксических моделей, или — в другой терминологии — структурных схем. Таким образом, параллельно собственно сопоставительному аспекту исследования, разрабатываются и уточняются используемые метапонятия.

Наряду с установлением тождества или различия в представлении семантических категорий, сопоставление языков может быть использовано при доказательстве обоснованности поиска общего значения категории. Данная проблема касается, в частности, категории посессивности. Своеобразие этой категории заключается в том, что она распадается на множество частных случаев и, таким образом, возникает вопрос, следует ли их связывать с одной категорией или считать, что здесь наблюдается полисемия. Важным аргументом в пользу оправданности поиска общего значения служит, как нам представляется, тот факт, что в разных языках разнообразные посессивные отношения включаются в семантический объем одной формальной единицы (лексемы, синтаксической модели). Такое совпадение не может быть случайным.

Научный интерес представляет и вопрос о том, как реализуются в разных языках категории, в основе которых лежит одно и то же семантическое понятие. Для ответа на этот вопрос проводилось сопоставление на разных уровнях. Во-первых, устанавливалось сходство и различие в наборе семантических признаков, по которым различаются

между собой отдельные экзистенциальные, посессивные и экзистенциально-посессивные модели. Рассматривались также некоторые не экзистенциальные модели, которые в определенных условиях употребления оказываются синонимичными экзистенциальным. Во-вторых, выявлялись особенности, связанные с заполнением синтаксических позиций, присущих различным моделям. В-третьих, сравнивались возможности употребления экзистенциальных предложений в зависимости от типа текста (были рассмотрены лишь немногие типы текстов). В-четвертых, сопоставлялись особенности денотативной отнесенности, обусловленные возможностью разного осмысления денотативной ситуации.

При сопоставлении по всем перечисленным параметрам обнаружилось довольно большое различие между русским языком и английским. Это и позволило отнести предлагаемую книгу к числу контрастивных исследований.

В книге сделана попытка найти зависимость по крайней мере некоторых из наблюдаемых различий от системы языка в целом (аналитичность, синтетичность) и от отдельных ее фрагментов. В связи с этим объектом частичного рассмотрения стало и поле аспектуальности в русском языке и английском. Исследовалось также влияние более жесткого и более свободного порядка слов на употребление экзистенциальных предложений.

Этапу непосредственного сопоставления в большинстве случаев предшествовало независимое исследование изучаемых явлений в каждом из сравниваемых языков, что и отражено в структуре построения книги.

Определяя метод исследования в самом общем виде, можно его назвать — используя философский термин — гипотетико-дедуктивным. Этот метод включает все частные лингвистические приемы анализа — контекстный, дистрибутивный и т.д. Как и в других своих исследованиях, автор использовал экспериментальную методику, включающую в себя работу с информантами [см.: Селиверстова 1982].

В книге обобщаются результаты многолетних исследований автора, часть из которых была опубликована раньше. В этих случаях часто не излагаются подробно аргументы в пользу полученных результатов и не анализируется опрос информантов. Однако все результаты были получены с помощью одной и той же методики, хотя при этом число информантов, по независимым от автора причинам, могло варьироваться. Так, в некоторых опросах участвовало от 10 до 12 человек, в других число информантов иногда сводилось к 3—4. Обычно опрашивались научные сотрудники, преподаватели, редакторы в возрасте от 30 до 60 лет. В работе над английским материалом участвовали англичане, в основном преподаватели английского языка или студенты.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТЬ, ЛОКАТИВНОСТЬ И ПОСЕССИВНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ТИПЫ ПРЕДИКАТОВ

В гл. I решаются три основные задачи, связанные с выявлением природы экзистенциальных и экзистенциально-посессивных предложений: как в языке представлены понятия экзистенциальности и посессивности; какой тип актуального членения присущ экзистенциальным предложениям; к какому типу предикатов в рамках их классификации на действия, состояния, качества и т.д. относятся связочное и экзистенциальное "быть" и как они соотносятся между собой.

Решение третьей задачи потребовало пересмотра существующих классификаций предикатов. Предлагаемая классификация ближе всего стоит к традиционному делению предикатов на действия, состояния, качества и т.д., но отличается от него прежде всего тем, что в ней в явной форме сформулированы признаки, лежавшие в основе классификации. Кроме того, введены новые классификационные ячейки.

Раскрытие содержания понятия "экзистенциальность" важно не только для лингвистики, но и для философии и логики (см. обзоры работ по данной теме: [Берка 1961; Bellert 1972; Целищев 1976; Фромм 1986]). Однако решения, истинные для логики и философии, могут не соответствовать представлению понятия экзистенциальности в системе языка. Поэтому в лингвистике стоит задача проверки соответствия той или иной философской концепции значению языковых единиц. В работе развивается пространственная интерпретация основных типов экзистенциальных предложений, которая представлена и в других работах: [Allen 1964; Kahn 1966; Бенвенист 1974; Halliday 1967; Lyons 1967; Kimball 1973; Арутюнова 1976; Erdmann 1976 и др.]. Наряду с этим в лингвистике получила широкое распространение и непространственная трактовка понятия экзистенциальности [Есперсен 1950, 155; Clark 1970; Walters 1974; Воронцова 1981; Воейкова 1987]¹.

Проведенное исследование, основанное на использовании экспериментальной методики, позволило выдвинуть новые аргументы, подтверждающие оправданность пространственной интерпретации. Значительная часть этих аргументов приводилась в наших предыдущих публикациях [Селиверстова 1973; 1977; 1983]. Здесь эти аргументы обобщаются и дополняются.

¹ См. также подробный обзор различных точек зрения: [Breivik 1983].

Для удобства дальнейшего изложения запишем исследуемые модели в следующей форме: "Y (быть) Lос", "Lос (быть) Y" ("В X-е (есть) Y", "В S (есть) Y", "Перед X-м (есть) Y", "Среди X-в (есть) Y" и т.п.), "У X-а (есть) Y", "X имеет Y", "Y существует", Y обозначает либо объект, находящийся в том или ином пространстве, либо языковую единицу (Y), имеющую этот объект своим денотатом; X — либо объект, к которому имеет то или иное отношение описываемое пространство, или само это пространство, если в этой функции выступает человек или животное, либо X символизирует языковую единицу, обозначающую указанный объект-пространство; Lос — пространство, а также локативный член предложения (Lос); символ S — либо пространство, либо слово, его обозначающее (S); символ S будет обычно употребляться в сочетании с предлогом (в S; у S), а также если речь идет о двойном упоминании пространства (см. гл. V).

1. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТЬ И ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ

1.1. Понятие пространства

Почти все экзистенциальные предложения, рассматриваемые в книге, относятся к классу пространственных.

Слово *пространство* мы употребляем в широком смысле и относим его не только к физическому пространству, но и к пространству множества, пространству ситуации, пространству функциональной системы типа "завод", "институт" и т.д. Включение того или иного слова естественного языка в метаязык описания в какой-то степени произвольно, если оно получает определение в рамках метаязыка. Однако желательнее, чтобы терминологическое употребление слова не противоречило бы прямо его обычному значению, а лишь сужало или, наоборот, расширяло бы его объем. Данному требованию, как нам представляется, удовлетворяет предлагаемое терминологическое употребление слова *пространство*. Это слово чрезвычайно широко употребляется метафорически, а иногда просто в некотором расширительном значении. Поэтому такое употребление, как пространство ситуации, пространство системы не является чем-то совершенно искусственным и понятно без специального толкования. Предлагаемое широкое употребление термина "пространство" близко, хотя и не тождественно его употреблению в других науках и, в частности, в математике.

В математике пространство определяется через понятие множества (см. статью в БСЭ, изд. 3, написанную А.Д. Александровым). Более соответствующим языковому представлению пространства является скорее его геометрическое изображение: всякое пространство, описываемое в языке, можно представить в виде одно-, двух-, или многомерной структуры. Такое представление не противоречит определению пространства через множество (пространство можно изобразить как дискретное или недискретное множество графических точек, образующих ту или иную структуру). Однако в языке термин

"множество" более естественно употреблять либо в том случае, когда образующие его элементы не составляют единого объекта (например, множество родственников некоторого лица), либо когда элементы, его составляющие, хотя и образуют единый объект, четко в нем вычленимы, и объект можно мысленно или фактически разделить на эти элементы (например, части тела, части машины и т.д.). Мы будем употреблять термин "множество" только при наличии одного из этих условий. Таким образом, данный термин будет использоваться только по отношению к некоторым видам пространства.

Поскольку в рамках последующего изложения будут постоянно рассматриваться разные виды пространства, нам представляется полезным наметить их классификацию.

Среди видов пространства можно выделить мир действительности ($\overline{SR}$) и мир вымысла, ($\overline{SR}$), взятые в противопоставлении друг другу. Мир, созданный мыслью человека, не всегда воспринимается как нечто противоположное действительности. Он может рассматриваться и как ее отображение или, во всяком случае, не противопоставляться ей. В пределах объективного мира и мира, созданного мыслью человека, различаются пространства классов, множеств (SM), создаваемые набором элементов, объединенных по некоторому общему свойству и только по нему (положение элементов, их дополнительные связи между собой не учитываются), и пространства, не принадлежащие к этому типу ($\overline{SM}$).

Пространства, входящие в каждую из перечисленных категорий, весьма разнообразны. В пределах категории SM можно прежде всего выделить собственно множества и классы, т.е. такие множества, в элементах которых учитываются только свойства, общие для всех элементов, причем их число может быть не фиксировано. Напротив, множества других типов могут состоять из индивидуализированно охарактеризованных элементов, число которых ограничено. Кроме того, классы могут рассматриваться как обобщения более высокого уровня по сравнению с их элементами (членами), и в этом случае они уже не относятся к множествам. Далее, и классы, и собственно множества различаются по типу элементов. Например, в SM выделяются классы, элементами которых являются свойства, чувства, предметы, люди, отрезки времени и т.д. Можно отметить такие множества, элементы которых представляют собой предметы собственности, далее — то, что может, должно быть сделано, или то, что должно учитываться при сложившейся ситуации или под углом зрения рассматриваемой проблемы.

Пространства, относящиеся к категории $\overline{SM}$, делятся на пространства, которые, не представляя собой множества, включают их в свою структуру ($\overline{SMm}$), и пространства, в образовании которых не участвуют множества. В пределах пространств вида $\overline{SM}$ выделяются пространства естественного мира (например, мир макрокосмоса, микрокосмоса, животный, растительный мир, мир физики, химии и т.д.), пространства социального или социально-производственного мира (например, социалистическое общество, завод, институт), а также пространства, представляющие собой продукты общества или отдельного человека

(язык, искусство, наука, идеология, культура и отдельные науки, искусства) и т.д. Категорию SMm можно разделить на пространства отношений ($SRel$) и пространства, не принадлежащие к этому типу ($\overline{SRel}$). Пространства типа $SRel$, в свою очередь, подразделяются на пространства, имеющие физические измерения, и пространства, не имеющие этих измерений, например пространство чувств, идей, пространство действий, событий. К последнему подразделению можно, по-видимому, отнести и ситуации. В качестве особого пространства может выступать и тот или иной отрезок существования X -а. Здесь слово *существование* мы употребляем в смысле "жизнь; жизнедеятельность".

Все рассматриваемые виды пространств могут члениться на большие и меньшие (например, завод и цех), а также классы пространств и индивидуальные пространства (например, роман как жанр и отдельный роман). Пространство времени обычно воспринимается не просто как тот или иной отрезок объективной оси времени, а как измерение протяженности во времени некоторого события, тех или иных отношений и т.д. Например, предложение *There's no morning after with her* (Barstow) 'Но потом уже не будет утра с ней' сообщает об отсутствии Y -а в пределах временного отрезка ("будущее автора речи"). Фактор времени часто выступает как дополнительная характеристика пространства отношений, физического пространства, психического или физиологического состояния какого-либо лица и т.д. Приведем примеры других типов пространств. Предложение *В том лесу есть озеро* сообщает о нахождении в физическом пространстве S (лес) Y -а, относящегося к классу "озера". Фраза *В моей душе сомненья нет* несет информацию об отсутствии Y -а (сомнение) в психическом пространстве. В стихотворном отрывке *Есть в близости людей заветная черта. Ее не перейти влюбленности и страсти* (Ахматова) говорится о наличии "заветной черты" в пространстве человеческих отношений. См. также: *В моей юности не было ни одного значительного события*, где сообщается об отсутствии Y -а (события) в некотором временном отрезке существования автора речи. В других предложениях речь идет о нахождении в пространстве класса или множества: *В моей группе есть много способных девочек*; *У меня есть эта книга* (т.е. в множестве "предметы собственности автора речи" есть данная книга); *У него есть одна слабость* (т.е. в множестве "свойства данного лица" есть некоторая слабость) и т.д.

Денотаты значительной части слов не являются постоянными членами класса "пространства". Они получают данную характеристику лишь в определенных синтаксических или лексико-синтаксических моделях. Кроме того, денотаты одних и тех же слов в зависимости от контекста могут представлять собой разные виды пространства. Например, обозначаемое слово *fairy-tale* 'сказка' может рассматриваться как нечто, противоположное действительности, т.е. входить в категорию SR и как особый вид искусства (S_{art}). Денотаты слов типа *man*, *woman* могут интерпретироваться и как физические пространства, и как психические, духовные сущности. Представление

о виде пространства иногда зависит от характеристики Y -а. Так, если Y есть действие, пространство его нахождения воспринимается как имеющее временные измерения, а не только геометрические.

"Поведение" экзистенциальных моделей при описании разных типов пространств не всегда полностью совпадает. В частности, есть глаголы, использование которых ограничено некоторыми типами пространств. Например, глагол *exist* употребляется, если речь идет о противопоставлении реального нереальному ($S\bar{R}$ — $S\bar{R}$). Кроме того, этот глагол используется для передачи информации о наличии Y -а в пространствах типа "язык", "искусство", "животный мир" и т.д., но не может, например, употребляться, когда описывается нахождение объекта в социально-производственной системе или в каком-то физическом пространстве. Так, нельзя сказать: **На нашей фабрике существует доктор*, **Он существует в Киеве*.

Определение понятия "пространство" было бы неполным, если бы мы не учли ту функцию, которую выполняет пространство — помещать в себя что-то, включать в себя что-то. Эта функция учитывается и при обобщенном математическом определении пространства. Так, А.Д. Александров в указанной выше статье пишет: "Пространство, в математике, логически мыслимая форма (или структура), служащая средой, в которой осуществляются другие формы и те или иные конструкции" [с. 337]. Под этим углом зрения понятие "пространство", отраженное в языке, можно истолковать как нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь место действие или событие. Мы будем в общем виде употреблять для обозначения обоих случаев термин "нахождение", причем будем использовать его в более широком смысле, чем тот, который этот термин имеет в естественном языке. Отталкиваясь от геометрического представления пространства, мы будем считать, что нахождение некоторого объекта (Y -а) в S означает, что точка, соответствующая Y -у, стоит в рамках той конфигурации, которая образуется точками пространства S . Можно также сказать, что нахождение Y -а в S означает, что положение Y -а может быть определено в системе координат пространства S . Первая формулировка, однако, более соответствует интуитивному представлению о нахождении. Точки пространства могут быть однородными с Y -м, и тогда Y — элемент множества, образующего пространство S . Если точки пространства неоднородны с Y -м, тогда Y только находится в S , но не является элементом множества, его составляющего.

1.2. Первое понятие экзистенциальности E_{x_1}

Данное выше определение не разграничивает собственно нахождение и существование. Понятие существования в той форме, в которой оно отражено в языке, неоднородно. Первое, главное, значение существования, как мы полагаем, отображает представление о "нахождении" в мире действительности или, напротив, в мире вымысла, сказки, фантазии. Запишем это значение через символ E_{x_1} .

Такая трактовка существования отлична от философских концепций,

в которых данное понятие не имеет пространственной интерпретации и строится на противопоставленности действительного, истинного мнимому, воображаемому [см.: Фромм 1986, 53]. Исключение составляет только древнегреческая философия, в которой существование связывалось с представлением о нахождении где-то [см.: Kahn 1966]. Попытаемся показать, что пространственная трактовка существования, которая включает представление о разных формах существования (в том числе и в иллюзорном мире), в большей степени соответствует значению языковых единиц, точнее отражая, таким образом, картину мира, созданную языком.

В логических работах утверждается, что указание на индивид уже предполагает его существование в указанном философском понимании термина. Вследствие этого такие предложения, как *Гомер (не) существовал*, рассматриваются как парадоксальные с логической точки зрения. Имеются разные объяснения допустимости подобных высказываний. Одна из этих попыток связана с теорией дескрипций. В соответствии с этой теорией предложения существования сообщают не об индивиде, а о свойстве. Например, предложение *Автор Веверлея существовал* показывает, что свойство "быть автором Веверлея" истинно по отношению к одному и только к одному индивиду или, иначе, это свойство принадлежит данному индивиду. Такое понимание существования восходит к концепциям Г. Фреге, Б. Рассела и др. (о различных логических концепциях существования см.: [Целищев 1976]).

Вряд ли, однако, можно полностью принять данную трактовку. С лингвистической точки зрения представляется очевидным, что именная группа здесь не обозначает свойства. Таковую денотативную отнесенность подобные именные группы получают лишь в особых синтаксических условиях и прежде всего при употреблении в функции предиката (*Он у вас прямо Есенин*). В приведенном же случае речь может идти о другом типе нереферентного употребления, который был впервые отмечен К. Доннелланом. При этом, как мы бы сказали, непосредственным денотатом языкового знака служит конструктор индивида, определенный только по его свойствам, но не сводимый к этим свойствам, т.е. предполагающий некоторого абстрагированного носителя свойства. Так, можно предположить, что слово *Гомер* в приведенном высказывании характеризует акт ситуации, как того, кому приписывается имя Гомер и того, кому приписывается написание Иллиады и Одиссеи. Если признать правильной такую интерпретацию, то отмеченный логический парадокс не будет снят. Проведенный опрос информантов показывает, что при такой денотативной отнесенности сохраняется презумпция существования. Так, известный пример Доннеллана *Убийца Смита сумасшедший* воспринимается — независимо от того, имеется ли в виду конкретное лицо или нет — как строящийся на презумпции существования того, кто убил².

² Эта презумпция либо исчезает, либо становится менее очевидной лишь при иной модальной характеристике предиката (*Убийцей Смита мог быть только сумасшедший; Такое преступление мог совершить только сумасшедший* и т.п.).

Более того, представляется, что рассматриваемые высказывания чаще воспринимаются как сообщения о "конкретном" индивиде. Именно так, вероятно, представлен денотат слова *Гомер* для человека, который видел бюсты Гомера и читал рассуждения о его личности и т.д. Подобно этому после подробного рассказа о судьбе какого-нибудь легендарного героя фраза *А, между прочим, он действительно существовал* психологически должна быть скорее воспринята как сообщение о "конкретном" индивиде. Предлагаемая пространственная интерпретация снимает рассматриваемый логический парадокс, независимо от типа денотативной отнесенности именной группы [Селиверстова 1983, 57]. В соответствии с такой интерпретацией представление актанта ситуации как индивида предполагает его существование где-то, т.е. либо в мире действительности, либо в мире фантазии, вымысла³. Вследствие этого, предложения типа *Гомер существовал* не являются парадоксальными, так как строятся на презумпции существования Гомера по крайней мере в мире легенды и сообщают о существовании его и в мире действительности. В пользу возможности такой интерпретации говорит прежде всего то, что представление об индивиде не связано только с миром действительности. Так, рассказывая содержание художественного произведения, говорящий изображает персонажи как индивиды (*В это время князь Андрей подошел к Наташе*), несмотря на то что их существование ограничено миром вымысла. Далее, если языковое понятие существования сводилось бы к значению 'быть действительным', такие предложения, как *Этот человек существует только в твоей фантазии* не соответствовали бы норме. Ср. предложение: *Этот человек действительно реальное лицо только в твоей фантазии*, которое либо воспринимается как бессмысленное, либо как неточное выражение мысли. Наконец, в пользу пространственной интерпретации говорит употребление или возможность добавления локативного члена предложения, которое было бы излишне, если бы экзистенциальные предложения несли информацию, например, о соответствии описываемого свойства реальному лицу или предмету. Так, предложение *Автор Вэверля существовал в действительности, а не только в легендах* нельзя интерпретировать как 'свойство "быть автором Вэверля" соответствует реальному лицу в мире действительности', поскольку это соответствие не может относиться ни к какому другому миру. См. также: *На земле существовало еще одно лицо, к которому Варвара Петровна была приязана не менее, как к Степану Трофимовичу, — единственный сын ее, Николай Всеволодович Ставрогин* (Достоевский. Пример взят из: [Воейкова 1987, 5]⁴). Частое опущение локативного члена в тех случаях, когда речь идет о мире действительности, можно объяснить тем обстоятельством, что существование в рамках данного пространства

³ Ср. рассуждения Дж. Лайонза [Lyons 1978, 449—450] о том, что слова типа *oblin* имеют свой денотат, поскольку их существование в каком-то смысле предполагается.

⁴ В приведенном примере предполагается скорее противопоставление земного мира ютустороннему, а не противопоставление реальности и фантазии.

является основным и поэтому отнесенность именно к нему подразумевается.

Таким образом, мы полагаем, что одно из значений существования, причем это значение можно считать главным по крайней мере для несобытийных явлений, можно интерпретировать так: занимать точку (находиться) в мире действительности ($\dot{E}x_1$) или, напротив, в мире фантазии, вымысла ($\bar{E}x_1$).

Принадлежность к каждому из этих миров предполагает и особые свойства "находящихся" в них объектов. Вследствие этого здесь возникает более глубинная связь между объектом и пространством, чем в случаях простого "нахождения".

1.3. Другие понятия экзистенциальности — E_{x_2} и E_{x_3}

Рассмотрим вопрос о том, оправданно ли относить к категории экзистенциальных и такие предложения, как *В лесу есть озеро*, *There is a book on the table* и т.д. Традиция их отнесения к экзистенциальным была связана с тем, что им приписывалось значение 'быть действительным, быть в действительности' [см.: Есперсен 1950, 155].

Выделение признака 'быть действительным, быть в действительности', вероятно, обусловлено тем, что информация о нахождении объекта в том или ином конкретном физическом пространстве предполагает существование этого объекта. По-видимому, подобные же соображения послужили основанием для включения в категорию экзистенциальности ($\dot{E}x_1$) и предложений, построенных по модели "*X has Y*" [см.: Clark 1970]: обладание предметом предполагает его существование. Рассмотрению данных моделей как экзистенциальных ($\dot{E}x_1$) способствовало и то, что в английском языке эти модели чаще всего употребляются лишь в тех случаях, когда *Y* не упоминался в предыдущей речи говорящих.

В русском языке, однако, такого ограничения нет. Так, можно сказать: *В комнате женщина* и *В комнате Маша*.

Более того, даже если бы отмеченное ограничение существовало всюду, оно не давало бы еще основания для вывода о том, что в значение рассматриваемых предложений входит признак $\dot{E}x_1$. Говорящий, строящий, например, фразу *На столе книга*, предполагает существование книг заранее известным и сообщает только о том, что объект из класса "книги" обнаруживается в пределах данного пространства ("на столе"). Справедливость именно такой интерпретации подобных предложений подтверждается тем, что эти предложения не воспринимаются как тождественные сообщениям типа *Есть такая книга, которая лежит на столе; Существует книга, причем эта книга лежит на столе*. Предложения типа *На столе книга* можно сравнить с такими фразами, как *Девочка пишет письмо*, цель которых не заключается в том, чтобы сообщить о существовании субъекта действия, хотя его существование предполагается. Таким образом, информация о существовании *Y*-а в предложениях, построенных по моделям "*В X-е (есть) Y*" и "*X has Y*", выступает как исходная, заданная, т.е. иными словами, относится к пресуппозиции высказывания, или вытекает из сообщаемого.

Сведения, входящие в пресуппозицию высказывания, необязательно принадлежат только контексту. Их можно признать компонентом значения в том случае, когда они определяют отличие данной языковой единицы от некоторых других языковых единиц. Информация Ex_1 не играет такую роль в высказываниях, построенных по моделям "У X-а (есть) Y", "В X-е (есть) Y", "There is Y" и т.д.

Пресуппозиционный и, больше того, необходимый характер признака Ex_1 подтверждается также следующим: если бы говорящий стал описывать некоторый фантастический мир, сознательно желая подчеркнуть, что все в нем иллюзорно, он все-таки мог бы использовать исследуемые модели.

Отметим также, что даже в обычных условиях речи высказывания, построенные по моделям типа "У X-а есть Y" "В-е (S) есть Y" не всегда предполагают существование Y-а. Например: *Есть что-то успокаивающее в молчании* (т.е., если, когда имеет место S, то в нем есть Y); *Есть какая-то тайная прелесть в осенних вечерах*.

Таким образом, мы полагаем, что большинство так называемых экзистенциальных предложений не включает в свое значение признак Ex_1 , и их предикат не представляет собой соединение двух предикатов: существует и находится. Вследствие этого есть основание вообще не относить рассматриваемые предложения к категории экзистенциальных и интерпретировать их просто как пространственные, как предлагает Ч. Панде [1983]. Мы, однако, сохраним здесь термин "экзистенциальные", но обозначим его особым символом Ex_2 . Сохранение данного термина частично связано с нежеланием нарушать традицию, но прежде всего с тем, что в семантической структуре языка значение "нахождение в мире действительности" четко не отделено от многих других случаев "нахождения". Так, не только глагол *быть*, но и глагол *существовать* может использоваться при указании на отнесенность к другим типам пространства; см., например: *В физике существует понятие пятимерного пространства*. Мы отмечали также противопоставленность земного мира потустороннему, который не обязательно отождествляется с миром фантазии. Кроме того, как мы говорили, пространство может быть сложным и включать в себя другие пространства. Сказанное относится и к миру действительности: при реализации значения Ex_1 , вероятно, может возникнуть представление о вхождении во множество объектов, принадлежащих данному миру. Например, так скорее всего можно толковать предложение: "*Бытие*", — говорил Парменид, — "*есть, а небытия вовсе нет*" (Герцен); здесь сообщается о наличии "бытия" среди явлений действительного мира и об отсутствии небытия (пример взят из кн.: [Воейкова 1987, 5], но интерпретирован иначе).

В лингвистике существует мнение, в соответствии с которым экзистенциальные высказывания отличаются от локативных только¹ по коммуникативной структуре высказывания: экзистенциальные предложения сообщают о наличии объекта (в нашем обозначении — Y-а) в пространстве, а локативные — о том, где находится Y [Kahn 1966]. Эта точка зрения развивается и в наших работах, с тем, однако, отличием, что особый тип ориентированности выска-

звания мы связываем только со значением Ex_2 . Значение же Ex_1 не зависит от функциональной (коммуникативной) перспективы. Кроме того, как мы попытаемся показать, основные экзистенциальные модели имеют еще некоторые признаки, отличающие их от локативных, в частности, они обычно предполагают более тесную связь между объектом и пространством.

Выделение значения Ex_2 часто самоочевидно и не требует специальной проверки. Однако в некоторых случаях оправданность пространственной интерпретации требует доказательства (см. п. 1.4).

К классу экзистенциальных относят и такие глаголы, как *происходить*, *случаться*, *иметь место*, которые употребляются обычно при именах, обозначающих события. О событиях принято говорить, что они существуют во времени, а предметы — в пространстве. Более точно было бы сказать, что и предметы, и события представлены в языке (или во всяком случае во многих языках) как существующие и во времени, и в пространстве. Однако связь событий со временем более тесная, более непосредственная. О предметах можно сказать, что они существуют в некотором пространстве в определенный момент или период времени. Напротив, события существуют во времени, которое само принадлежит некоторому пространству (например, миру действительности или какому-то вымышленному миру, созданному в художественном произведении). Их отнесенность к конкретному, частному пространству необязательна⁵. Такая тесная связь событий со временем определяется формой их существования. В п. 3 мы попытаемся показать, что события представлены в языке как состоящие из набора сменяющих друг друга фаз: каждая фаза появляется и исчезает вместе с соответствующим моментом времени. Вследствие этого можно сказать, что события "локализованы" во времени, т.е. их фазы распределены по временному отрезку и сменяют друг друга при его протекании. Именно на такую форму существования указывают, как мы полагаем, глаголы типа *происходить*, *случаться*. Например: *Взрыв произошел вчера в 6.30* (на временной оси есть точка, которую занимает описываемое событие, и в рамках этой точки реализовалось "протекание" события). Указание на отнесенность к миру действительности или, напротив, миру вымысла принадлежит здесь только пресуппозиции. Ср.: *Объяснение Анны Карениной с мужем произошло после скачек*. Добавление локативного члена необязательно, а иногда и невозможно (*Их роман длился три года*). Если относить глаголы типа *происходить* к экзистенциальным, то нужно выделить еще один тип экзистенциальности — Ex_3 (существование во времени). Ex_3 — информация о том, что денотат подлежащего занимает точку или отрезок на оси времени и "протекает" в рамках этого времени. Отметим, что глагол *существовать* также может относиться к событийным существительным, но он не акцентирует внимания на форме их существования во времени, и поэтому не связан с конкретным

⁵ На особое место глаголов типа *происходить* в рамках категории экзистенциальности любезно обратил наше внимание А.В. Бондарко.

моментом времени внутри заданного периода. Например, можно сказать: *В этих странах в XIX веке существовало людоедство* (т.е. людоедство еще входило в число принятых установлений, норм поведения) и *В этих странах в XIX веке еще имели место отдельные случаи людоедства*.

В книге предикаты, объединенные значением E_{x_3} , не рассматриваются.

Хотя время представляет собой принципиально иную категорию по сравнению с пространством, в определенных условиях оно может выступать в функции пространства (понятие пространства в языке, как мы говорили, функционально). Так, временной отрезок является пространством по отношению к отдельным точкам этого отрезка. Кроме того, событие, распределенное по временному отрезку (например, жизнь того или иного лица), может также выступать в функции пространства по отношению к более частным событиям, составляющим его.

1.4. Имеет ли модель "У X-а (есть) Y" пространственное значение?

Рассмотрим теперь вопрос об оправданности пространственной интерпретации экзистенциальных предложений типа E_{x_2} . Ее справедливость наименее очевидна по отношению к экзистенциально-посессивным предложениям. Поэтому мы остановимся именно на них.

Мы не рассматриваем посессивные отношения как обязательно пространственные (см. п. 2). Однако признаки пространственности и посессивности часто соединяются. Как будет видно из дальнейшего изложения, в языковой картине мира объект как бы "окружен" различными пространствами, чаще всего типа множеств, связанных с ним посессивными отношениями. Так, предполагается, что человек имеет или, во всяком случае, может иметь множество элементов собственности, множество родственников и т.д. Это позволяет строить сообщение о посессивном отношении между X-м (посессор) и Y-м (обладаемое) как бы не непосредственно, а через указание о вхождении Y-а в то или иное пространство, связанное посессивным отношением с X-м. Наряду с этим посессивное отношение может быть представлено и как отношение между двумя объектами. Ранее мы попытались показать [Селиверстова 1983], что многие запреты на преобразование конструкции "У X-а" (" $N_{им.} + N_{род.}$ ") в "У у X-а" (" $N_{им.} + u N_{род.}$ ") объясняются пространственным значением конструкции с предлогом у⁶. Так, словосочетания *стакан воды, буханка хлеба, килограмм сыра, горы снега* (родительный количества) не могут быть преобразованы в словосочетания **стакан у воды, *буханка у хлеба* и **килограмм у сыра*. Пространственная интерпретация объясня-

⁶ Эти запреты рассмотрены Г.Е. Крейдлиным [1980] и здесь даются в основном по его работе, в которой, однако, они объясняются только различием в актуальном членении и селективными признаками.

ет данный запрет: не может быть такого пространства, связанного с X-м, в котором существует его количество. Употребление моделей "У X-а есть Y", "X имеет Y" стало бы возможным только в том случае, если бы речь шла не об измерении количества вещества, а о перечислении характеристик этого вещества: У этого вещества, как и у всякого другого, есть количественные характеристики. Рассматриваемый запрет на преобразование распространяется и на все те случаи, в которых имя в именительном падеже обозначает собственно форму существования денотата второго имени, стоящего в родительном падеже: взрыв смеха (*взрыв у смеха), порыв ветра (*порыв у ветра), акт насилия (*акт у насилия). Неестественность пространственной интерпретации X-а в данных случаях очевидна. Понятно также, что материал, из которого сделан предмет (мы употребляем здесь слово *материал* и в буквальном, и в переносном смысле), не может рассматриваться как пространство существования предмета. Поэтому нельзя сказать: *свеча у воска ярого; *писатель у первого сорта. Из пространственной интерпретации вытекает также недопустимость преобразования словосочетаний с родительным сравнения в словосочетания типа "у X-а Y": при таком преобразовании Y₁ воспринимается как входящий в число свойств, составных частей и т.д. X-а, что противоречит значению родительного сравнения, показывающего, что Y₁, который соответствует Y-у₂ X-а, принадлежит кому-то другому. Таким образом, здесь имя в родительном падеже характеризует свойство Y-а₁, а не обозначает пространство, в которое включается Y₁. Вследствие этого не допускается преобразование высказываний: *Входит девушка. Лицо мадонны. Фигура Венеры в *Входит девушка. Лицо у мадонны. Фигура у Венеры.*

Словосочетание "у X-а" сохраняет пространственное значение и в тех случаях, когда оно служит для создания особых, самостоятельных синтаксических моделей предложения. В гл. III будут подробно рассмотрены эти модели со словом *есть* и с нулевой формой глагола *быть*, а здесь мы коротко остановимся на заполнении предикатной позиции другими глаголами.

По-видимому, можно сказать, что модели "У X-а V Y" (V — глагол), "У X-а Y V", "Y у X-а V" наказывают, что в посессивном отношении к X-у находится не только Y, но и все событие, субъектом которого является Y. Понятие посессивности будет рассмотрено в п. 2, а сейчас отметим только, что в данном случае мы имеем в виду следующие отношения: описываемое событие либо должно протекать на "территории" X-а и тем самым затрагивать и самого X-а, либо X должен иметь возможность использовать результаты, последствия описываемого события, либо, наконец, X должен выступать в качестве страдательного объекта описываемого события. Перечисленные случаи включают, как представляется, условие "актуальной", т.е. имеющей место в момент речи неотделимости части от целого [см: Крейдлин, Рахилина 1983]. Действительно, неправильность предложений типа **Перед нами лежал зуб у мамонта* (ср. *зуб мамонта*) можно объяснить тем, что описываемое событие (нахождение Y-а "перед нами") не соответствует ни к одному из перечисленных выше

трех отношений к X-у. Информация о втором и/или о третьем из этих отношений отличает и такие предложения, как *У меня сын работает на заводе* от высказываний, построенных по модели с посессивным местоимением *Мой сын работает на заводе* [Селиверстова 1977, 49]. Справедливость предложенной интерпретации подтверждается тем, что в предложениях с моделью "у X-а" не допускаются такие преобразования, при которых описываемое событие не может рассматриваться как являющееся "элементом существования" и самого X-а. Так, нельзя сказать: **Вдова у Ивана Ивановича живет в Горьком*⁷, хотя можно: *Вдова Ивана Ивановича живет в Горьком*; ср. также: *Его вдова живет в Горьком*⁸.

Отнесенность предикативной характеристики и к X-у, а не только к Y-у объясняет многие запреты, отмеченные Г.Е. Крейдлиным [1980]; например: *Красота Елены порадила меня с первого взгляда*, а не: **Красота у Елены порадила меня с первого взгляда* — объектом действия *порадить* является говорящий, а не Елена.

Из перечисленных трех типов отношений следует, что описываемое событие должно так или иначе затрагивать X, но необязательно протекать в пространстве "у X-а". Однако иногда, как отмечалось, модель "у X-а" задает то физическое пространство, в рамках которого протекает событие. Обычно это имеет место при описании действия в момент его протекания. Например, предложение (*Где Маша?*) *Она моет у меня собаку* может быть понято только в одном смысле: как сообщение о том, что событие 'моет собаку' происходит в каком-то месте, принадлежащем говорящему. Это предложение не может быть использовано, если говорящий хочет передать информацию о том, что описываемое событие имеет место где-то не у говорящего, но затрагивает и говорящего (например, потому что Y принадлежит говорящему).

Отмеченный Г.Е. Крейдлиным запрет на употребление конструкции "у X-а" в экзистенциальных предложениях типа *Послышались звуки скрипки* (нельзя: **Послышались звуки у скрипки*) можно также объяснить тем, что при введении предлога *у* скрипка воспринимается как то место, где слышались звуки, что абсурдно. Ср.: *В это время у соседей послышался шум*.

При U-е, представляющем собой часть тела X-а, модель "У X-а V Y" имеет также следующее ограничение: предикатную позицию в ней не могут занимать глаголы, обозначающие действия, направленные на объект: **Пальцы у него нежно гладили переплет книги*. Ср.: *Его пальцы нежно гладили переплет книги*. Ср.: *Руки у него дрожали*. Не вполне нормативно и употребление одновалентных глаголов, денотаты которых имеют агентивный субъект: *Губы у него шевелились, но слов не было слышно*. Ср.: *Его губы шевелились, но слов не было слышно*. Это ограничение можно объяснить следующим: если действие, в котором участвует часть тела X-а зависит от воли,

⁷ Этот пример любезно подсказан автору Т.В. Булыгиной.

⁸ Предложения с конструкцией "У X-а" отличаются от предложений с родительным притяжательным ("У X-а") и по коммуникативному членению (см. гл. II, п.2).

усилий X-а, то он и является истинным субъектом действия. При таких денотативных предпосылках требуется, чтобы X был либо введен в функции субъекта, либо представлен вне связи с событием. Предложения с моделью "у X-а" не удовлетворяют ни первого, ни второго требования.

Для понимания значения моделей "У X-а V Y", "У X-а Y V" важно указать и на то, что посессивное отношение между Y-м и X-м представлено здесь как исходное, заданное [см.: Григальюне 1986, 109—112]. Вследствие этого данные модели не употребляются, если речь идет о таком действии, в результате которого Y стал бы принадлежать X-у. Так, нельзя сказать: *У меня вставили зубы, *Я пришла у куклы голову и т.д. Употребление становится возможным, если сообщается либо о действии, приводящем к нарушению посессивного отношения (Y "извлекается" из сферы посессивности X-а — У меня украли часы), либо о действии, совершаемом как бы на фоне посессивного отношения между X-м и Y-м, причем само это отношение в процессе события не устанавливается и не разрушается⁹. О других признаках рассматриваемых моделей и об их отличии от моделей с дательным принадлежности см.: [Григальюне 1986].

Итак, в п. 2 были рассмотрены три экзистенциальных значения (Ех₁, Ех₂ и Ех₃), два из которых, как мы пытались показать, имеют пространственную интерпретацию.

Значение Ех₂ предполагает также особую коммуникативную структуру предложения.

2. ПОНЯТИЕ ПОСЕССИВНОСТИ

В лингвистической литературе существуют две основные тенденции толкования понятия посессивности: с одной стороны, это понятие часто сводят к понятию обладания, собственности [см.: Hawkins 1981], а с другой стороны, дается чрезвычайно широкое определение, в соответствии с которым посессивность охватывает почти любое отношение между субстанциями [см.: Seiler 1983], а иногда и отношения между предметом и признаком [см.: Warren 1984]. Высказывается также мнение, что значения сочетаний с посессивом целиком определяются семантикой имени и контекстом, а не семантикой посессива [см. об этом: Вольф 1974, 103—104]. Такое расхождение во взглядах можно объяснить тем обстоятельством, что категория посессивности складывается из ряда частных случаев, сходство между которыми и выводимость из некоторого общего значения не очевидны. Так, объединение даже двух основных посессивных отношений — отношении части к целому и отношении собственности — требует обоснования. Приведем аргументы в пользу широкого понимания категории посессивности.

Во-первых, использование во многих языках одного формального средства для обозначения и отношения собственности, и отношения

⁹ Последнее условие мы сформулировали несколько шире, чем И.И. Григальюне.

части к целому, и отношения продукта труда к его производителю и т.д. не может быть случайным. Оно говорит о том, что все эти отношения семантически близки.

Во-вторых, большинство отношений, описываемых "посессивными" языковыми единицами, не связано между собой семантической производностью и, таким образом, здесь не имеет место "цепочечная" многозначность. Отметим также, что на основании предварительных наблюдений, можно утверждать, что структуры значений многозначных языковых единиц вообще обычно не совпадают в разных языках. Сходство обнаруживается в самих типах семантической производности (например, основанные на метонимических, метафорических и т.п. связях), но при этом редко наблюдается регулярность их соотношения с одной и той же исходной семантикой, особенно в случае множественности отношений производности. Так, типичным может оказаться отдельный способ образования значений от основ сходной семантики (например, как показывает В.В. Иванов [КПСБ 1989], чрезвычайно продуктивным в разных языках и вообще в разных знаковых системах является использование части для обозначения целого). Напротив, сопоставление "средств" посессивности в разных языках позволяет увидеть, что набор отношений, описываемых этими единицами, разнообразен и, несмотря на это, достаточно устойчив [см.: Категория посессивности 1984; Вольф 1974; Селиверстова 1975; Seiler 1983; КПС 1988]¹⁰.

В-третьих, как мы попытаемся показать, все частные отношения посессивности могут быть сведены к одному чрезвычайно общему отношению, которое при всей своей неопределенности все-таки обладает достаточной предсказательной силой и объясняет многие наблюдаемые запреты на употребление посессивных единиц.

В основе этого общего отношения лежит, как представляется, идея, которую можно было бы образно описать как "распространение" одного объекта (посессора, X-а) на другой или на некоторое множество других (обладаемые, Y-и). Другими словами, это — "распространение" объекта на мир. Слова *распространение*, *распространять* мы употребляем неагентивно (они могут быть интерпретированы в значении 'быть распространенным на...') и не понимаем их в смысле чисто пространственного наложения одного объекта на другие. Пространственные связи могут лишь сопутствовать посессивным отношениям. Выбранный метатермин можно пояснить через три основных отношения: а) X "распространяет" свое "силовое" поле на Y, т.е. Y находится под властью X-а (физической, юридической, моральной); б) X "распространен" на Y физически или функционально, т.е. Y является частью X-а или частью его "существования" (жизнедеятельности, функционирования); в) Y несет в себе элемент посессора (имеет свойство, существующее как отношение к посессору —

¹⁰ Разные авторы иногда выбирают не полностью совпадающие классификационные сетки, что может создать впечатление о различии в самих типах посессивных отношений. Однако легко показать, что здесь имеет место разное "распределение" одних и тех же основных отношений.

его враг, его друг). Характеризуя три отмеченных отношения, важно обратить внимание на следующее: 1) эти отношения могут перекрещиваться; 2) они строятся на представлении о том, что потенциально Y мог бы иметь независимое существование; 3) отсутствуют четкие критерии для выделения данных отношений. Из последней характеристики следует, что денотативная отнесенность посессивных языковых единиц либо должна сильно различаться у разных говорящих, либо в сильной степени регулироваться узусом, т.е. принятыми в обществе представлениями, например, о том, при каких условиях объект, вовлеченный в деятельность другого объекта, может рассматриваться как часть некоторого отрезка существования последнего.

Данный вывод из постулируемого значения согласуется с использованием посессивных единиц, которое характеризуется и узуальными ограничениями, и широкой окказиональностью. Вместе с тем предлагаемое толкование объясняет многочисленные запреты на употребление посессивных единиц.

Это толкование позволяет объяснить, почему можно, например, сказать *станок Иванова*, но не: *Иванов станка, — здесь нет отношений собственности; далее, лицо не может рассматриваться как часть "существования" предмета, наконец, лицо здесь не представлено как обладающее свойством—отношением к предмету. Однако при выборе слов типа *создатель* возникает предпосылка для посессивной связи последнего типа: *создатель этого станка, его создатель*. Описываемое лицо (Y) обладает свойством 'быть создателем' именно по отношению к данному станку (X-у) и, таким образом, вовлечено в сферу посессивности X-а. Ср. также: *Машин друг*, но нельзя: *Маша друга.

Есть такие денотативные отношения, которые допускают разную интерпретацию в плане посессивности. Так, свойство может быть представлено как часть объекта (X-а). Однако можно считать, что свойство не имеет самостоятельного существования и, следовательно, не может быть отделено от объекта и, следовательно, не может находиться с ним в посессивном отношении.

Сходным образом может быть интерпретировано и действие. С одной стороны, действие — нематериальный продукт деятельности его производителя, с другой стороны, оно может рассматриваться как не имеющее самостоятельного существования отдельно от X-а, а также как прежде всего затрагивающее объект или адресат действия. Такая неоднозначность самой природы данных сущностей позволяет уже теоретически предсказать, что они будут описываться посессивными языковыми единицами лишь при некоторых особых условиях. К числу этих условий относится опредмечивание свойства или действия, что способствует их представлению в качестве "самостоятельных" явлений. Этот вывод из теоретических соображений действительно согласуется с употреблением посессивных языковых единиц.

Условие "самостоятельности", однако, необязательно связано с опредмечиванием. Другой предпосылкой может служить переход от собственно действия к событию. Слово *событие* мы употребляем

здесь в узком смысле и связываем его с представлением о более самостоятельном статусе по сравнению с действием, чему, в свою очередь, может способствовать отсутствие субъекта или наличие комплекса действий с одним и тем же или разными субъектами.

Так, в английском языке модель "to have N_v" (где N_v — отглагольное имя) может употребляться в форме Continuous, если N_v обозначает не конкретное действие, а набор действий, концентрирующихся вокруг основного действия, на которое указывает отглагольное имя [Григалюнене 1986, 67]. Например, предложение When you phoned me I was having a talk with my son 'Когда ты мне позвонил, я говорил с сыном' не показывает, что в описываемый момент времени обязательно говорил сам автор речи.

Для посессивной интерпретации должно быть также существенно "отсечение" связей описываемого действия от других, кроме его субъекта, актантов, для которых могло бы осуществляться действие и на которых прежде всего сказывался бы его результат. Данный теоретический вывод согласуется с наблюдаемыми ограничениями в употреблении посессивных моделей. И.И. Григалюнене [1986, 63] показывает, что сочетания типа to have a talk (a look) употребляются только в тех случаях, когда денотат подлежащего — это не только субъект или один из субъектов действия, но и тот, кого непосредственно касается результат действия, т.е., в частности, тот, кто может использовать результат действия. Данные словосочетания не используются, если в контексте имеется указание, что действие направлено на кого-то другого (не на X) или что оно совершается ради кого-то другого. Так, нельзя сказать: *I had a talk only for you или *I had a talk to you; ср. рус.: *Я имел с ним беседу только ради Вас, хотя соответствующие глаголы допускают такую сочетаемость: Я говорил с ним только ради Вас. Актант ситуации, соответствующий непосредственному объекту действия, не может также быть представлен в семантической структуре предложений с предикатами типа to have a talk (a look), если этот актант рассматривается не как уточнитель типа действия, а как тот, на ком прежде всего сказывается результат действия. Нельзя сказать: to *have a wash of the baby, *to have a trim of the bushes, *to have a shave of a customer. Напротив, сочетание to have a read of the (an) article, где слово article скорее уточняет характер действия, соответствует норме. Это свидетельствует о том, что здесь имеет место семантический запрет, а не формальный.

Действие может также рассматриваться как принадлежащее сфере посессивности не его производителя, а его адресата или бенефицианта. Именно так действие представлено в значении модели "to have N Part II" (N — имя, Part II — причастие второе). [см.: Григалюнене 1986, гл. III]. При этом субъект не может быть введен в описание ситуации. Важно также, чтобы темой текста был сам X (в данном случае — адресат или бенефициант), а не последовательность событий.

Не только событийные, но и многие другие ситуации могут быть осмыслены по-разному, под углом зрения возможности/невозможности их посессивного представления. Сужение или расширение сферы

посессивности зависит в большой степени от той значимости, которую говорящий придает посессору. Так, сфера посессивности "я" самая широкая (см. п. 2.1). Сфера посессивности лица шире, чем сфера посессивности предмета, события. Например, если Y представлен через свойство, определяющее его роль по отношению к X-у, причем X — лицо, то посессивную интерпретацию может получить даже случайная, эпизодическая для Y-а связь с X-м. Можно сказать: *мой редактор, ее редактор* и даже: *мой корректор*, хотя должность редактора, корректора может рассматриваться независимо от связи с авторами. Напротив, если в качестве точки отсчета выбрать книгу, то нельзя сказать: **ее редактор* и тем более **ее корректор* (значение имени в родительном падеже шире семантики посессивного местоимения). Можно только сказать *ее составитель* — свойство быть составителем в большей степени зависит от той функции, которую X выполнил по отношению к данной книге.

2.1. Психологическая концепция посессивности

Сопоставим теперь предлагаемую трактовку категории посессивности в языке с одной из психологических концепций этой категории, представленной в книге Э. Фромма "Иметь или быть?" [1986]. Фромм проводит различие между двумя типами существования — по типу бытия и по типу обладания. Используемое здесь понятие обладания значительно уже соответствующего понятия, отображенного в языковой системе. Грубо говоря, в концепции Э. Фромма понятие обладания связывается с представлением о накопительстве вещей, знания и т.д. и с оценкой личности в зависимости от ее материальной или нематериальной собственности, а не в зависимости от свойств самой этой личности. В это понятие входит также представление о статичности, об оторванности личности от постоянной созидательной деятельности, не связанной с самоутверждением. Напротив, существование по типу бытия предполагает интерес к внешнему миру, деятельность. Как представляется, в этом противопоставлении автору удалось уловить очень интересное различие в ценностных установках личности. Данные понятия, однако, не могут быть перенесены на трактовку языковой системы. Прежде всего отметим, что у Э. Фромма фактически используются три понятия: "существование", "бытие" и "обладание". В языковой же системе соотносимы между собой категории „бытия" и „обладания" (посессивности). Далее, категории бытия и обладания (посессивности) не противопоставлены друг другу по связи с типом деятельности, поведения. Как будет видно из дальнейшего изложения (п. 3), и глаголы *быть*, *be*, и глаголы *иметь*, *have* чаще всего обозначают просто связь между объектом и пространством или между объектами и, таким образом, не обозначают деятельности. Кроме того, именно признак посессивности часто входит в значение глаголов, обозначающих тот или иной род деятельности — *брать*, *давать*, *принимать*, *получать* и т.д. Наконец, языковая категория посессивности не имеет обязательно отрицательных коннотаций. Представление тех или иных

элементов внешнего мира как принадлежащих к сфере посессивности X-а может быть вызвано желанием подчеркнуть свое небезразличие к внешнему миру, свою сопричастность ему. Так, в одном из стихотворений А. Блока, как мы пытались показать [Селиверстова 1975, С. 122—123], в основе необычного употребления глагола *принять* (например: *Принимаю пустынные веси и колодцы земных городов*) лежит рассмотрение всего внешнего мира и всего, что в нем происходит, как того, что имеет непосредственное отношение к поэту, что с ним лично связано.

2.2. Частные случаи отношения посессивности

Поясним теперь предложенное общее понимание категории посессивности через перечисление отдельных частных отношений посессивности.

X может быть представлен как посессор Y-а, если Y — свойство и X — его носитель. Напротив, свойство не может быть охарактеризовано как посессор носителя свойства (*доброта Ивана*, но: *Иван доброты; *красота Елены*, но: *Елена красоты). Данное отношение подпадает под предложенное общее определение посессивности: свойство — составная, хотя и "невещественная" часть X-а, которая, однако, может быть представлена опредмеченно. Кроме того, свойство в каком-то смысле подчинено своему носителю, как всякая часть подчинена целому.

X — посессор Y-а, если Y — часть X-а, причем часть Y, которой X может как-то управлять, подчинять себе, или, во всяком случае, если X может быть идентифицирован как X и при потере Y-а, и вообще членов того множества, в которое входит Y (т.е. X должен быть X-м и без Y-в). Например: *его рука*, *его голова*, но: *он руки, а также: *фамилии списка (список перестает быть списком без фамилий); *кислород воды **У этого списка есть твоя фамилия*; **У воды есть кислород*). Заметим, что признак посессивности в других языках, по-видимому, чаще распространяется на любое отношение части к целому (см. гл. V).

X может быть представлен как посессор, если Y — чувство, ощущение, состояние и X — носитель его. Чувство, ощущение не могут быть представлены как посессоры X-а (*его страх*, *его волнение*, *его тоска*, но: *он волнения, *он страха). Это отношение также подводится под общее определение: чувства, ощущения — продукты жизнедеятельности X-а, созданы в нем и существуют в нем.

X может быть охарактеризован как посессор Y-а, если Y — представление, понятие, вообще элемент мировоззрения X-а: *его представление*, *его вера*.

X может рассматриваться как посессор тех действий, которые он осуществляет, или процессов¹¹, которые в нем протекают, а также

¹¹ При процессе X может выступать в роли неагентивного субъекта, который, однако, играет определяющую роль в реализации процесса (свойства X-а, его состояние, положение в пространстве являются источниками той силы, которая определяет протекание процесса) [СТП 1982, гл. II, п. 4].

результатов, продуктов этих действий: *его удар, его помощь* (но: **он удара, *он помощи*); *его статья, его книга*.

Объект действия может считаться обладаемым, если при этом он физически оказывается "во власти" X-а, т.е. попадает во временную собственность X-а. Так, словосочетание *моя ручка* в зависимости от контекста может означать: 1) ручка, которая входит в число элементов собственности X-а; 2) ручка, которой X пользуется в данный момент, которая, следовательно, попадает в его "физическую власть" в данный момент времени. Характеристика Y-а, так или иначе вовлеченного в действия, деятельность X-а, через посессивное местоимение всегда сопряжена с информацией о наличии какого-то отношения собственности, хотя бы очень расширенно понимаемого. Вследствие этого представление такого Y-а как обладаемого обычно окказионально и имеет место в высказываниях, которые носят шуточный характер. Так, о комнате, которую говорящий ищет, чтобы увидеться с ее "обитателями", можно сказать: *А вот и моя комната*, вместо: *А вот и та комната, которую я ищу*. При восприятии первого предложения возникает впечатление, что говорящий несколько необоснованно расширяет сферу своей посессивности. Так же воспринимаются и словосочетания типа *мой молодой человек, мой итальянец*, употребленные для обозначения человека, с которым говорящий работает.

X выступает также как посессор тех возможностей, которые он может реализовать в своих действиях: *Его возможности, его ресурсы*.

X — посессор временных отрезков своего существования (*его счастливое время, у меня есть свободная минута*)

X может также характеризоваться как посессор того места в пространстве, которое он занимает или должен занимать (*мое место, место этого стула*). При этом речь может идти как о физическом пространстве, так и о какой-то социальной и/или производственной системе (*его должность, его место в обществе*). Вероятно, посессив характеризует описываемые отношения не просто как производственные, но и как отношения владения: X имеет или как бы имеет какие-то права на Y и/или власть над ним. Этим можно объяснить то, что сочетание посессива с именем, обозначающим неодушевленный объект, встречается значительно реже и ограничивается теми условиями, которые наиболее естественно могут быть подведены под отношения "владения". Например, можно сказать: *Вот место этого стула*, но: *Рядом с тем местом, где стоял стул, лежал маленький коврик*, а не: **Рядом с местом стула лежал коврик*. При расширении пространства, т.е. если речь идет не о том пространстве, которое непосредственно занимает X, а о пространстве, в котором он находится, работает, посессив вообще не употребляется, если X — неодушевленный. Так, словосочетание **комната вычислительной машины* не соответствует норме; ср. *комната, где стоит вычислительная машина*. Если X относится к классу людей, он чаще может быть представлен как посессор. Однако и здесь имеются ограничения. Эти ограничения снимаются только в том случае, когда X тождествен самому говорящему, а

также слушающему (в лингвистике уже обращалось внимание на то, что для языка важную роль играет противопоставление "я" всему остальному [Степанов, 1979]). Так, можно сказать: *моя (твоя) улица; мой (твой) город; моя страна; моя (наша) лаборатория; мой (наш) институт*. Напротив, если речь идет о третьем лице, посевив в указанной сочетаемости обычно не употребляется: ?*улица (город, страна) Ивана Ивановича; ?лаборатория (институт) Ивана Ивановича* (последние словосочетания полностью соответствуют норме только, если X — заведующий лабораторией или директор института). Относительно большую естественность подобные сочетания приобретают в тех случаях, когда описывается довольно узкое пространство и когда речь идет о лице, близком говорящему (*дом моего брата* вместо *дом, где живет мой брат*). Сочетание *в его городе* более естественно, если речь идет о совсем маленьком городке. Ср. также англ. *in his town*, но ?*in his city*, рус. *в его деревне*.

X может характеризоваться как посессор членов того класса, принадлежность к которому Y-а определяется его отношением к X-у: например: *мой враг, мой друг, хозяин этой собаки*. Здесь также имеет место определенное распространение "личности" X-а на Y: данное свойство Y-а ("быть врагом, другом, хозяином") обусловлено тем, как Y связан с X-м. Заметим, что Y здесь обязательно должен быть обозначен тем именем, которое указывает на данное отношение: *хозяин этой собаки*, но: *Иван этой собаки. Это последнее словосочетание было бы понято как сообщение об отношении собственности¹².

X — посессор временной или постоянной собственности, вследствие того или иного права, закрепленного за ним или присвоенного им. X может характеризоваться как обладатель духовных ценностей, а также того, что может рассматриваться как его преимущество, достоинство, или вообще как какое-то нематериальное богатство (например: *У него есть Мария, У него есть родина*).

Все рассматриваемые отношения необратимы: из того факта, что X — посессор Y-а не следует, что и Y — посессор X-а. Можно, правда, сказать: *У меня есть Мария, а у нее есть я*. Однако здесь скорее речь идет о двух отношениях, накладываемых друг на друга.

Таким образом, число посессивных отношений ограничено, и они все подпадают под три общих перечисленных случая: нахождение в силовом поле посессора; включение в качестве части посессора или части его существования; связь через свойство, существующее как отношение к посессору.

Как мы отмечали, в лингвистической литературе ставится вопрос о том, целиком ли определены посессивные отношения семантикой слова, обозначающего Y, и контекстом, или посессивные модели имеют свое значение. Мы полагаем, что контекст, в том числе

¹² Е.М. Вольф обратила внимание на то, что из всех посессивных отношений отношение собственности наименее контекстно обусловлено [Вольф 1976, 103—104].

¹³ На необратимость посессивных отношений обращал внимание Э. Бендикс [Bendix 1966].

слово, обозначающее Y, предопределяет то, какое из перечисленных основных отношений и их вариантов реализуется (из них наименее контекстно обусловленные — отношения собственности), но значение самой посессивной модели определяет то, что реализуется одно из этих отношений. Об этом свидетельствует существование рассмотренных запретов на употребление посессивных моделей. Ср. также: *Я говорю с адвокатом и У меня есть адвокат; Я говорю с Машей и У меня есть Маша*. Здесь очевидно, что информацию об отношении посессивности вносит сама модель "У X-а есть Y"; ср. также: *В комнату вошел адвокат и В комнату вошел мой адвокат*.

3. ТИПЫ ПРЕДИКАТОВ С ГЛАГОЛАМИ БЫТЬ И ИМЕТЬ В РАМКАХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕДИКАТОВ

3.1. Фазовые/нефазовые предикаты

3.1.1. Предикаты могут быть разделены на такие группы, как предикаты мышления, движения, "нахождения в пространстве" и т.д. В рамках этих групп могут быть выделены предикаты со значением действия, процесса, состояния и т.д. Например: *Он болеет (хворает)* (процесс) — *Он болен* (состояние); *Он часто раздражается* (процесс) — *Он часто бывает раздражен* (состояние). Если деление на предикаты мышления, движения и т.п. назвать первой, или вертикальной классификацией, то классификацию, делящую предикаты на действия, процессы и т.д. и пересекающую первую, можно считать второй, или горизонтальной. Этой второй классификации посвящено большое количество лингвистических работ, и предлагаемые в них классификационные сетки часто существенно различаются между собой. В работе принимается тот вариант классификационной схемы, который предложен нами ранее [см.: СТП 1982, гл. II].

Для этого варианта важно прежде всего противопоставление, которое проводится между действиями, процессами, состояниями, с одной стороны, и свойствами, предметами — с другой. Отличительной чертой действий, процессов и состояний является то, что они представлены в языке как существующие пофазно, т.е. в каждый отдельный момент времени существует либо только одна фаза развития действия или процесса, а не действие, процесс в целом, либо их существование ограничено этим мгновением. Таким образом, в каждый следующий момент немгновенное действие, процесс как бы исчезают и тут же создаются вновь. Иными словами, одна фаза непрерывно переходит в другую, т.е. действие и процесс получают свою целостность лишь в рамках всего того отрезка, пока они имеют место. Мы будем называть данную черту действий и процессов "фазовостью" существования¹⁴. По этому признаку они

¹⁴ Термин "фазовый" обычно относят к таким предикатам, как *начать, кончить*. Мы расширяем сферу применения данного термина, но фактически употребляем его в значении, близком к общепринятому.

отличаются от предметов и свойств, которые представлены в языке как существующие в каждый момент времени в целом, а не в виде последовательности непрерывно сменяющих друг друга фаз. Сказанное не означает, конечно, что в языке нет форм, которые указывали бы на изменение предметов и их свойств. Есть предикаты, которые несут информацию о процессах становления или изменения свойства: *Он все умнеет и умнеет*. Однако есть предикаты, которые сообщают о приписании объекту свойства или набора свойств, объединенных в предмете. И в этом случае свойство мыслится, даже если его существование ограничено каким-то временным отрезком, не как состоящее из фаз, распределенных по отрезку, а как такое, которое как целое "перемещается" во времени. Многие лингвисты [Vendler 1967; Hirtle 1975; Comrie 1976; Lyons 1978] при описании предикатов действий и процессов говорят о фазовости их денотатов. Однако эта характеристика в их работах отождествляется с изменяемостью во времени. Вследствие этого, с одной стороны, она обычно отгесняется на задний план (исключение, вероятно, составляет только работа Хертла), и в обобщающем определении говорится только о признаке изменяемости "неизменяемости". С другой стороны, данное отождествление приводит к тому, что нефазно существующими считаются все предикаты, указывающие на неизменяемость во времени. Так, У. Хертл пишет: "Состояние в отличие от действия представлено как целое в каждый момент своего существования" [Hirtle 1975, 103]. Термин "состояние" относится здесь к большой группе разнообразных предикатов и, в том числе, к таким предикатам, как *be hungry*, *be asleep*, чьи денотаты, как мы считаем [см.: СТП 1983, гл. II], существуют в виде набора абсолютно идентичных фаз, смена которых происходит сама по себе, без приложения силы. Укажем на некоторые типичные особенности употребления, характерные для предикатов со значением нефазовости существования. Своеобразие их семантики приводит к ограничению в сочетаемости с такими выражениями, как *весь день*, *весь год* и т.д.

Действительно, если предикативный денотат характеризуется как последовательно переходящий из одной временной точки в другую, то он не может занимать весь тот отрезок, по которому перемещается, подобно тому, как предмет, который проходит путь от одной точки до другой, не занимает весь этот путь, если длина пути больше его длины. Таким образом, если предложенная модель представления свойства во времени верна, то предикаты со значением свойства не должны сочетаться с выражениями типа *весь день*, *весь год*. Такой запрет на употребление действительно имеет место; можно сказать: *В прошлом году я была толстой, а потом похудела*; а не: **Весь год я была толстой, а потом похудела*; *В молодости она была красивой, а не: *Всю молодость она была красивой*; *В прошлом году дом был желтым, а потом его покрасили в красный цвет*, но не: **Весь прошлый год дом был желтым*; *В прошлом году сквер был прямоугольным, а потом его сделали круглым*, а не: **Весь прошлый год сквер был прямоуголь-*

ным. Существуют, однако, условия, при которых реализация значения свойства может не противоречить сочетаемости с выражениями типа *весь год*. Во-первых, если в каком-нибудь языке связка в рамках предиката со значением свойства может получать относительно независимую характеристику (т.е. если предикат делится на две части: само свойство; пребывание в этом свойстве), то тогда предикат свойства в этом языке получит возможность сочетаться с рассматриваемыми выражениями, причем они будут характеризовать протяженность "пребывания" Y-а в данном наборе качеств, а не протяженность самого свойства. Такую независимость (во всяком случае во многих языках) связка может получать в рамках "пространственного" предиката.

Во-вторых, предикаты со значением свойства могут сочетаться с рассматриваемыми временными выражениями, если слово *весь* используется не для того, чтобы показать, что описываемое явление заполняет собой весь рассматриваемый отрезок времени, распределено по нему, а для указания на то, что сделанное утверждение справедливо для любого отрезка внутри данного периода. Такое значение слово *весь* имеет, например, при употреблении в словосочетаниях *вся жизнь*, что и приводит к возможности построения предложений типа: *Всю жизнь я была толстой*. Кроме того, предикаты с исходным значением свойства могут развивать другие значения, которые допускают рассматриваемую сочетаемость.

В отличие от предикатов со значением свойства предикаты со значением процесса или действия свободно сочетаются с выражениями типа *весь день*, *весь год* (если, конечно, они не характеризуются признаком мгновенности). Признак фазовости существования позволяет объяснить возможность этой сочетаемости: так как в каждый новый момент времени создается следующий этап действия, процесса, а предыдущий этап как бы остается с уходящим моментом времени, действие, процесс оказываются распределенными по временному отрезку, заполняющими его целиком.

Способность сочетаться с выражениями типа *весь день* обнаруживают и такие предикаты, как (X) is hungry, (X) раздражен, (X) в отчаянии. Например: *Весь день он был раздражен*. Это свидетельствует о том, что данные предикаты, которые в основном подпадают под класс предикатов состояния Л.В. Щербы, так же как предикаты действия и процесса, характеризуют свои денотаты как создаваемые во времени и, следовательно, фазовые.

Таким образом, на основании высказанных соображений мы считаем, что признак фазовости/нефазовости противопоставляет предикаты типа (X) голоден, (X) в отчаянии, т.е. предикаты состояния в нашей терминологии и предикаты свойства (качества).

Следует, однако, отметить, что предикаты с исходным значением качества в некоторых условиях употребления, вероятно, получают значение состояния и вследствие этого начинают сочетаться с выражениями типа *весь год*. Например, можно сказать: *Все лето трава была зеленой*. Отметим, что такое значение предиката *быть зеленым* возникает обычно при сочетании с существительными,

обозначающими что-то живое, растущее (ср., напротив, приведенные выше примеры). Именно при этом условии цвет наиболее естественно может быть воспринят как создаваемый во времени.

Выражения типа *весь год*, *весь день* необязательно показывают, что описываемые действия или процессы длятся непрерывно. Они могут также показывать, что в течение всего описываемого отрезка времени имели место акты реализации действия или процесса: *Весь год я ходила туда*. Вследствие возможности такого употребления данные выражения встречаются также с предикатами, которые либо обозначают акты проявления качества, либо указывают на повторность появления самого качества: *Всю войну свет был тусклым* (т.е. когда зажигался свет, то он всегда был тусклым).

Таким образом, предикаты качества могут употребляться с выражениями типа *весь год*, *весь день*, либо при сдвигах в значении (возникает значение состояния или значение актов проявления свойства), либо при описании многократности появления свойства. Существует также отмеченная теоретическая возможность выделения связи в относительно самостоятельный элемент сказуемого, реализации которой привела бы также к допустимости употребления рассматриваемых сочетаний. Окказионально особые осмысления могут также получать сами временные выражения со словами *весь*, *целый*.

Кроме выражений типа *весь год*, *весь день*, существует еще один вид выражений, сочетаемость с которыми не согласуется со значением нефазовости существования. Если свойство не возникает во времени, а только "перемещается" по времени (время проходит через него), то оно не требует приложения силы, которая была бы нужна для существования создаваемого во времени предикативного денотата (если он, конечно, не воспроизводится по инерции как состояние). Вследствие этого предикаты свойства не должны сочетаться с такими выражениями, как *с какой силой*, *с каким усердием*, *с каким упорством*, которые указывают на вклад сил субъекта. Подобная сочетаемость действительно не имеет места. Так, нельзя сказать: *С каким усердием она была уборщицей* (ср. *С каким усердием она убирала*); **С каким увлечением он был коллекционером*; **С каким увлечением он был коллекционером* (ср. *С каким увлечением он коллекционировал марки*); **С каким напряжением она была свидетелем этой сцены* (ср.: *С каким напряжением она следила за этой сценой*).

Для предикатов со значением качества или набора качеств представленных в предмете, характерно также употребление со словом *раньше*, например: *Раньше она была красива*. Слово *раньше* не обозначает первую часть какого-то описываемого временного отрезка, а дает неопределенную временную отнесенность. Поэтому данное слово не может сочетаться с предикатами, обозначающими отдельное действие, процесс, или состояние. Эти предикаты всегда соотнесены с каким-то конкретным временным отрезком: *Сначала я вымыла пол, а потом пошла гулять*, а не: **Раньше я вымыла пол, а потом пошла гулять*; *Сначала она была в каком-то*

раздраженном состоянии, но потом успокоилась, а не: *Раньше она была в каком-то раздраженном состоянии, а потом успокоилась. Такое употребление становится возможным только в том случае, если описывается некоторое множество действий, процессов, состояний (множественность), обобщенное действие или процесс.

Таким образом, рассмотренные предикаты со значением качества, свойства или набора свойств, объединенных в предмете, не только связаны с понятийной категорией качества предмета, но и представляют ее в языке именно как особую категорию¹⁵.

Итак, глагол *быть* в русском языке, так же как и соответствующие глаголы в большинстве других языков, используется для образования одного из основных предикативных типов; предикатов со значением качества или набора качеств, объединенных в предмете.

3.1.2. Остановимся подробнее на предикатах типа (он) молодой человек, которые можно записать в форме "Y (связка) N_k" (N_k — общее имя). И в собственно логической, и в лингвистической литературе имеются три основные точки зрения. Во-первых, данные предикаты включаются в рубрику тождеств (такая трактовка дается, с одной стороны, например, Б. Расселом [Russell 1903], а с другой — А.М. Пешковским [1937]). Во-вторых, они относятся к классу предикаций в терминологии логических работ [см.: Searle 1969; Арутюнова 1976; Вайс 1985], что близко к их интерпретации как предикатов качества, свойства [см.: ГРЯ 1954; Смирницкий 1957]. В-третьих, данные предикаты рассматриваются как некоторый промежуточный тип, для описания которого вводится понятие "отождествление", отличное от тождества [см., например: Лекант 1976]. Эта последняя точка зрения представляется нам наиболее оправданной, хотя и требующей пояснения. Мы полагаем, что именные предикаты вида N_k могут быть описаны через понятие "конструкт члена класса". Под этим понятием имеется в виду еще не заполненная ячейка в предметном ряду членов класса, за которой закреплены свойства общие для всего класса, а также предметная характеристика. Таким образом, модель "Y (связка) N_k" вносит информацию о том, что Y заполняет собой такую ячейку. Информация о включении в класс обусловлена самим характером конструкта, который в данном случае соотносится с членом класса. Однако конструкт может соответствовать и как бы контуру индивидуального предмета, охарактеризованного, например, по выполняемой функции: *Маша — его жена*. Заметим, что способность именной части предиката иметь при себе притяжательное местоимение доказывает предметный характер денотата. Предикат свойства не может быть

¹⁵ На возможность несоответствия между исходной понятийной характеристикой протоденотативной ситуации и ее представлением в языке обратил внимание еще Л.В. Щерба. Он писал, что свойство может быть представлено как процесс или действие, действие как состояние и т.д. [Щерба 1974, 90]. Мысль о необходимости четко разграничивать исходную понятийную характеристику описываемого и его представления в языке последовательно проводится А.В. Бондарко [1978, 69—70].

представлен как находящийся в посессивных отношениях с объектом, не выступающим в качестве носителя этого свойства.

Глагол *быть* или его нулевая форма участвует и в формировании предикатов тождества. Мы полностью разделяем мысль тех лингвистов, которые считают — если воспользоваться четкой формулировкой Д. Вайса, — что "связка может интерпретироваться как знак равенства только тогда, когда по обе ее стороны стоят выражения одного и того же референтного статуса..." [1985, 450]. Вместе с тем мы не можем согласиться с утверждением Д. Вайса, что в высказываниях тождества констатируется взаимозаменяемость двух выражений на основе их кореферентности, и, таким образом, имеет место метаязыковая операция (там же, 435). Если бы это было так, то, например, предложение *Президент США — Картер* выполняло бы роль инструкции, разрешающей обозначать данное лицо и через слово *Картер*, и через выражение *президент США*. Очевидно, однако, что такой функции приведенное предложение не выполняет. Как нам представляется, более правы те лингвисты [Беллерт 1978; Арутюнова 1976, 303], которые считают, что данные высказывания сообщают о денотативном тождестве. Приводимое Д. Вайсом критическое замечание Витгенштейна, касающееся понятия тождества объектов [там же, 436], справедливо по отношению к миру вне его отношения к описываемому этот мир лицу. Объектом в речи служит мир, "пропущенный" через наше восприятие. И в рамках этого преобразованного мира объект, взятый в разные периоды его существования, или в разных областях его существования, может быть представлен как разные объекты. И сообщения о тождестве можно интерпретировать так: то, что в некоторой картине мира представлено как разные объекты, есть один и тот же объект.

При описании предложений тождества важно также учитывать их тема-рематическую организацию, как было показано Д. Вайсом. Однако в отличие от Вайса мы не считаем, что здесь тема соответствует "неизвестному", а рема "известному". Как нам представляется, "неизвестной", здесь является только сама связь между коммуникативными элементами. Произнося предложение *Президент США — Картер*, говорящий предполагает, что его слушатель знает и о существовании президента США и о некотором лице по имени Картер. О том, что тема "известное", говорит запрет выбора неопределенных местоимений для ее обозначения, что было отмечено самим Д. Вайсом. При изменении порядка слов и/или интонационного рисунка меняется только сама коммуникативная перспектива (мы будем описывать ее в терминах $X^{\text{мого}}$ и $X^{\text{шего}}$, гл II, п. 2), а не информативная структура.

В работе Вайса выделены критерии, позволяющие отделять предложения тождества от предложений называния и предикации, в состав которых также входит глагол *быть*.

3.1.3. С помощью глагола *быть* строится еще один предикативный тип: предикаты со значением состояния, о которых уже говорилось. Мы выделяем шесть признаков, характеризующих данный

предикативный тип: состояние представлено как существующее пофазно; состояние занимает отрезок, а не точку на временной оси; состояние не изменяется во времени (сменяющие друг друга фазы идентичны); состояние не требует приложения силы для своего поддержания и, следовательно, оно не зависит от субъекта (субъект — "страдательный"), состояние, так же как и свойство, всегда ориентировано на субъект; состояние всегда заполняет собой тот временной отрезок, с которым оно соотносится, т.е. состояние имеет место в любой точке этого временного отрезка [см.: СТП, 1982, гл. II]. Остановимся на последнем из этих признаков.

Мы уже говорили, что предикаты состояния отличаются от предикатов со значением качества прежде всего по первому признаку. Это различие выступает особенно четко вследствие соединения первого и шестого признаков. Состояние не может быть абстрагировано от протекания во времени. Вследствие этого высказывания *Я раздражен; Мне холодно; Я болен* могут быть поняты только как сообщения о том, что реально имеет место в описываемый момент времени¹⁶; ср.: *Я работаю на заводе* (эта фраза может быть произнесена человеком, который в момент речи отдыхает); *Я легко раздражаюсь; Я интересуюсь марками*.

Предикаты обобщенного действия или процесса (класса действий, процессов) стоят ближе к предикатам качества (свойства), чем предикаты, обозначающие отдельные действия, описанные в их протекании во времени. Это связано, во-первых, с тем, что при рассмотрении класса действий или процессов, т.е. при абстрагировании от отдельных действий или процессов, менее четко ощущается фазовость их существования. Во-вторых, для истинности утверждений об обобщенных действиях (процессах) не требуется, чтобы эти действия (процессы) имели место в любой точке описываемого отрезка времени. Многие свойства могут также восприниматься как актуализированные непостоянно. Так, можно сказать: *Вообще-то он добрый, но сегодня в него какой-то бес вселился; Вообще-то вода в этой реке теплая, но сегодня она холодная*; ср. *Вообще-то я сейчас работаю над проектом, но сегодня я решил немного отвлечься*¹⁷.

Существует еще один тип предикатов, который образуется с помощью глагола *быть*. Это предикаты со значением пассивного результата, которые обычно объединяют с предикатами состояния [см.: ТПК 1974]. Мы попытаемся показать, что результаты образуют особый тип, связанный с предикатами состояния лишь деривационными отношениями. Для многих из них характерна способность развивать значение состояния. Об их отличии от предикатов состояния свидетельствуют прежде всего особенности их сочетаемости с временными показателями. Результативы, не соотносимые

¹⁶ На это свойство данных предикатов обратила внимание Т.В. Булыгина. Она отметила, что эти предикаты могут иметь значение только актуализированного настоящего [Булыгина 1980].

¹⁷ Судя по предварительным наблюдениям, в английском языке предикаты со значением свойства не употребляются в таких контекстах.

с мгновенным действием, не могут иметь при себе слова, указывающие на точку во времени. Так, нельзя сказать: **В эту минуту (в шесть тридцать) пирог был испечен (роман прочитан, отчет проверен)*. Можно указать только на ту точку, до которой действие было завершено: *В 6.30 доклад был уже написан; К этому времени пирог был уже испечен*; ср. также: *В 6.30 доклад был закончен* (указание на точку достижения предела).

Денотаты результатов не могут занимать и какой-то определенный отрезок на оси времени, на что обращалось внимание в лингвистической литературе (РГ 1980, § 1444). Так, нельзя сказать: **Пирог испечен с трех до пяти; *Доклад написан с шести до семи*. Эти особенности употребления можно объяснить тем, что результатив сохраняет основные семантические признаки, присущие формам совершенного вида. Нам представляется, что наиболее точное толкование его семантики было предложено Д. Пайяром [1989]. В соответствии с этим толкованием формы совершенного вида (СВ), сообщая об осуществлении действия, процесса, описывают не его протекание во времени, а, как мы бы сказали, следующий за этим этап оценки действия под углом зрения его количества и/или достигнутого им некоторого качественного изменения в нем самом, в его объекте или субъекте. Под количеством действия мы имеем в виду прежде всего количество усилий и времени, затраченных на осуществление действия (*написать* — оценивается как действие, на которое уходит немного усилий и/или времени). В каком-то смысле можно сказать, что количество действия измеряется и величиной охваченного им объекта (*выпить полведра, ведро* и т.д.). Важным достижением предложенной трактовки представляется то, что СВ здесь трактуется не просто как описывающий действие (или некоторую выделенную его часть, например, начальную) целиком и, следовательно, как описывающий момент после завершения протекания действия во времени, а как включающий особый мысленный акт соотношения осуществленного действия с той или иной шкалой качественных или количественных измерений или мер¹⁸. Именно такое представление семантической структуры глаголов СВ может объяснить, как мы писали [ПИПК 1989, 260—61], почему их денотат, если он не соответствует мгновенному действию, где момент осуществления действия и момент оценки совпадают, не может занимать определенного положения на оси времени: длительное действие не осуществляется в тот момент, когда имеет место акт его оценки, и не может быть соотносено с тем отрезком времени, когда оно имело место, так как оценка осуществляется после этого (о глаголах типа *проспать* см.: [ПИПК 1989, 261]. Ср. формы СВ, соотносимые с длительными действиями, и такие описательные выражения, как *начать в t₁ и кончить (закончить) в t₂: начала читать статью в 10 и кончила в 5 и *прочла с 10 до 5*; можно только: *прочла за 5 часов*.

¹⁸ Из сказанного следует, что данное толкование СВ не противоречит предшествующим его определениям (см., например, детальный и тонкий анализ СВ и НВ в [ТФГ 1987]), но вносит важное уточнение в понимание структуры значения СВ.

Существенно также, что в рамках предлагаемой концепции оценка действия по отношению к пределу рассматривается как частный случай.

Результативы, как мы полагаем, также представляют действия или процессы, после их оценки по отношению к произведенным качественным или количественным изменениям, причем, как уже неоднократно отмечалось [например, Буланин 1978], "воспоминание" об акте протекания во времени здесь может быть наиболее стертым, что и приводит к частым запретам на употребление модификаторов, характеризующих способ "достижения" изменения или испытываемые при этом чувства; ср.: *Я с удовольствием вымыла посуду, Я с удовольствием испекла пирог и * Пирог был с удовольствием испечен.*

Перенос внимания с оценки произведенных действием качественных и количественных изменений на возникшую новую характеристику объекта или субъекта приводит к переходу результативов в класс предикатов состояния или свойства и изменяет их сочетаемость с временными модификаторами: *Уже год стол сломан, и никто не побеспокоится о том, чтобы его починить, хотя результативы не употребляются в подобных условиях: *Доклад написан уже час; *Он сломлен уже года три.*

Таким образом, денотаты предикатов со значением результата соотносятся с временным периодом ("вчера", "в прошлом году" и т.д.), но не занимают внутри него какого-то определенного положения, т.е. какой-то определенной точки или отрезка.

Итак, глагол *быть* употребляется для образования предикатов со значением свойства или набора свойств, объединенных в предмете, со значением состояния и со значением результата. Эти предикативные типы по ряду признаков прямо противоположны друг другу.

3.2. Понятие связки

3.2.1. Во всех рассмотренных видах предикатов глагол *быть* принято называть связкой. Понятие связки в разных работах интерпретируется по-разному. Анализ различных точек зрения на понимание связки (копулы) см: [Gipper 1963, 135 и след.; Берка 1961; Luops 1978]. Мы упомянем только некоторые точки зрения, которые непосредственно соприкасаются с принимаемым здесь определением понятия связки.

Перечислим наиболее распространенные представления о природе и сущности понятия связки: 1) связка, как правило, присоединяет к подлежащему предикативный член (или выполняет функцию вторичной предикации); 2) связка отделяет связь между предметом и его свойством или какой-либо другой его характеристикой от самой этой характеристики (обычно указание на тип характеристики содержится в самом слове, ее обозначающем); 3) связка обозначает только связь между явлениями; 4) связка указывает не только на связь между явлениями, но само становление, бытие явления; 5) связка имеет только грамматическое значение; 6) связка сохраняет лексическое значение.

Участие первого фактора в формировании понятия связки признается всеми лингвистами, но при этом некоторые лингвисты считают, что связка может присоединять и локативный член. Другие же ограничивают функцию связки присоединением предикативного члена. Иногда это условие считается достаточным. Такая точка зрения высказывается А.И. Смирницким, по мнению которого, функции связки могут выполнять и служебные, и полнозначные глаголы. Например, он рассматривает полнозначный глагол *rise* в предложении *The moon rose red* как связку, соединяющую существительное *moon* с квалифицирующим его прилагательным *red* [Смирницкий 1957, 126]. Однако большинство лингвистов вводят и другое обязательное условие — опустошенность или ослабленность лексического значения. В их работах сочетания типа *rose red* рассматриваются как соединение предиката с приложением [см.: Ярцева 1947]. Между предикатами, имеющими приложение, и случаями реализации составного именного сказуемого существует много промежуточных случаев [там же].

Принципиально разные точки зрения высказываются по вопросу о сохранении или несохранении связкой лексического значения, хотя бы и ослабленного. В большинстве работ проводится мысль о том, что связка лишена лексического значения и выполняет только грамматические функции, указывая на время, наклонение и т.д. [см.: Пешковский 1938; Есперсен 1958; Curme 1935 Lyons 1978]. Однако в других работах утверждается, что связка частично сохраняет лексическое значение [Ярцева 1947; Смирницкий 1957]. Это утверждение аргументируется противопоставленностью таких пар, как: *Он был врачом — Он стал врачом.*

Обобщая различные точки зрения и опираясь на проведенное исследование предикативных типов, мы пришли к выводу, что при определении природы связки существенны следующие моменты: 1) связки не обозначают явления, представляющие собой тот или иной вид энергии (психической, физической и т.д.), наделенный определенными качественными характеристиками, иными словами. они обозначают либо саму связь между объектом и его свойством, результатом его действия, местом его нахождения и т.д., либо — процесс нарастания формирования какой-то качественной характеристики объекта в отрыве от самой этой характеристики¹⁹; 2) связки сохраняют лексическое значение, хотя и ослабленное; 3) они выделяют связь или сам процесс, само развитие в отдельный элемент семантической структуры (возможно, третья характеристика связочных предикатов вытекает из второй). Ограничения в синтаксических условиях появления связки вытекают, как мы полагаем, из перечисленных характеристик. Так, связка не может присоединять дополнение, поскольку оно указывает на такой актанти ситуации, который связан с субъектом через действия, т.е. через что-то, что представляет собой тот или иной тип энергии.

Поскольку связки не обозначают такие "самостоятельные" явления.

¹⁹ Об этом втором типе связок см.: [Ярцева 1947].

они не могут сочетаться с обстоятельствами образа действия, которые бы характеризовали качественные особенности процесса или пребывания в чем-то или где-то, отличные от продолжительности или скорости изменения. Так, нельзя сказать: **Он мертвенно становится бледным*, можно только: *Он становится мертвенно бледным*, где слово *мертвенно* характеризует не процесс становления, а само свойство (другие примеры см. в п. 3.3).

Связки первого типа, т.е. связки, обозначающие саму связь между субъектом и его свойством, результатом действия и т.д., могут иметь при себе только наречия, указывающие на продолжительность связи. Связки второго типа могут также сочетаться с наречиями, указывающими на скорость изменения: *It is getting dark slowly*. Этот тип связок характерен для английского языка. Напротив, в русском языке он мало представлен, что, вероятно, связано с широтой распространения производных глаголов типа *бледнеть, краснеть, темнеть*. Подчеркнем, что сочетания типа *становиться бледным*, которые обычно считают абсолютными синонимами таких глаголов, как *бледнеть*, не описывают процесс становления соответствующего свойства. Они несут информацию о том, что денотат подлежащего, начиная с некоторого момента, характеризуется через данное свойство. Даже такое предложение, как *Он становится умным (красивым)* сообщает не о процессе нарастания качества, а о том, что Y-у еще не присуще это качество, но есть признаки того, что Y будет его иметь, т.е. что "связь" между Y-м и описываемым качеством будет установлена. В пользу предложенной интерпретации говорит несочетаемость данного предиката с наречиями, которые модифицируют протекание процесса. Так, норме не соответствует предложение **Она медленно становится умной*²⁰; ср.: *Она медленно, но несомненно умнеет; Он быстро умнеет*; ср. также: *Она медленно бледнеет*, но нельзя: **Она медленно становится бледной*. Норме не соответствуют и такие предложения, как **Она смотрит на него и становится бледной*; ср. *она смотрит на него и бледнеет*. Таким образом, информация словосочетаний *становится бледным, становится умным* не тождественна значению глаголов *бледнеть, умнеть*, и ее содержание не составляет сообщение о процессе развития свойства.

В лингвистической литературе уже приводилось достаточно много аргументов, подтверждающих наличие у связок лексического значения (см. прежде всего указанные работы В.Н. Ярцевой и А.И. Смирницкого). Одним из главных аргументов служит само существование большого количества связок, различия между которыми не относятся к области грамматики.

²⁰ Некоторые из опрошенных считали допустимым предложение *Сцена постепенно становится пустой*, хотя обычно предпочтение отдавалось фразе *Сцена постепенно пустеет*. Колебания в оценке первого предложения вызваны, по-видимому, особым значением наречия *постепенно*, которое может восприниматься как указывающее не на сам процесс изменения, а на суммирование нескольких этапов уже произошедших изменений (ср. анализ сочетаний типа *все больше и больше* в кн.: [СТП 1982, 104]).

По вопросу о том, являются ли копулятивные предложения двусоставными или трехсоставными, существуют различные точки зрения [см.: Girret 1963]. Если признать справедливым сделанное утверждение, что связка имеет свое собственное значение, и содержание этого значения составляет характеристика самой связи (описывается ли она как устанавливаемая в определенный момент или как присущая объекту) или самого процесса изменения в отрыве от его субстанции, то отсюда следует, что связь выделима здесь в отдельную составляющую в семантической структуре предложения с составным именным сказуемым, хотя связка и не образует отдельный член предложения.

Итак, предложение с составным именным сказуемым сообщает, что Y-у приписывается некоторое свойство, состояние и т.д., причем связь между Y-м и приписываемой ему характеристикой обозначается отдельно и не представляет собой какой-то вид энергии: это "пустая" связь между объектом и его характеристикой.

3.2.2. Как уже говорилось выше, во многих работах указывается на существование постепенного перехода от связочных предикатов к несвязочным, в частности к предикатам, имеющим приложение. Этот последний тип предикатов чрезвычайно распространен в английском языке, вследствие чего ему уделяется большое внимание в англистике [см.: Есперсен 1958; Poutsma 1928; Curme 1935; Ярцева 1947]. Критерием выделения именного сказуемого служит степень ослабленности лексического значения, его отход от своего основного значения. При этом указывается, что наряду с очевидными примерами "отхода" от основного значения выделяется много промежуточных случаев; например: He went cold (связка) — They go hungry (промежуточный случай, который по-разному интерпретируется разными лингвистами) — Helen had grown a beautiful young woman (промежуточный случай, приближающийся к предикативному приложению — She lay quiet, The sun rose red (предикативное приложение)²¹.

Сохранение или, напротив, потеря, хотя и неполная, лексического значения, часто обуславливает представление о том, обозначает ли глагол только саму связь между объектом и характеризующим его свойством или нет. Так, в предложении She flushed scarlet глагол flush воспринимается как обозначающий определенный мгновенный процесс "покраснеть" (этот глагол служит для обозначения данного процесса и при отсутствии приложения — She flushed), а прилагательное одновременно характеризует и подлежащее, и сказуемое, т.е. указывает на обстоятельства, сопутствующие описываемому процессу. Напротив, в предложении She went very white²² предикат указывает на то, что Y в описываемый момент времени характеризовался свойством "бледность", причем это свойство возникло в тот же момент времени. Это восприятие определяется тем, что

²¹ Примеры взяты из: [Ярцева 1947].

²² Сопоставляемые примеры взяты из кн.: [Poutsma 1928, 341].

глагол *go* не имеет значения, в которое входила бы информация об установлении цвета.

Наряду с предикатами, именная часть которых приближается к приложениям, существуют промежуточные случаи между простым (аналитическим) сказуемым и составным именным. В лингвистической литературе очень подробно рассмотрен вопрос о различии и о переходных случаях между пассивным сказуемым и составным именным [см.: ИТМ 1977; Буланин 1978; ТПК 1974]. В добавление к этому отметим только следующее: по-видимому, предикаты состояния, указывающие на протекающую во времени характеристику субъекта, стоят ближе всего к аналитическим предикатам. Эта близость более четко (по сравнению с русским) выражена в английском языке, где допускается возможность употребления наречия, характеризующего предикат в целом. Так, можно сказать: *He was hard at work*. В русском языке могут употребляться только наречия, характеризующие саму связку. Поскольку связка не обозначает какого-то качественного явления, то здесь возможно употребление только наречий, указывающих либо на продолжительность связи, либо на частоту ее установления. Можно сказать: *Он долго был в отчаянии*, но нельзя: **Он полно (страшно) был в отчаянии*; ср. правильные: *Он был в полном (страшном) отчаянии*.

3.3. Предикаты "нахождения в пространстве"

Предикаты с этим значением могут рассматриваться как образующие особое "подразделение" наряду с такими группами, как глаголы движения, мышления и т.д. Эта классификация, как мы говорили, пересекает классификацию на действия, процессы и т.д. Значение действия или процесса, возможно, присуще и некоторым пространственным предикатам. Однако большинство из этих предикатов образует особую подгруппу и в рамках второй указанной классификации. Существуют разные точки зрения о статусе глагола *быть* в пространственных предикатах. Некоторые лингвисты считают, что этот глагол является полнозначным и, следовательно, не связочным в экзистенциальных предложениях [см.: Бенвенист 1974; Воронцова 1980]. Другие (например, Л.В. Щерба, А.И. Смирницкий) приписывают ему самостоятельную функцию и в предложениях типа *Он был вчера в банке*, третьи называют этот глагол связкой во всех условиях его употребления [см.: Lyons 1966]. В нашей работе проводится последняя точка зрения, хотя и показывается, что пространственные предикаты образуют особый подтип в рамках связочных предикатов, находясь на периферии последних. Приведем некоторые аргументы в пользу сделанного утверждения. Глагол *быть* обозначает только связь между объектом и пространством. Если действия, процессы и состояния всегда имеют какую-то качественную характеристику, по которой одно действие отличается от другого, одно состояние отличается от другого, то "нахождения" не отличаются друг от друга по самому характеру нахождения. Вследствие этого предикаты данного типа не могут иметь при себе

наречия, указывающие на способ, качество нахождения. Так, можно сказать: *Я хорошо жил в Москве*, но нельзя: **Я хорошо был в Москве*; *На диване удобно устроилась Маша*, но: **На диване удобно Маша* (ср.: *На диване Маша*); *Его рука уверенно лежит на пульте управления*, но: **Его рука уверенно на пульте управления*; *Ее рука доверчиво лежит на его плече*, но: **Ее рука доверчиво на его плече*²³.

Предикаты "нахождения в пространстве" не сочетаются и с такими выражениями, как *с радостью*, *с удовольствием*, *с трудом*. Так, нельзя сказать: **Я с трудом был целый день дома*; ср.: *Я с трудом провел целый день дома*; **Весь день он с радостью был в горах*; ср., *Я с радостью провел весь день в горах*. Данные особенности употребления свидетельствуют о том, что нахождение в пространстве обычно не воспринимается как некоторое качественное явление, "создаваемое" субъектом. Существуют, однако, как мы говорили, предикаты, в значении которых нахождение в пространстве представлено как связанное с той или иной формой деятельности, функционирования в рамках этого пространства. Сюда относятся глаголы: *провести*, *пробыть*, *побыть*, *жить*, *бывать*. Глаголы *быть* и *иметь* также иногда могут получать подобные значения. Так, можно сказать: *Вчера я с удовольствием была весь день дома*.

Несмотря на то что предикаты "нахождения в пространстве" обычно обозначают только саму связь между субъектом и местом, они в некоторых случаях могут приближаться к фазовым предикатам. Такое сближение возникает тогда, когда денотат глагола *быть* получает самостоятельную временную соотнесенность с осью времени, отличную от временной соотнесенности локативного члена. Денотат локативного члена не создается во времени и, как следствие этого, не может занимать временной отрезок. Напротив, само "нахождение в..." может быть представлено как распределенное по временному отрезку. При этом предикат сочетается с такими выражениями, как *весь день*: *Весь день Маша была в комнате (с ним)*; *В комнате весь день была Маша*; *Весь день с ним была Маша*. В этом случае "нахождение в пространстве" характеризуется как непрерывно длящееся в течение описываемого отрезка времени. Разная соотнесенность с осью времени денотата глагола *быть* и денотата именной части свидетельствует о том, что предикаты "нахождения в пространстве" в таких предложениях, как *Я буду завтра в банке*, более четко, чем, например, предикаты со значением свойства (качества) членимы на две составные части: "нахождение в..."; "пространство нахождения". Сделанное утверждение согласуется с представлением Л.В. Щербы, о том, что глагол *быть* в предикатах данного типа обозначает отдельный предмет мысли в отличие от его употребления в таких предложениях, как *Он был американец*; *Завтра я буду веселым*. Отсюда

²³ Такие предложения, по-видимому, могут быть употреблены лишь как эллиптические.

Д.В. Шерба делал вывод, что глагол *быть* перед локативным членом — полнозначный. Скорее, однако, здесь следует говорить о некотором переходном случае: несмотря на то что денотат глагола *быть* более четко отделим от локативного члена, связь составляет отдельный элемент семантической структуры и в предложениях с предикатами” качества, результата, состояния”. Правда, в пространственных моделях глагол *быть*, указывающий на эту связь, скорее всего выделяется уже в особый член предложения. Однако и в пространственных моделях денотат глагола *быть* не имеет собственной качественной характеристики и в этом смысле не может рассматриваться как особая, создаваемая во времени сущность.

Такой характер значения предикатов ”нахождения в пространстве” приводит не только к отмеченным особенностям (несочетаемость с наречиями, несочетаемость с выражениями, указывающими на усилия, вкладываемые в создание денотата — с *трудом*, с *легкостью* и т.д.), но и к своеобразию в статусе субъекта. В большинстве случаев субъект вообще не характеризуется по признакам, связанным с представлением об активности/неактивности: *В комнате Маша, У меня есть сестра*. Однако в некоторых случаях субъект может быть отнесен к классу волевых (т.е. от его воли, от его возможностей зависит, быть или не быть где-то): *Я здесь по своей воле; Будь дома в три часа; Ты можешь быть завтра дома в это время?* Такое же употребление возможно и при глаголе *иметь*: *Ты можешь иметь эту книгу, если хочешь*. При этом и в подобных предложениях субъект не может быть охарактеризован как агент, т.е. как тот, кто создает, производит что-то.

Сочетаемость с выражениями типа *весь день* в основном характерна для тех предикатов ”нахождения в пространстве”, в которых указывается на реальное физическое пространство (*в комнате, в лесу* и т.д.). Если предполагается не только чисто физическая связь между субъектом и пространством, но и некоторая другая более абстрактная связь, то допускается построение предложений типа: *Вообще-то он в институте, но сейчас он вышел* (ср.: **Вообще-то он в комнате, но сейчас он вышел*); *Вообще-то у него есть эта книга, но сейчас он ее отдал*.

В тех случаях, когда описывается нахождение объекта в пространстве некоторого множества, ситуации и т.д., предикаты ”нахождения” сочетаются с выражениями типа *весь год* лишь при особых условиях. Во-первых, если сообщается, что в течение всего описываемого отрезка времени многократно имели место ситуации наличия Y-а у X-а или ситуации реализации этого наличия: *Весь год у нас было парное молоко* (т.е. речь идет о том, что X постоянно получал парное молоко в течение года); *Весь год у меня был помощник* (т.е. внимание акцентируется на том, что когда X работал или когда X-у было нужно, у него был помощник). Напротив, предположение *?Весь год у меня был друг (враг)* носит более окказиональный характер, что можно объяснить тем обстоятельством, что в данном случае менее естественно акцентировать

внимание не на самом факте наличия друга (Ср.: *В то время у меня был друг*), а на том, что в течение всего года были ситуации, в которых проявлялось наличие у X-а друга.

Во-вторых, если речь идет о наличии представления, мнения, то предикаты "нахождения в пространстве" встречаются с выражениями типа *весь год*, когда говорящий хочет сообщить о том, как долго считалось истинным неверное суждение, мнение (*весь год у меня было совершенно неверное представление о том, что произошло*).

Глаголы *существовать*, *иметь* обнаруживают сходство с глаголом *быть* не только по своей способности передавать пространственное значение, но и по грамматическому типу. Хотя их лексическое значение менее обеднено, они, так же как и глагол *быть*, не обозначают какого-то особого качественного явления, а служат только для обозначения самой связи между объектами.

Вследствие этого они также не могут сочетаться с наречиями, модифицирующими характер процесса, действия. Так, можно сказать: *Я с удовольствием (охотно) с ним говорил*, но нельзя: **Я с удовольствием (охотно) имел с ним беседу*. Ср. также: *Он жил в Москве в 18 веке, и между прочим жил он повесело*, но нельзя: *Он существовал, и между прочим существовал он неплохо*. Глагол *существовать*, правда, имеет и другое значение, которое делает приведенное предложение отмеченным при употреблении его как шутки. Это другое значение реализуется, например, в предложении *Я не живу, я существую*.

Перечисленные особенности функционирования говорят, как представляется, против проводимого во многих работах объединения [Бенвенист 1974; Чейф 1975; Вендлер 1967] предикатов "нахождения в пространстве" в одну группу с предикатами следующих типов (X) *раздражен*, (X) *любит* (Y), (X) *думает, что* (Y). Свообразие предикатов "нахождения в пространстве" заключается в том, что их денотаты не представлены как определенные виды деятельности (энергии). Они указывают только на связь некоторого объекта с тем или иным пространством. Пространственные предикаты могут иметь разную характеристику по признакам активности/неактивности (волевой/неволевой субъект) или вообще не определяться этими признаками. Пространственные связи могут описываться как непрерывно длящиеся во времени или как абстрагированные от непосредственного протекания во времени.

Глагол *быть* в пространственных моделях сохраняет основную характеристику связки. Он обозначает только связь между объектом и пространством. Однако в этих предложениях глагол *быть* выделяется или, скорее, имеет тенденцию к выделению в отдельный член предложения. Большая независимость глагола в пространственных моделях проявляется и в том, что он может иметь самостоятельную соотнесенность с осью времени. Все это заставляет говорить о пространственных предикатах как об особом типе, в рамках которого глагол может быть в большей или в меньшей степени приближен к "чистой" связке.

Глагол *иметь* также приближается к связкам, поскольку его

денотат не представляет собой тот или иной вид деятельности или результат деятельности. Однако в отличие от глагола *быть* он наименее лексически обеднен, так как в его значение входит не только информация о связи между пространством и объектом, но и указание на сам тип пространства, в качестве которого выступает сфера посессивности объекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В гл. I развивалась мысль о том, что значение так называемых экзистенциальных единиц (моделей и глаголов) может быть интерпретировано через понятие "локализации" в пространстве и/или времени. Для некоторых типов экзистенциальных предложений существен также характер ориентации высказывания. Проводится различие между тремя типами экзистенциальности.

1. E_{x_1} — существование в мире действительности ($\dot{E}_{x_1}$) / существование в мире фантазии, сказки, вообще в мире "недействительности" ($\bar{E}_{x_1}$).

2. E_{x_2} — наличие в том или ином более частном пространстве в какой-то момент или период времени.

3. E_{x_3} — локализованность в той или иной точке или отрезке времени; указание на принадлежность миру действительности или фантазии, фантазии входит здесь в пресуппозицию высказывания; указание на частный вид пространства необязательно; E_{x_3} реализуется лишь при событийных именах.

В гл. I приведены новые аргументы в пользу пространственной интерпретации таких глаголов, как *существовать*, *быть* в моделях типа "*B S (есть) Y*", "*У X-а есть Y*" и т.д. Пространственная интерпретация понятия E_{x_1} аргументируется прежде всего способностью глаголов типа *существовать*, *быть* сочетаться с локативами (*в фантазии*, *в сказке*), а также тем, что основные глаголы этой группы (*существовать* — в своем главном значении, *быть*) указывают только на саму связь между объектом и пространством, и, следовательно, локативный член не играет здесь роли простого распространителя модели.

Пространственная интерпретация моделей типа "*B S (есть) Y*", "*У X-а есть Y*", подтверждается анализом различных ограничений, накладываемых на условия употребления, а также на заполнение позиций X-а и Y-а. Показывается также, что предложения типа E_{x_2} не включают в свое значение компонент E_{x_1} .

В гл. I дается определение понятия посессивности через перечисление вариантов (отношение собственности, отношение части к целому, продукта труда к его производителю и т.д.). Высказывается гипотеза, что эти варианты сводятся к трем основным случаям. Объект посессивного отношения это — 1) то, на что распространяется власть посессора (юридическая, физическая, нравственная); 2) то, что является частью посессора или частью его существования; 3) то, что несет в себе элемент посессора (имеет свойство, существующее как отношение к посессору). Эти три случая подво-

дятся под еще более широкое обобщение, при котором объект посессивного отношения может быть представлен как то, на что в той или иной форме "распространяет" себя посессор (слово *распространяет* здесь чаще не предполагает волевой акт; оно может соответствовать и выражению: *быть распространенным на что-то*) и не понимается в смысле физического наложения одного объекта на другой.

Известная неопределенность этого толкования соответствует реальному поведению языковых единиц со значением посессивности. Они могут употребляться и более узко и более широко. Наиболее широко они используются, когда речь идет о "сфере посессивности" самого говорящего и его собеседника.

В работе также приведены аргументы в пользу той точки зрения, что глагол *быть* и в экзистенциальных, и в локативных предложениях приближается к связке. Рассмотрено само понятие связки. Три момента признаются ведущими в определении этого понятия: трехсоставность семантической структуры связочных предложений, т.е. связь между объектом и его свойством, или пространством его нахождения выделяется в особый элемент семантической структуры; наличие лексического значения, обычно обедненного (сохранение этого значения и приводит к вычленимости связи); отсутствие какого-либо вида энергии, наделенного теми или иными качественными характеристиками, который обозначала бы связка. Она имеет своим денотатом именно саму связь между объектом и другим объектом, или объектом и пространством и т.д.

Глагол *быть* в пространственных предикатах удовлетворяет перечисленным критериям. По сравнению с предикатами качества связка в пространственных предикатах обладает, однако, большей самостоятельностью. Это проявляется, в частности, в том, что здесь она может получать независимую от именной части соотношенность с осью времени. Данная возможность реализуется не во всех типах пространственных предикатов. Далее будет также показано (гл. III), что в некоторых пространственных предикатах глагол *быть* наименее обеднен лексически.

ПОНЯТИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

В гл. II рассматриваются две общетеоретические проблемы — выделение структурных схем (моделей предложения), возможные типы структурных схем и их соотношения друг с другом, влияние лексического наполнения и т.д.; разграничение различных явлений, обычно включаемых в теорию актуального членения.

1. СИНТАКСИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

1.1. *Общее представление и проблема выделения*

До сих пор мы не ставили вопрос о том, служит ли глагол *быть* для образования особых синтаксических моделей. В настоящее время, вероятно, значительная часть исследователей разделяет мысль о том, что синтаксис строится не только из свода правил, но и из набора единиц, структурных схем, моделей, имеющих свой план выражения и свое значение [Данеё 1964; Шведова 1973; 1969; Шмелев 1961; Белошапкина 1977 и др.]. В работах Н.Ю. Шведовой понятие структурной схемы предложения трактуется следующим образом: "Структурная схема — это абстрактный синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное минимальное относительно законченное предложение. Структурные схемы разграничиваются по совокупностям следующих признаков: формальное устройство схемы (входящие в нее формы слов и — в схемах, образуемых двумя формами, — отношение этих форм друг к другу); семантика схемы; парадигматические свойства построенных по этой схеме предложений; система регулярных реализаций; правила распространения" [РГ 1980, 92]. Семантика структурной схемы предложения рассматривается как результат взаимодействия следующих факторов: 1) грамматического значения компонентов в их отношении друг к другу (в однокомпонентных схемах — грамматическим значением этого компонента); 2) специфическими для данной схемы лексико-семантическими характеристиками слов, в конкретных предложениях занимающих позиции ее компонентов [там же, 93].

Наряду с приведенным толкованием в РГ дается и несколько иная трактовка структурной схемы, в соответствии с которой в ее значение, кроме грамматических характеристик компонентов, входят только правила заполнения лексическими элементами позиций [там же, 123]. При этом вводится и еще одно понятие — семантической структуры предложения. Под этим понятием понимается "значение, представляющее собой отношение семантических компонентов, формируемых взаимным действием грамматических и лексических членов предложения" [там же, 124]. Это значение рассматривается как языковое, а не речевое и приписывается

не отдельному индивидуальному предложению, а целому классу предложений. Иными словами, здесь утверждается, что есть особый "слой" синтаксического значения, который характеризует структурную схему предложения при ее заполнении различными классами слов. Так, схема "N_iV_b" (где N_i — имя в именительном падеже, а V_b — спрягаемый глагол), которой приписывается следующее общее значение — "отношение между субъектом и его предикативным знаком — действием или процессуальным состоянием" [там же], выступает в том или ином варианте своего значения в зависимости от лексических заполнителей: *Ученик пишет* — "отношение между субъектом и его конкретным действием"; *Ребенок радуется* — "отношение между субъектом и его эмоциональным состоянием"¹ [там же]. Различные уровни в семантической структуре (мы употребляем этот термин шире, чем в РГ и относим его к конкретному высказыванию) разграничивают и другие лингвисты [см., например: Daneš 1964].

Задача выделения структурных схем (моделей) не является, по существу, принципиально новой — она непосредственно связана со старой проблемой классификации типов предложения. Эта преемственность проявляется и в сохранении старых споров, связанных, например, с вопросом о том, строить ли классификацию и выделять ли структурные схемы, прежде всего опираясь на формальные критерии, или, напротив, семантические (см. разные решения данного вопроса: [Fries 1967; Robert 1956; Brinkman 1971; Gardner etc 1983; Золотова 1967; 1973; Шведова 1973а; 1973б]). Далее, старый спор о роли предиката в семантической структуре предложения [см.: Кузнецов 1984, гл. I] сохранил свою значимость при решении вопроса о том, следует ли структурные типы выделять преимущественно в зависимости от типа предиката (о разных подходах к выделению структурной схемы см.: [Шведова 1973а; 1973б]). Вместе с тем современная постановка проблемы связана с изменениями угла зрения, что в значительной степени меняет и сам переход и заставляет вводить более жесткие критерии. Так, возникает необходимость найти критерии, позволяющие решить, представляют ли собой те или иные наблюдаемые высказывания реализацию одной и той же структурной схемы или, напротив, разных схем. Далее, новая постановка проблемы требует и ответа на вопрос, как именно "записаны" в памяти структурные модели.

В настоящее время, как нам представляется, делаются лишь первые шаги в разработке критериев выделения структурных схем. Относительно полное, хотя и не окончательное решение получает вопрос о различии между распространителем структурной схемы и ее обязательными компонентами. В качестве критерия обычно указывают на то, сохраняет ли предложение коммуникативную осмысленность при опущении того или иного члена предложения. Точнее.

¹ Термин "состояние" употребляется в РГ в очень широком значении: он соответствует тому, что в нашей терминологии называется предикатами состояния, предикатами пассивного процесса и предикатами пассивного результата.

здесь, как представляется, следовало бы говорить о том, сохраняют ли остальные члены предложения исходные семантические отношения друг с другом и сохраняется ли общее содержание информации за вычетом вклада, вносимого опускаемым членом предложения. Так, информацию предложения *На столе книга* нельзя вывести из предложения *Книга* (например: *Книга. Какую огромную роль играет она в жизни человека*) плюс локатив. Вследствие этого локативный член принадлежит к структурной схеме предложения *На столе книга*. Однако если опущение того или иного актанта делает предложение неотмеченным, это еще не обязательно означает, что данный актант относится к структурной схеме. Так, если не считать, что сказуемое обязательно определяет тип структурной схемы, то многие запреты на опущение второстепенных членов предложения могут быть объяснены лексическим типом предиката, а не самой структурной схемой. Еще более сложно найти критерии сведения высказываний к одной структурной схеме, если речь идет не о расширении, а о разных заполнениях одной и той же позиции. Часто принимаемое решение либо чисто интуитивно, либо строится только на формальных критериях, хотя в теории утверждается необходимость учитывать и семантические. Так, в [РГ 1980, 300—305] к структурной схеме "N₁—N₂ или Adv" (где N₁ — имя в именительном падеже, а N₂ — имя в косвенном падеже, схема характеризуется отсутствием координации между компонентами) относятся, например, следующие высказывания: *Отец на работе; Скатерть — необычайной белизны; Сабля — покойного отца; Он — за начальника; Девочка — с косичками; Деревья — в дуплах, шрамах (Мохов); Песня — о тебе; Мой младший брат меня сильнее (Шкловский); У нее слезы — рекой; У него фигура — медведя*. Вероятно, объединение этих столь разных, в семантическом отношении предложений определяется только отсутствием координационной связи, что, однако, необязательно является существенным признаком модели. Авторы, правда, выделяют и некоторое общее значение структурной схемы: "Отношение между субъектом и его предикативным признаком — состоянием, свойством или качеством" [там же, 303]. Такое широкое определение значения вряд ли раскрывает специфику данной модели. Тем более, что очень близкие толкования даются и многим другим структурным схемам. Так, предложения типа *Ночь тиха; Ребенок весел; Старик болен; Девочка красива; Закон неумолим* подводятся под структурную схему (N₁ — Adj_{кратк.}) с общим значением "отношение между субъектом и его предикативным признаком — непроцессуальным состоянием" [там же, 295]. В рамках этого общего значения модели "N₁ — Adj_{кратк.}" выделяется и следующий подвид: "субъект — его свойство или качество" [там же]: *Молчание невыносимо, Девочка красива*. Таким образом, поскольку и структурная схема N₂—N₂ (Adv) не выражает признак процессуальности, толкование значения обеих структурных схем практически совпадает. Далее, даже при том широком и неопределенном значении, в котором употребляются в РГ термины "свойство", "состояние" все-таки непонятно, почему под

эти понятия подводятся разные виды пространственных отношений — *Он на работе; Приезжий — из Москвы; Вход — с другого подъезда*. Можно ли также считать, что предикативные выражения в таких предложениях, как *Он — за начальника*, указывают на свойство или состояние? Представляется, что если попытаться более строго определить семантические отношения, выражаемые отдельными предложениями, отнесенными к случаям реализации схемы "N₁—N₂ (Adv)", то окажется, что их семантика очень разнообразна и не сводится к одному общему значению. В семантическом плане было бы более естественно объединить такие предложения, как *Скатерть белая; Скатерть — удивительной белизны; Эта скатерть белее снега* и т.п. Основанием для отнесения данных предложений к одной синтаксической модели могла бы служить гипотеза о том, что предикатная позиция в этой модели допускает заполнение разными структурными типами.

На примере структуры "N₁ — N₂ (Adv)" мы попытались показать, что оправданность выделения тех или иных структурных схем далеко не очевидна и перед лингвистикой стоит задача поиска объективных критериев их выделения. Вероятнее всего, эти критерии могут быть окончательно разработаны лишь при обращении к исследованию памяти и форм хранения в ней лингвистической информации. Тем не менее сама идея о существовании структурных схем и о их расщеплении на подвиды при заполнении различными лексическими классами, более соответствует, как нам представляется, интуитивному восприятию, чем трансформационная теория, и хорошо согласуется с языковыми данными.

Отметим также, что проводимое в лингвистике деление на синтаксис предложений и синтаксис словосочетаний (оно, в частности, получило развитие в работах В.В. Виноградова) представляется нам чрезвычайно важным для понимания структуры моделей предложения. Очень вероятно, что существуют, с одной стороны, исходные схемы предложений, а с другой — модели словосочетаний, причем термин "словосочетание" мы здесь употребляем не только для обозначения сочетаний знаменательных слов, но и именных групп с предлогами. При построении высказываний, по-видимому, часто происходит сложение структурных схем предложения и моделей словосочетания. Этот процесс может осуществляться непосредственно в акте речи, а может относиться к диахронии. В этом случае в синхронном срезе имеется лишь его результат — производная модель, значение которой уже не определяется полностью ее составляющими (см. примеры далее). Одна и та же модель словосочетания может, по-видимому, функционировать свободно и входить в состав производных моделей.

Высказанная нами гипотеза о том, что структурная единица может иметь и самостоятельное существование и входить в состав производной модели в качестве ее обязательной части, не противоречит сложившимся в настоящее время представлениями о формах хранения в памяти информации, в частности о том, что один и тот же элемент информации может принадлежать нескольким узлам

памяти, вступая при этом в разные связи [см.: Аткинсон 1980, гл. II].

Отметим также, что классы глаголов и некоторые отдельные их "представители" задают скорее модели словосочетаний, а не структурные схемы предложений, хотя есть и такие глаголы, которые выполняют эту последнюю функцию (например, *светать*, *холодать*).

Производные модели возникают, вероятно, и в результате объединения структурных схем предложений, что можно проиллюстрировать на таких предложениях, как *The sun rose red* (букв: 'Солнце встало красным'). Их структурная схема, по-видимому, есть результат соединения двух моделей "N+V" и "N+be+Adj".

Постулируемые пути образования моделей, по существу, близки к процессам словообразования, и в этом смысле их можно было бы назвать динамическими (ср. употребление этого понятия: [Кубрякова 1980, 239 и сл.]). Вероятно также, что наряду с прошлыми моделиобразовательными процессами, результатом которых являются уже готовые модели, существуют и "живые" процессы, позволяющие окказионально создавать модели по определенному типу. Так, многие предложения, построенные, по мнению авторов Русской Грамматики [РГ 1980], по рассмотренной схеме "N₁ — N₂ (Adv)", возможно, служат примерами некоторого продуктивного моделиобразовательного процесса, позволяющего преобразовывать определенные модели словосочетаний, как именных, так и глагольных, в модели предложений с предикатом—связкой: *Он — за председателя*; *Книга — ему*; *Ткань — в клеточку* и т.п.

1.2. Структурные схемы экзистенциальных и посессивных предложений

Рассмотрим теперь вопрос о том, соответствуют ли экзистенциальным и посессивным предложениям особые структурные схемы.

Представляется очевидным, что в английском языке существует особая структурная схема для построения экзистенциальных предложений, о чем свидетельствует наличие специального "синтаксического" слова *there* — знака данной модели². Эту схему мы представили в виде "*There is Y*", но ее можно также записать в форме "*There V N₁*", где *V* — глагол—предикат, а *N₁* — имя, указывающее на наличествующий объект. Под углом зрения формальной организации — это трехкомпонентная схема, с *there* в качестве формального подлежащего (такая трактовка *there* и соответствующих ему слов других языков принята большинством лингвистов: [например: Есперсен 1951,

² Как известно, в трансформационной грамматике предложения с *there* рассматриваются как трансформы. Если считать, что описание в терминах трансформационных правил соответствует реальным лингвистическим процессам, то трактовка предложений с *there* как трансформов представляется крайне маловероятной. Но даже если бы эта гипотеза оказалась верной, то и в этом случае есть основания считать, что по крайней мере на каком-то уровне возникает особая модель, имеющая свою формальную структуру и закрепленное за ней семантическое содержание, отличное от значения других моделей.

гл. XI; Breivik 1983; Кузнецов 1984]. В семантическом отношении, однако, основная функция *there* скорее заключается в том, чтобы, во-первых, придать предикату пространственную интерпретацию, если он ее не имеет³, во-вторых, задать определенную коммуникативную перспективу: ориентацию на предикатную группу, включающую *there*, или на локатив, если он стоит в первой позиции (см. в главах IV, V). Таким образом, здесь коммуникативная перспектива входит в семантику самой структурной схемы. Своеобразие данной модели заключается, как нам представляется, и в том, что имя, следующее за предикатом, не может быть подведено ни под одну из существующих рубрик, по которым распределяются члены предложения. Возможно, для описания его функции следует ввести понятие "наличествующий объект", который присущ лишь данной синтаксической модели.

В отличие от английского языка, где возник формальный показатель экзистенциальных моделей — *there*, в русском языке труднее обосновать оправданность выделения "бытийной" модели уже на уровне исходных структурных схем. Однако некоторые основания для выделения модели, которую условно можно было бы записать так: "(Prop. S) *есть/быть* Y" (Prop. — предлог; скобки показывают, что этот компонент в формальной структуре может опускаться) имеются и в русском языке. Таким основанием служит, в частности использование особого "синтаксического" слова *есть*, которое в других условиях употребления имеет иное значение (ср.: *Это и есть Петр Иванович*). Соответственно противопоставленность *есть* и нулевой связки строится здесь на ином признаке, чем в других моделях. В пользу выделения особой модели уже на уровне "ядерных" говорит и несколько необычный синтаксический статус именной группы (N₁), которая не подводится под "классическое" подлежащее.

Возможно, однако, на "ядерном" уровне существуют пространственные модели с предикатами *быть* (*есть*), которые лишь на уровне производных расщепляются на бытийные, локативные и т.д. В пользу этого говорит отсутствие четкого различия между бытийным и собственно связочным употреблением глагола *быть* (*есть*) (см.: гл. I п. 3.2, гл. III), наличие промежуточных случаев (гл. III) и возможность употребления формы *есть* при ответе на вопрос где?: "*Где умывальник?*" — "*Умывальник есть в вашей комнате*".

Такой ответ, правда, возможен лишь при нереферентном толковании вопроса, и строится как сообщение о том, что среди множества имеющихся в данном месте (например, в доме) умывальников есть такой, который находится в комнате адресата речи⁴.

Даже если гипотеза о единстве пространственных моделей под-

³ Кроме аргументов, приводимых в главах IV и V, в пользу пространственной интерпретации данной модели говорит и следующее: как показано в кн. [Bohlinger 1977, ch. V], предикатную позицию в рассматриваемой модели могут занимать только те знаменательные глаголы, в значении которых входит — или в которых может возникнуть окказионально — пространственный признак.

⁴ Возможность такого употребления была отмечена Н.Д. Арутюновой [1976, 216].

твердится, несомненно, что они образуют несколько самостоятельных единиц по крайней мере на уровне производных.

Не только глагол "быть", но и глагол "иметь" может быть причислен к числу синтаксических слов [см.: Гак 1975, Падучева 1974]. Точнее говоря, он принадлежит не только лексической системе языка, но и синтаксической. Это проявляется, как нам представляется, прежде всего в том, что он создает особую синтаксическую модель, о чем свидетельствует принципиально иной тип семантических отношений в предложениях с глаголом "иметь" по сравнению с другими предложениями с прямым дополнением. Их своеобразие дано основе Э. Бенвенисту [1974] утверждать, что функция имени, стоящего в постпозиции к глаголу, не соответствует прямому дополнению. В гл. V мы показываем, что несмотря на различия в формальном плане, семантическая структура предложений с "иметь" в основном совпадает с русской моделью "У X-а (есть) Y", в которой Y-у можно было бы приписать функцию "наличествующий объект".

Трехкомпонентные модели с глаголом "иметь" могут служить производящей основой для создания производных моделей, что имеет место в английском языке, например при сочетаемости с причастием вторым (гл. V). Здесь происходит сложение структурной схемы предложения и модели словосочетания.

Среди посессивных предложений имеются и такие, модели которых, по-видимому, представляют собой сложение двух структурных схем. Подобная производная модель лежит, вероятно, в основе предложений типа *Глаза у нее сияли*. Именная группа *у нее*, по-видимому, здесь не является простым расширителем, поскольку она несет в себе некоторые признаки модели с *есть*, которые не характеризуют словосочетание "У X-а" в отдельности. В гл. III мы покажем, что модель "У X-а есть Y" не только сообщает о наличии Y-а, но и (чаще всего) предполагает, что Y рассматривается не сам по себе, а как член такого множества, и другие элементы которого может иметь X, хотя и необязательно их фактически имеет. Вследствие этого утверждение о наличии A Y-а (т.е. Y-а со свойством A) предполагает возможность "существования" у X-а и $\bar{A}$ Y-а (т.е. Y-а с другим, чем A свойством). Данный компонент значения сохраняется и в предложениях типа *Глаза у нее сияли*, о чем свидетельствует отмеченная А.В. Головачевой [КПСБ 1989] неупотребляемость в этих предложениях определений при подлежащем. Так, нельзя сказать: **Черные глаза у нее сияли*, что полностью объясняется указанным признаком. Из этого признака следует, что в утверждении *Глаза у нее сияли* Y рассматривается на фоне других частей тела: *Глаза у нее сияли. На щеках горел румянец* и т.д. Добавление определения сужает то множество, к которому относится денотат подлежащего: делает его членом множества "глаза", что в данном контексте абсурдно. Таким образом, **Темные глаза у нее сияли* требует продолжения типа: *а синие глаза оставались грустными*. Введение притяжательного местоимения снимает данную импликацию: *Ее темные глаза сияли*.

Итак, были высказаны гипотезы о месте экзистенциальных и поссессивных моделей в рамках деления на исходные ("ядерные") и производные. Само это деление рассматривалось с позиций синтаксических традиций московских и пражских лингвистов, которые не совпадают с постулатами и процедурами описания трансформационной грамматики. Создание производных моделей было представлено аналогично словообразовательному процессу.

2. КОММУНИКАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ВЫСКАЗЫВАНИЯ АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

2.1. *X^{мые} и X^{щие}*

В гл. I затрагивался вопрос об особенностях построения функциональной (коммуникативной) перспективы экзистенциальных предложений. Остановимся несколько подробнее на самом понятии коммуникативной (в нашей терминологии) перспективы. В предшествующих работах мы излагали свое понимание проблем, традиционно включаемых в теорию актуального членения [Селиверстова 1984; 1987; 1988, гл. I]. Поэтому в данной главе мы ограничимся перечислением основных положений и иллюстрацией некоторых из них на новом материале.

Мы исходим из представления о том, что в теории актуального членения фактически речь идет о нескольких гетерогенных явлениях. Эта мысль высказывается в ряде лингвистических работ [например: Halliday 1986; Чейф 1982; Николаева 1972], но при этом линия разграничения проводится часто по-разному и не полностью совпадают характеристики постулируемых явлений. Нам представляется важным проводимое в лингвистике разграничение между "информативной структурой", по терминологии М. Халлидея, и функциональной перспективой. Хотя это разграничение получило широкое распространение в лингвистике, оно продолжает оспариваться [см.: например: Szwedek 1990]. Критика фактически касается отдельных нечетких, хотя и широко распространенных определений понятия темы и ремы (см., например, критику А. Шведека трактовки темы как того, о чем сообщается в высказывании), но не затрагивает других более плодотворных подходов к толкованию данных понятий, к числу которых мы отнесли бы прежде всего работы Ф. Данеша и Е. Бенеша (далее). Кроме того, эта критика опирается на ограниченный языковой материал, не позволяющий увидеть необходимость разграничения информативной структуры и коммуникативной перспективы.

Для развиваемой концепции важно также положение о том, что в построении коммуникативной перспективы участвует все множество коммуникативных элементов, причем коммуникативными элементами считаются все члены предложения.

Учет множества коммуникативных элементов в отличие от двоичного деления на тему и рему сближает наш подход с теорией коммуникативного динамизма Я. Фирбаса [Firbas 1987]. Различие, однако, заключается в том, что мы видим иной "механизм" развертывания

информации. В основе теории Фирбаса лежит сложное и в то же время недостаточно определенное понятие коммуникативной значимости⁵ (см. критику этого понятия: [Duzsak 1984; Szwedek 1985]). Предполагается, что развитие информации идет от коммуникативно менее значимых элементов к коммуникативно более значимым и заканчивается на наиболее значимом компоненте — цели высказывания. Таким образом, Я. Фирбас фактически ограничивается понятием информативной структуры, которое, однако, получает более усложненную интерпретацию по сравнению с ее трактовкой в терминах "данное/новое". В отличие от этого мы не пользуемся понятием коммуникативной значимости и процесс развертывания информации видим прежде всего как процесс установления связей между вводимыми коммуникативными элементами.

Акцентирование внимания на связи между коммуникативными элементами возвращает нас к пониманию темы и ремы в работах Е. Бенеша [Beneš 1969] и Ф. Данеша [например, Daneš 1974], которое и легло в основу нашей трактовки. Для описания отношения между предшествующим элементом и последующим мы вводим понятия характеризуемого (далее X^{moc}) и характеризующего (далее $X^{šcec}$)⁶. Эти понятия очень близки к терминам Д. Болинджера — модифицируемое и модифицирующее [Bolinger 1952], хотя полного соответствия между ними нет [Селиверстова, 1984, 1988]. Выбранные названия указывают на то, как связаны между собой коммуникативные элементы: $X^{šcec}$ приписывает некоторую характеристику $X^{мому}$. Если коммуникативные элементы объединены между собой синтаксически, что и имеет место в большинстве случаев, то содержание приписываемой характеристики определяется прежде всего этим отношением, или, точнее, той суммарной информацией, которая возникает из соединения синтаксического значения и некоторых элементов лексического значения и/или морфологического. Само отношение характеризации непосредственно направлено не на слова, а на их денотаты. Вследствие этого в функции $X^{мого}$ и $X^{šcego}$ выступают языковые знаки вместе со своими денотатами⁷. Так, в предложении *Мальчик пишет*, мальчик характеризуется как тот, кто осуществляет действие писать. Напротив, при изменении порядка слов и сохранении нейтральной интонации (*Пишет мальчик*) действие 'писать' характеризуется как такое, которое осуществляется мальчиком. Таким образом, функция характеризации придает векторность (направленность) той семантической

⁵ Значимость коммуникативного элемента определяется его контекстной зависимостью/независимостью; линейной модификацией; семантическим содержанием, вносимым данным коммуникативным элементом, и отношением этого содержания к общему смыслу сообщения [Firbas 1987, 53].

⁶ X^{moc} можно было бы также назвать темой, а $X^{šcec}$ ремой, но так как в отличие от Ф. Данеша и Е. Бенеша мы учитываем не только двоичное деление, мы должны были бы выделять множество тем и множество рем, если предложение не двусоставное. Такое употребление данных терминов, также не противоречит одной из традиций [Svoboda 1987], однако мы предпочли сохранить термины "тема" и "рема" для описания двоичного членения высказывания [Селиверстова 1984].

⁷ Для простоты изложения в некоторых случаях мы будем говорить о $X^{мыш}$ и $X^{шхх}$ либо как о словах, либо как о денотативных элементах.

информации⁸, которая указывает на отношение между коммуникативными элементами. Эту информацию нам представляется удобным описывать в терминах ситуационных ролей, которые разрабатывались с несколько разных позиций Л. Теньером [1988], Ч. Филлмором [1981] и рядом других исследователей. Пользуясь понятиями агенса, пациенса и т.д., мы в отличие от Ч. Филлмора не рассматриваем их как единицы глубинного уровня, универсальные для всех языков. Мы видим в них элементы еще не полностью разработанного мета-языка⁹ описания суммарной информации, которая приписывается актанту ситуации в результате соединения синтаксического значения, представляющего его члена предложения, с предикативным и/или предложным значением. Ср. "роль" денотата подлежащего в таких предложениях, как *Он взял книгу* и *Он получил книгу*. Понятно, что подобный понятийный аппарат не должен полностью совпадать при описании разных языков.

Вероятно, семантическая структура предложения создается в результате соединения лексических и грамматических значений его членов.

Коммуникативную перспективу мы рассматриваем как часть семантической структуры, которая может быть задана в самой синтаксической модели, а может возникать на уровне речи. Коммуникативная перспектива — это, во-первых, порядок следования элементов семантической структуры, или, точнее, порядок их пространственного расположения (семантическая структура имеет обычно не линейную, а пространственную организацию), который задает векторность связей между элементами; во-вторых, порядок следования связей и область их действия. Возможность изменения векторности синтаксического отношения мы проиллюстрировали на примере предложений: *пишет мальчик* и *мальчик пишет*. В своих предыдущих работах [Селиверстова 1984; 1987] мы приводили аргументы в пользу того, что векторность синтаксических отношений осознается носителями языка, существенна для смысловых связей текста и часто не предопределяется соотношением "данное—нового". Ряд тестов, свидетельствующих о возможности ориентации высказывания на "новое" при наличии "данного" в структуре высказывания, был разработан Л.А. Прозоровой [1989, 77]. Так, например, она показала, что в определенных условиях (к числу которых относится тип высказывания, интонационная конструкция) локатив в первой позиции воспринимается как место нахождения всех участников события (в том числе и субъекта действия). Такое восприятие исчезает при постановке локатива в последнюю позицию. Ср.: *Когда я вошел в комнату, (а) худенький*

⁸ К семантической информации мы относим не только лексические, но и грамматические значения.

⁹ Представляется, что при его разработке может быть, в частности, учтена идея традиционного синтаксиса, связанная с делением на главные и второстепенные члены предложения. Опираясь на нее, можно говорить, например, об агенсе, представленном в качестве главного "персонажа", и об агенсе, переведенном в позицию второстепенного актанта ситуации.

мальчик, одетый в гимназическую форму, кормил рыб в аквариуме (*б) в аквариуме худенький мальчик, одетый в гимназическую форму, кормил рыб.

Различие в области действия локатива в зависимости от позиции можно объяснить тем, что в высказываниях, подобных приведенному, стоящий в начале локатив выступает в функции Осн. $X^{мого}$: при этом вся остальная часть высказывания ориентирована на его характеристику и, следовательно, он должен восприниматься как место для события в целом. Напротив, в конечной позиции он выступает в роли $X^{щего}$ по отношению к предикативной группе и показывает только, где имело место само действие. Таким образом, при варианте (а) высказывание ориентировано не на локатив, хотя он может быть здесь интерпретирован как ситуационно "известный", а на "неизвестный" — субъект события.

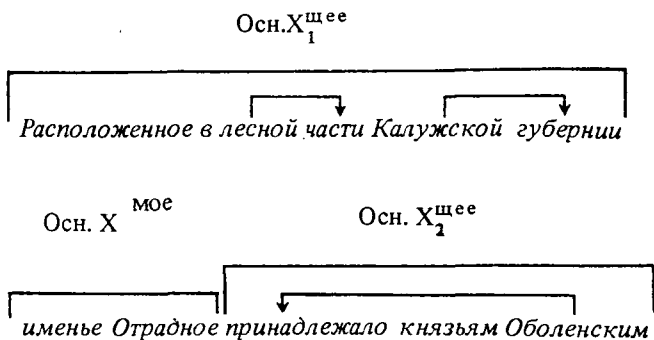
В работе Л.А. Прозоровой [1989, гл. III] показано, что и высказывания типа *Fear gripped him* 'страх охватил его' ориентированы на "новое", а не на "данное" (известное).

Свидетельством значимости отношений характеристики может служить установленная Д. Болинджером следующая закономерность употребления локативных групп: в экзистенциальных предложениях с конструкцией "there is" постановка локатива в начало предложения тем нормативнее, чем естественнее интерпретировать остальную часть высказывания как выражающую какую-то важную или типичную его характеристику [Bolinger 1977, 100—101]. В русском языке, где препозиция локатива служит основным средством создания экзистенциальных предложений, значимость характеристики обычно не влияет на положение локатива, но в тех случаях, где это допускает смысл вводятся дополнительные актанты, связь которых с описываемым событием более существенна. Так, фраза *У вас на воротнике клоп* более стандартна по сравнению с предложением *На вашем воротнике клоп*. В английском языке, по утверждению Д. Болинджера, при описании подобной ситуации более характерна постпозиция локатива: *There's a bug on your collar*, а не: *On your collar there's a bug*. Ср., напротив: *In this building there exploded one of the most powerful bombs* 'В этом здании взорвалась одна из самых мощных бомб' (взрыв — важная характеристика данного места).

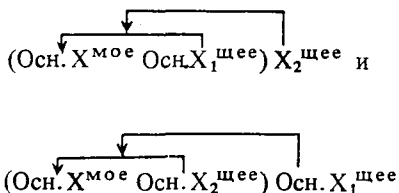
Рассмотрим роль порядка следования векторных связей на примере: *Расположенное в лесной части Калужской губернии имение Отрадное принадлежало князьям Оболенским*. Подобное предложение могло бы встретиться при перечислении русских имений XIX в.

В этом предложении есть Осн. $X^{мос}$ (Осн. — основное) — имение Отрадное и два Осн. $X^{ших}$, первое из которых представлено причастным оборотом, второе — предикативной группой. Внутри этих групп есть свои $X^{мыс}$ и $X^{щие}$, что можно показать на схеме:

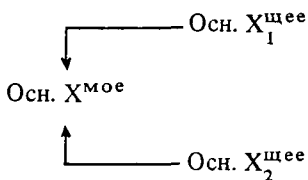
¹⁰ Следует подчеркнуть, что первая позиция необязательно связана с функцией $X^{мого}$ [Селиверстова 1984].

Таким образом, существует множество иерархически организованных отношений характеристики. Мы, однако, здесь остановимся только на Осн. $X^{мом}$ и Осн. $X^{ших}$. Теоретически здесь можно было бы представить возможность существования двух последовательных отношений характеристики:

и одного параллельного отношения:

При последовательном отношении характеристики должно иметь место определенное логическое взаимодействие между предшествующим $X^{шим}$ и последующим: предшествующее либо должно составить предпосылку для существования последующего, либо взаимодействовать с ним по принципу противопоставленности, неожиданности их объединения. Напротив, при параллельных отношениях может не быть никаких внутренних связей между $X^{шим}$.

В предложениях рассматриваемого типа, т.е. имеющих причастную группу в препозиции и предикативную группу в постпозиции, может быть и последовательная характеристика, и параллельная. Иллюстрацией параллельности отношения характеристики служит приведенный пример (существование логической связи между положением в указанном месте и принадлежностью кому-то маловероятно).

Такой порядок отношений характеризации, как показывает анализ примеров, реализуется лишь в том случае, если денотат именной группы не предполагается заранее известным. Подчеркнем, что здесь существенна именно неизвестность, а не просто контекстная незаданность¹¹. Высказывание при этом произносится, по-видимому,

с особой интонацией: пауза делается после Осн. X^{мого}¹². Если указанные условия (содержательное и формальное) нарушаются, реализуется последовательное отношение характеризации. Вследствие этого предложения, в которых X₁^{щее} и X₂^{щее} логически никак не соотнесены между собой, воспринимаются как неправильные. Для параллельного отношения характеризации здесь требуется постановка X₁^{щего} в постпозицию: *И он опять остановился в Отрадном, куда приезжал не раз и раньше.* (а)* *Расположенное в лесной части Калужской губернии, это имение принадлежало тогда князьям Оболенским;* (б) *Это имение, расположенное в лесной части Калужской губернии, принадлежало тогда князьям Оболенским;* см. также: *Был там и поручик Чижев, с которым я вчера проиграл всю ночь в карты.* (а)* *Три года тому назад переведенный в наш полк этот поручик был очень красив. Его красота...*; (б) *Этот поручик, три года тому назад переведенный в наш полк, был очень красив. Его красота...*

Из восьми опрошенных все отдавали предпочтение варианту (б).

При введении взаимосвязанных характеристик отмеченное ограничение снимается: *Расположенный на границе, этот замок часто подвергался нападениям.*

Таким образом, порядок следования отношений характеризации существен для смысла высказывания.

Приведем еще один пример, свидетельствующий о значимости направленности отношений характеризации и порядка их следования. В гл. I п. 1.4 мы говорили о том, что при замене посессивного местоимения на словосочетание "у X-а", которое вносит пространственное значение, может происходить изменение не только содержания, но и области распространения семантических связей. При этом изменяется построение коммуникативной перспективы высказывания. Данное различие можно графически показать на предложениях, проанализированных выше (см. гл. I).

¹¹ Видимо, можно построить тексты, где Осн. X^{моc} предложений рассматриваемого типа вводится в предшествующем предложении, но не предполагается известным из предыдущего опыта адресата сообщения или рассказчика, наблюдателя. Окончательно проверить данное предположение оказалось довольно трудно вследствие того, что рассматриваемый тип предложений создает часто высказывания, неодинаково толкуемые разными информантами, что связано со следующим: 1) одни информанты допускают такую взаимосвязанность фактов, которую исключают другие (например, то или иное месторасположение имени, дома и т.п. может оцениваться как "престижное" и тогда связываться с социальной позицией обладателя); 2) не всегда очевидна и характеристика по параметру известности (неизвестности).

¹² Т.М. Николаева любезно обратила наше внимание на зависимость "правильности" многих высказываний анализируемого типа от места паузы.

У него/ сын/ работает на заводе

и

Его сын/ работает на заводе

(Отметим, что Г.Е. Крейдлин [1980] различие между предложениями с посессивными местоимениями и словосочетанием "у X-а" также связывает с разным актуальным членением. Однако само понятие актуального членения он трактует иначе, чем мы).

2.2. Коммуникативная перспектива и текст

Покажем теперь значимость выбора Осн. $X^{\text{мого}}$ и Осн. $X^{\text{шего}}$ для сохранения единства и связанности текста. Проблема единства, связанности и вычленимости текстового фрагмента анализировалась в ряде лингвистических работ [см., например: Dijk 1977; Longacre 1979; Beaugrande, Dressler 1983; Brown, Yule 1983; Givon 1984]. Остановимся на текстах, в построении которых используется тематическая прогрессия с производными темами, отмеченная Р. Данешем [Daneš 1974]. Коституенты такой тематической прогрессии можно рассматривать как элементы множества, объединенного общим свойством и составляющим в своей совокупности целое. Правильность текстового фрагмента, построенного по этой тематической прогрессии, не зависит от наличия причинно-следственных или каких-либо других логических связей между предложениями. Для единства и связанности текста требуется, однако, не только отнесенность Осн. $X^{\text{мых}}$ к одному множеству. Осн. $X^{\text{шие}}$ также должны либо составлять одно множество, либо разделяться на такие множества (обычно не больше двух), которые объединены по признакам, коррелирующим между собой и с множеством $X^{\text{мых}}$ (например, множество $X^{\text{мых}}$ могут составлять различные части театрального зала, а множества $X^{\text{ших}}$ могут быть представлены, с одной стороны, зрителями, а с другой — билетерами). Отметим также, что одни и те же совокупности (например, пленные и конвоиры) могут рассматриваться то как подмножества одного множества, то как разные множества. По-видимому, это зависит от того, обязательно ли в описываемой ситуации наличие одних предполагает и наличие других. Таким образом, предпосылкой для построения текста по тематической прогрессии служит представление о существовании по крайней мере двух множеств (M_1 и M_2), одно из которых, однако, может исходно задаваться лишь с той или иной степенью вероятности. Цель текста заключается в сообщении о том, как связаны элементы из M_1 с элементами из M_2 . Вследствие презумпции о двух множествах имеется потенциальная возможность ориентировать высказывание и на элементы из M_1 , и на элементы из M_2 . Эта возможность, однако, далеко не всегда реально присутствует. Так, например, могут возникать ограничения,

обусловленные нежелательностью или недопустимостью постановки тех или иных коммуникативных элементов в позицию контраста. Ср.: *Некоторые стояли в коридоре, а не: В коридоре стояли некоторые.*

Далее, на выбор коммуникативной перспективы влияет степень спаянности элементов множества: чем в большей степени они осознаются в качестве частей единого целого, тем больше вероятность их постановки в позицию Осн. $X^{мьх}$. Например, если описывается некоторое помещение (комната, приемная и т.п.) и какое-то множество людей, объединенных лишь самим присутствием здесь и сейчас и, возможно, сходной целью прихода, но не участием в коллективном действии, то в качестве Осн. $X^{мьх}$ обычно выступают пространственные элементы (см., например, описание свидания с арестантами в романе Л. Толстого "Воскресенье", где почти все предложения начинаются с локативного члена). Обратный порядок слов допустим, но требует дополнительных условий. Так, он возможен, если местонахождение "присутствующих" описывается не только по отношению к той или иной части пространства (*у окна, у стены*), но и по отношению друг к другу (*за ним, перед председателем* и т.п.).

Восприятию присутствующих как некоторого целого способствует их участие в коллективном действии (например, участие в собрании, научной конференции) и рассмотрение при этом не отдельных индивидов, а целых групп. В текстах, описывающих такую денотативную ситуацию, в первой позиции часто ставятся подлежащие, хотя столь же естествен и обратный порядок слов (могут быть только частные ограничения, о которых говорилось выше). При выборе локативных групп в качестве Осн. $X^{мьх}$ текст отвечает на вопрос, что было (что обнаруживается) в $s_1, s_2, \dots, s_i$, которые символизируют здесь части пространства S . Напротив, при выборе подлежащих и их денотатов в качестве Осн. $X^{мьх}$ текст отвечает на вопрос, где находились $m_1, m_2, \dots, m_i$, относящиеся к множеству M (информация о местонахождении может дополняться указанием на осуществляемые при этом действия). Для оживления текста, ухода от монотонности можно менять ориентацию высказываний, что не нарушит единство текста, если вводимые актанты ситуации принадлежат к исходно заданным множествам. Создается переплетение двух вариантов одной темы: *Я пришел в перерыв, но зал был почти полон. Некоторые сидели на своих местах, другие толпились в проходах.* (1а) *Большая группа собралась около президиума и о чем-то оживленно спорила;* (1б) *Около президиума собралась большая группа и о чем-то оживленно спорила.*

Выбор ориентации может вносить смысловые различия, если он связан с изменением в принадлежности к множеству. По-видимому, можно сформулировать следующее правило выбора Осн. $X^{мого}$: в тех случаях, когда субъект ситуации или локатив не относятся к элементам описываемого в предшествующем контексте множества, они не могут выступить в функции Осн. $X^{мого}$, если сообщение о них не следует за паузой, которая показывала бы, что предшествующая тема завершена и вводится новый сюжет. Нарушение этого условия может привести либо к неправильному толкованию текста (вводимый

новый элемент может быть понят как принадлежащий к введенному ранее множеству), либо к его неотмеченности. Так, приведенный текст может быть дополнен фразой: (2а) *Около центрального входа стоял молодой охранник в красной фуражке*, а не: (2б) *Молодой охранник в красной фуражке стоял около центрального входа*. Охранник не может рассматриваться как участник собрания, и таким образом, сообщение о нем не может служить ответом на вопрос, где находились, как размещались участники собрания. Вместе с тем единство темы не разрушается, так как вводимый новый "персонаж" функционально также связан с проведением собрания, и сообщение о нем указывает на одну из "фоновых" характеристик происходящего.

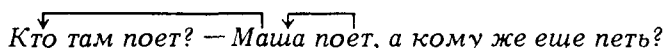
Заменим теперь предложение 2 в анализируемом тексте на предложение 3 в вариантах (а) и (б): (а) *На подоконнике недалеко от двери сидела молодая красивая девушка и курила*; (б) *Молодая красивая девушка сидела на подоконнике недалеко от двери и курила*. Вариант (б) все опрошенные (8 человек) считали допустимым только в качестве зачина описания нового эпизода. Вследствие этого он произносится с особой интонацией зачина, и ему предшествует пауза. Вариант (а) не создает эффекта такого резкого разрыва с предшествующим, и не обязательно требует паузы. Он может рассматриваться как частично продолжающий первоначальную тему (что было в $s_1, s_2, \dots, s_i$), но одновременно и как вводящий новую линию повествования. Об этом свидетельствует неестественность употребления предложения 3 как завершения абзаца. После него требуется то или иное продолжение. Например: *Я подошел к ней и спросил...* Таким образом, сообщение о присутствии лица, описанного через признаки, не связанные с его отношением к общему событию (в данном случае к участию в собрании) и никак не соотносящие его с другими присутствующими, воспринимается как неуместное, если это сообщение не вводит новую линию повествования. Другими словами, введение предложений подобных 3 требует в дальнейшем ответа на вопросы типа *И что дальше? К чему это привело?*

2.3. Фокус контраста

В отличие от У. Чейфа [1982] мы не выделяли фокус контраста в качестве отдельного самостоятельного явления, поскольку, как мы полагаем, он возникает в результате взаимодействия информативной структуры и коммуникативной перспективы. Однако как производное явление фокус контраста составляет важную характеристику высказывания. Контрастная функция (противопоставление описываемого положения дел какому-то другому, которое могло бы иметь место, но не имеет), с нашей точки зрения, присуща любому высказыванию [Селиверстова 1987], причем в фокус контраста может попадать либо одно из $X^{ших}$, либо все высказывание в целом, если оно как целое выполняет функцию характеристики по отношению к предшествующему контексту или к денотативной ситуации. В фокусе контраста оказывается именно то $X^{шсе}$, которое несет новую информацию.

Таким образом, через позицию контраста происходит взаимодействие информативной структуры и коммуникативной перспективы. Заметим, что поскольку не всегда очевидно, какая именно часть информации представлена как новая, место позиции контраста может быть объективно неопределенным. Проиллюстрируем сказанное на примере, заимствованном у Т.М. Николаевой [1982, 72], где рассматривается случай неудачного построения предложения при переводе одного из романов Бальзака: *В 1560 году улица Вьель-Пельтри проходила вдоль левого берега Сены*. Николаева обратила внимание, что данное предложение имплицитно представляет представление о том, что, может быть, теперь эта улица проходит в другом месте, что абсурдно. Такая импликация исчезает при перестановке локативного члена во вторую позицию: *В 1560 году вдоль левого берега Сены проходила улица Вьель-Пельтри*. Это различие можно объяснить следующим образом. В первом предложении локативная группа играет роль одного из $X^{ших}$, таким образом, она может быть воспринята как находящаяся в позиции контраста, что создает противопоставленность: "раньше улица проходила в таком-то месте, а теперь в другом". Это восприятие не является обязательным, так как в позиции контраста может стоять предикативная группа, также выполняющая функцию характеристики. Таким образом, позиция контраста не определена однозначно, но сама возможность ее соотнесения с локативной группой делает предложение странным. При постановке локативной группы вперед она становится $X^{мым}$ и выпадает из поля контраста.

$X^{мос}$ может попасть в позицию контраста только в случае, если оно несет новую информацию и является одновременно $X^{шим}$ по отношению к предшествующему. Именно такую двойную функцию, как мы пытались показать [Селиверстова 1984], часто выполняет слово, стоящее в первой позиции предложения—ответа:

 Кто там поет? — Маша поет, а кому же еще петь?

Слово *Маша* характеризует позицию субъекта действия, заданную в вопросе, как "заполненную" данным лицом, а его денотат характеризуется через предикат предложения—ответа. Такая повторная характеристика часто выполняет функцию подтверждения. При этом контекстно "известное" $X^{шес}$ не стоит в фокусе контраста.

Осн. $X^{мос}$ может стоять в фокусе синтагматического контраста, который требует прямого указания на противопоставленность (о понятиях синтагматического и парадигматического контраста см.: [Николаева 1982]): *Миша читал, а его жена дремала в кресле*. Субъекты данных предложений находятся в отношении синтагматического контраста.

2.4. Коммуникативная членимость/слитность

В качестве самостоятельного явления мы выделяем коммуникативную членимость/слитность¹³. Под коммуникативно нечленимым (точнее, имеющим ослабленную степень членимости¹⁴) мы понимаем такое предложение, в котором внутренние отношения характеристики подчинены внешнему отношению характеристики, выполняемому всем предложением. При этом либо все предложение в целом попадает в фокус контраста, либо имеет место случай "помещения" фокуса контраста на "внешнем" $X^{см}$, выступающем как внутреннее $X^{моc}$ (см. предложение—ответ в п. 2.3).

Вслед за другими исследователями (в частности, Д.Н. Шмелевым), мы проводим различие между коммуникативно членимыми/нечленимыми словосочетаниями. Будем считать, что словосочетание нечленимо, если входящее в его семантическую структуру $X^{сcc}$ участвует в других отношениях модификации лишь вместе с $X^{мым}$, с которым они образуют "комплексное ядро" (воспользуемся терминологией П. Адамец [1966]).

Коммуникативная нечленимость не означает отсутствие коммуникативной перспективы: *Шел дождь, было темно и грязно. Никитин чувствовал на душе неприятный осадок и никак не мог понять, отчего это...* (Чехов); *Смотри! Дождь идет!* И синтагма *шел дождь*, и предложение *дождь идет* коммуникативно нечленимы. Оба они имеют альтернативную противопоставленность отсутствию дождя и, во всяком случае, в первом примере, хорошей погоде. Однако первое ориентировано на предикат, а второе — на субъект. Об этом прежде всего свидетельствует их очевидная стилистическая нетождественность. Ориентация на предикат вообще типична для предложений, денотаты подлежащих которых фактически представляют собой вещество — *идет дождь (снег), пошел град, разлилась вода, рассыпался песок* и т.д. Такая ориентация способствует восприятию ситуации как в целом событийной, где имя только уточняет один из параметров события (в приведенных примерах ту субстанцию, которая участвует в создании события). Напротив, в предложениях типа *Дождь идет* предикативная характеристика представлена как один из параметров денотата подлежащего. Предложения с субъектом в препозиции реже выступают в качестве коммуникативно нечленимых. Для придания им данного коммуникативного статуса требуются особые условия. Одним из них служит постановка основного ударения на первое слово, что в свою очередь при особой интонации может быть знаком экспрессивности. Осн. $X^{моc}$, соответствующее подлежащему, часто выражает следующее экспрессивное значение: 'важно, драматично или странно, неожиданно, что в качестве субъекта выступает данный денотат. Например:

¹³ Рассмотрению коммуникативной членимости посвящена работа Д.Н. Шмелева [1976]. В ней, однако, не ставится вопрос о соотношении этого явления с коммуникативной перспективой и информативной структурой. Самостоятельный статус придает понятию членимости Т.М. Николаева [1982]. Однако толкуется это понятие (автор обозначает его термином "глобальность") несколько шире, чем в нашей работе.

¹⁴ Всякое предложение имеет какую-то степень коммуникативной членимости. Членимость предопределяется уже самим разделением на члены предложения.

Человек тонет! (важно, драматично, что человек). Экспрессивное значение "неожиданно" реализуется в приведенном выше примере: *Смотри! Дождь идет!* (о других вариантах экспрессивного значения Осн. $X^{\text{мого}}$ и условиях их реализации см. гл. V).

Другим условием выбора последовательности *дождь (снег) идет* может служить такое построение текста, при котором данное событие фигурирует как причина другого события: *"Пойдем гулять". — "Не пойду". — "Почему?" — "Дождь идет"* (действие автора речи объясняется тем, что "делает" дождь). Здесь, однако, допустим и другой порядок слов.

Постановка в препозицию слов типа *дождь* типична и при таких предикатах, как *А дождь все шел и шел; Дождь наконец перестал*. Подобные предложения коммуникативно членимы, о чем свидетельствует место позиции контраста.

При существительных других типов, денотаты которых представляют собой "полноценные" субъекты действий, напротив, более характерна ориентация на подлежащее. Ориентация на предикат, делающая субъект одной из характеристик события, придает тексту эпическую окрашенность (при отсутствии других текстовых предпосылок, определяющих данную ориентацию); *Засыпает она не скоро и не сразу, вздрагивает несколько раз* (Казакв).

Здесь синтагма *засыпает она* коммуникативно нечленима. В фокусе контраста *не скоро и не сразу*.

Рассматриваемый стилистический эффект не возникает, если предикат — "известное", а субъект — "новое". В этом случае синтагма коммуникативно членима, а субъект попадает в фокус контраста. Кроме того, соотношение известного/нового создает здесь особую предпосылку для того, чтобы представить субъект как $X^{\text{шес}}$.

Итак, критерием коммуникативной членности служит место фокуса контраста. Однако его определение не всегда очевидно и требует часто рассмотрения построения контекста в целом, его стилистических и смысловых особенностей. Существенно также распределение функций $X^{\text{шего}}$ и $X^{\text{мого}}$ между "известным" (данным) и "новым". Если $X^{\text{мое}}$ — "новое", а $X^{\text{шес}}$ — "известно", причем именно контекстно "известно", то их объединение, как правило, коммуникативно нечленимо. Кроме того, возможно, коммуникативно нечленимым предложениям свойственны более короткие паузы между элементами. Возможно также, для этих предложений характерны особые интонационные конструкции.

Термины "тема" и "рема" мы будем употреблять только для обозначения Осн. $X^{\text{мого}}$ и Осн. $X^{\text{шего}}$ коммуникативно членимых высказываний.

2.5. Коммуникативная перспектива экзистенциальных предложений

Рассмотрим теперь кратко особенности коммуникативной организации экзистенциальных предложений в русском языке и сравним их с локативными.

Экзистенциальные предложения, имеющие локатив в первой позиции, обычно коммуникативно членимы, о чем свидетельствует позиция

фокуса контраста: в фокус контраста обычно не попадает локатив.

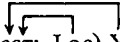
В нашем лесу есть озеро (наличие озера в отличие от отсутствия). Однако в особых условиях коммуникативная членимость может исчезать: *Вы ошибаетесь. В нашем лесу есть озеро, а не в их.*

Здесь в фокусе контраста локатив, вторая часть несет уже контекстно заданную информацию и потому не создает коммуникативной членимости (ср. предложение—ответ (п. 2.3)).

Иногда и локатив и предикативная группа попадают в фокус контраста (здесь соединяются парадигматический и синтагматический контраст): *В нашем лесу / есть озеро, а в их лесу нет.*

Экзистенциальные предложения, произносимые с нейтральной интонацией, получают коммуникативную нечленимость при постановке слова *есть* в первую позицию, а локатива — во вторую: *Есть в близости людей заветная черта, Ее не перейти влюбленности и страсти* (Ахматова).

Подобные предложения ориентированы на предикат: вводится ситуация наличия, которая уточняется через указание на пространство и затем через наличествующий объект. Их коммуникативную структуру

можно представить так: *(есть Loc) Y*. В пользу сделанного утверждения говорит тот факт, что данные предложения в отличие от предложений, ориентированных на локатив, не могут быть употреблены изолированно. Так, можно сказать: *Знаете? В нашем доме живет космонавт*, но **Знаете? Живет в нашем доме космонавт*¹⁵. Предложение с предикатом в первой позиции, если все коммуникативные элементы контекстно не заданы, не может быть конечным. Такую позицию в тексте оно может занимать только в том случае, если связано с предшествующим контекстом: *Есть в этом что-то странное.*

Такое ограничение легко объяснить, учитывая отношения характеристики: цель сообщения может заключаться в том, чтобы охарактеризовать некоторое место через сообщение о том, что в нем находится, но характеристика самого наличия не может составлять единственную цель коммуникации. Ориентация на предикат придает высказыванию эпический характер и/или служит возражением против явного или неявного предположения об отсутствии Y-а в данном пространстве. В этом последнем случае коммуникативные элементы обычно контекстно заданы.

В рассматриваемых высказываниях локатив может также стоять в последней позиции: *Есть упоение в бою, И бездны мрачной на краю* (Пушкин); *Есть какая-то таинственная прелесть в осенних вечерах.*

По-видимому, эти высказывания могут быть интерпретированы как коммуникативно членимые, если локатив контекстно не задан. Во всяком случае, вероятно, здесь фокус контраста не занимает устойчивого положения и может быть воспринят как относящийся к ло-

¹⁵ Даже при ударении на последнем слове (космонавт) данная фраза, по-видимому, не может быть конечной.

ктиву. В пользу этого говорит неестественность постановки в последнюю позицию тех локативов, указания на которые несущественны, делаются как бы попутно. Ср.: *Есть у нас в Покрове одна удивительная женщина* и *Есть одна удивительная женщина у нас в Покрове*.

Рассмотрим теперь, как соотносятся между собой экзистенциальные и локативные модели. Локативными моделями мы называем такие модели, значение которых строится на presupпозиции о том, что Y где-то находится, но неизвестно, где именно, причем речь идет о физическом пространстве. Эти предложения могут быть ориентированы на характеризацию лица через указание на то, где именно это лицо

находится $\left(\begin{array}{c} \swarrow \quad \searrow \\ \text{(Где Маша? // Она в саду)} \end{array} \right)$, на характеризацию "позиции" пространства, в котором находится Y, через идентификацию пространства $\left(\begin{array}{c} \swarrow \quad \searrow \\ \text{(Где Маша? / В саду она)} \end{array} \right)$. и, наконец, на предикат: *Живет он / в нашем доме*. При первом и третьем порядке слов предложения коммуникативно членимы, о чем свидетельствуют место фокуса контраста и позиция (контекстно) "известного", соответствующая $X^{\text{мому}}$.

Таким образом, экзистенциальные предложения отличаются от локативных как по своей ориентации, так и по информативной структуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гл. II была высказана гипотеза о том, что в основе экзистенциальных и экзистенциально-посессивных предложений лежат особые синтаксические модели (структурные схемы), по крайней мере многие из которых являются производными. Одни образованы в результате соединения структурных схем предложения с моделями предложных групп (значение целого при этом не вытекает однозначно из составляющих компонентов). Другие возникают при заполнении актантных позиций такими словами, синтаксические потенции которых особенно сильны. К числу этих глаголов и относятся "быть" и "иметь". Третьи строятся по моделям, представляющим собой соединения структурных схем предложений.

В гл. II приводятся аргументы в пользу выделения в рамках коммуникативной организации высказывания следующих различных явлений: 1) коммуникативной перспективы; 2) информативной структуры (соотношение "известного" ("данного") — "нового"); 3) коммуникативной членимости/слитности. Утверждается, что фокус контраста возникает на пересечении информативной структуры и коммуникативной перспективы и присущ любому высказыванию. Рассматриваются некоторые связи между коммуникативной структурой и семантикой акцентного выделения.

* Показывается, что в построении коммуникативной перспективы участвуют все члены предложения. Их коммуникативная функция описывается в терминах $X^{\text{мос}}$ и $X^{\text{мсе}}$. Выполнение этих функций

определяет векторность тех отношений, которые связывают как члены предложения, так и их денотаты.

Выделяются особенности информативной структуры и коммуникативной перспективы экзистенциальных, локативных и экзистенциально-посессивных предложений.

Глава III

МОДЕЛИ С *ЕСТЬ* И НУЛЕВОЙ СВЯЗКОЙ

В гл. III рассматривается значение и употребление моделей с *есть* и нулевой связкой ("*У X-a есть Y*", "*У X-a Y*", "*В X-е есть Y*", "*В X-е Y*" и т.д.). На материале этих моделей исследуется различие между центральными и периферийными экзистенциальными моделями. Устанавливается роль психологических факторов, влияющих на выбор изучаемых моделей в речи и на возможности их лексического заполнения. Наиболее полно рассматриваются модели "*У X-a есть Y*" и "*У X-a Y*". Однако основные постулируемые закономерности их употребления относятся и к другим перечисленным моделям.

1. РАЗЛИЧИЕ ПО ПРИЗНАКУ НАЛИЧИЕ Y-a / КАЧЕСТВЕННАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ Y-a

1.1. Общее определение признака

Различие между моделями "*У X-a есть Y*" и "*У X-a Y*" прежде всего определяется тем, что модель с *есть* сообщает, как правило, о наличии Y-a у X-a. Напротив, при выборе модели "*У X-a Y*" в коммуникативный центр попадает информация о том, к какому именно классу относится Y, или, если воспользоваться терминологией Н.Д. Арутюновой, акцентируется внимание на классе "бытующего объекта" [см.: Evreinov 1973, Селиверстова 1973, Арутюнова 1976, Панде 1982, Raillard 1984]. Однако в этих работах иногда по-разному определяются условия реализации указанного признака И. Евреинов [Evreinov 1973] экзистенциальные предложения предлагает делить на четыре типа: собственно экзистенциальные, диспозиционные, посессивные и локативные, причем различия по рассматриваемому признаку относит только к диспозиционным и посессивным. В отличие от этого мы не связываем реализацию данного признака¹ с типами экзистенциальных предложений, выделяемыми в зависимости от характера описываемого

¹ Он был выделен авторами данных двух работ независимо друг от друга. До этого высказывалась гипотеза о том, что различие между моделями со словом *есть* и без него определяется через признак отторжимости/неотторжимости [Исаченко 1954, 141—145]. В более поздних работах А.В. Исаченко эта гипотеза не упоминается. А.М. Пешковский [1938, 224] рассматривал различие между предложениями типа *У нее были ясные глазки* и *Глазки у нее были такие ясные*, причем первым приписывалось значение существования, а вторым — связочное значение.

пространства (именно на этом основании строится, как представляется, предложенное Евреиновым подразделение экзистенциальных предложений). Зависимость признака "наличие У-а/ акцентирование внимания на классе У-а" от типа пространства не отмечается и в других указанных работах. Кроме того, мы считаем важным провести различие между двумя вариантами рассматриваемого противопоставления: 1) наличие У-а/качественная идентификация У-а (наличие какого-то У-а предполагается известным)²; 2) наличие У-а, при акцентировании внимания именно на наличии, /акцентирование внимания на качественной идентификации У-а, "классе бытующего объекта" (причем его наличие заранее неизвестно).

Рассмотрим следствия, которые предопределяются различием по признаку "наличие — (качественная) идентификация У-а (информация о том, к какому именно классу относится тот У, который есть у Х-а)". Вследствие различия по данному признаку, как правило, только модель "У Х-а У" употребляется, когда из контекста или из ситуации следует, что наличие у Х-а некоторого качественно неидентифицированного У-а известно заранее. Так, конструкция "У Х-а У" выбирается, если предложение эксплицитно или имплицитно служит ответом на вопрос "Что у Х-а?". Например, вопросы типа: *Что у вас в кармане? Что у вас в руках?*, которые предполагают знание того, что у адресата речи есть что-то в руках, кармане, могут быть построены только по модели "У Х-а У". Цель этих вопросов — установить, что именно есть у адресата речи. Напротив, если говорящий вообще не знает о наличии У-а у Х-а, он задает вопрос со словом *есть*: *У вас есть что-нибудь в кармане? У вас есть что-нибудь в руках?* Ср. также: *Кто у вас?* и *У вас кто-нибудь есть?* Та же закономерность распределения данных моделей наблюдается и в других типах высказываний. Например, если говорящий хочет узнать пол ребенка или какие-то его качества (наличие ребенка известно заранее), он построит свой вопрос по модели "У Х-а У: У него дочь?; У него хорошая дочь?" и т.д. Напротив, нельзя задать вопрос *У вас дочь?*, если спрашивающий заранее не знает, что у адресата речи есть дети. См. также: *У него "Москвич"? У него хорошая машина?* (наличие машины известно заранее).

Существует, однако, по крайней мере одно исключение. *Есть* употребляется в вопросе со словом *что* и в ответе на этот вопрос, если речь идет об отношении собственности. Так, нужно сказать: *Что у вас есть? — У меня есть дом и при доме огород*³. Напротив, если речь идет о заболевании, о деле, о событии, то *есть* опускается: *Что у вас? — У меня к вам дело (У меня язва, У нас заседание)*. Употребление слова *есть*, возможно, объясняется стремлением сделать вопрос более однозначным. В вопросах со словом *сколько* и в ответах на эти вопросы также допускается употребление *есть*, причем в ответах оно встречается чаще: *Сколько у вас (есть) денег? — У меня (есть)*

² Именно этот вариант рассматривался в нашей работе [1973]. Указанное более широкое определение предложено Н.Д. Арутюновой [1976].

³ Пример взят из кн.: [Арутюнова 1976, 235].

три рубля⁴. В отличие от первого случая использование здесь *есть* скорее объясняется тем, что вопрос со словом *сколько* не исключает в качестве одного из возможных ответов указание на отсутствие Y-а.

Вследствие того, что конструкция "У X-а есть Y", как правило, передает информацию о наличии Y-а, в ней не употребляются определения, обозначающие такие свойства Y-а, о которых обычно сообщают, уже зная о наличии Y-а у X-а. Например, вопрос *У вас есть хорошая дочь?* воспринимается как странный, неестественный, поскольку в соответствии с закономерностями построения речи, отражающими, в частности, существование некоторой иерархии в получении сведений, вопрос о том, хорошая ли дочь у X-а, не будет задан, если говорящему заранее неизвестно, что у X-а есть дочь. Сведения о наличии детей признаются более важными, более существенными, такими, которые должны быть получены первоначально. Иерархичность последовательности вопросов может зависеть, в частности, от отношений между говорящими. Так, при отсутствии личных отношений между собеседниками, говорящий может задать вопрос о существовании у X-а детей той или иной возрастной группы, не узнав заранее о существовании детей вообще. Например, можно сказать: *У вас есть дети дошкольного возраста?* (в некоторых ситуациях — например, при устройстве в детский сад — спрашивающего может интересовать именно существование детей данной возрастной группы, наличие же детей вообще несущественно).

1.2. Употребление моделей в изобразительном стиле речи

Информация о качественной идентификации Y-а, которую могут нести конструкции без слова *есть*, предопределяет их употребление в том стиле речи, который мы называем изобразительным⁵. Если пользоваться шкалой признаков, предложенных Дж. Юа [Uger 1967], то можно сказать, что изобразительный стиль чаще всего относится к непосредственной речи, т.е. место и время речи совпадают с местом и временем описываемого. Однако для общей характеристики данного стиля речи более существенно другое: даже если акт речи происходит в другое время и в другом месте, чем описываемое, говорящий строит свою речь так, как если бы он непосредственно присутствовал в описываемом месте в описываемый момент: он рисует картину, которая открывается его взору (в действительности или в воображении). При этом наличие каких-то вещей, предметов в рамках выделенного пространства предполагается заранее известным, и говорящий просто называет их. Вследствие это здесь используются модели без слова *есть*.

⁴ Скобки показывают необязательность употребления этого слова.

⁵ Понятие описательного стиля речи, которое используется во многих работах [например: Sweet 1926], имеет более широкое значение, чем то, которое мы вкладываем в понятие изобразительного стиля. Некоторые авторы [например, Jindra 1965] проводят также различие между *descriptive* и *deictive styles*. Мы не нашли, однако, определения этих понятий. То, что мы назвали изобразительным стилем, по-видимому, совпадает с тем стилем речи, который выделяет Дж. Аткинсон [Atkinson 1973] и вслед за ним Д. Болинджер [Bolinger 1977, 94—95]. Д. Болинджер, однако, судя по приведенным примерам, понимает его несколько шире.

Например: *Большой дом с мезонином и террасой. Перед домом скамья. Около нее стоит молодая женщина.* В приведенном примере нельзя поставить слово *есть*. Его употребление, однако, становится возможным при изменении стиля речи. Например, можно сказать: *Продается большой дом с мезонином и террасой. Перед домом есть пруд* или *За углом вы увидите большой дом с мезонином и террасой. Перед домом есть скамейка. Вы можете на ней посидеть и подождать меня.*

При построении речи говорящий иногда может переходить от одного стиля к другому. Начав изложение как фиксацию того, что предстает перед его глазами, говорящий затем может отказаться от описания непосредственного зрительного образа и сообщить о том, что он обнаружил в описываемом пространстве. Например: *Я вижу большой дом с террасой. Между прочим, перед домом есть колодец.* Если стиль речи четко не задан и акт речи непосредственно следует за актом зрительного восприятия, может использоваться и конструкция со словом *есть* и конструкция без этого слова. Например, *О, да у вас есть горный хрусталь!* и *О, да у вас горный хрусталь!*

1.3. Назывные предложения

В русской лингвистической традиции предложения типа *Зима; Вечер; Ночь; Война* принято называть номинативными, т.е. собственно назывными [см.: Пешковский 1938; Шахматов 1941; Виноградов 1950; ГРЯ 1954 и т.д.].

Вместе с тем некоторые из назывных предложений, большинство из которых обозначают "состояние среды", относят обычно к бытийным, и, вероятно, вследствие этого их значение часто толкуется как значение "наличия, существования" [см., например: Золотова 1973, 136; ГРЯ 1980, 358]. Представляется, однако, что предложения типа *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека* (Блок) (пример взят из кн.: [Золотова 1973, 136]) не несут информацию о наличии ночи, улицы, фонаря и т.д. Представление об их существовании относится к пресуппозиции высказывания. Такая интерпретация согласуется с недопустимостью подстановки слова *есть* в номинативные предложения. Так, предложение *Есть фонарь* нельзя ввести в контекст: **Есть фонарь. У фонаря стоит мужчина* (ср.: *Фонарь. У фонаря стоит мужчина*). В пользу неэкзистенциальной трактовки говорит и то, что номинативные предложения чаще всего (а некоторые всегда) употребляются в изобразительном стиле речи.

Большинство номинативных предложений не только несут информацию об идентификации, а не о наличии, но и не характеризуют описываемое явление или предмет как находящийся внутри некоторого пространства⁶. См., например: *Дачная местность, окутанная ночным мраком. На деревенской колокольне бьет час* (Чехов) (пример взят из: [ГРЯ 1954, 66]); *Вечер. Гостиная в квартире Александра Сергеевича Пушкина в Петербурге. Горят две свечи на ста-*

⁶ Н.Д. Арутюнова также отделяет собственно номинативные предложения от бытийных, указывая на их формальные различия допустимости/недопустимости употребления *быть (есть), нет* [1976, 341].

реньком фортепиано и свечи в углу возле стоячих часов (Булгаков). Маловероятно, чтобы данные предложения имели следующую семантическую структуру: 'то, что заключено в описываемом пространстве, есть дачная местность, окутанная туманом, есть вечер и т.д.' Скорее всего, они сами задают пространство. Об этом свидетельствует, кроме интуитивного их восприятия, непереводаемость с помощью конструкции "There be Y", которая выражает в английском языке экзистенциальное значение (см. гл. IV). В подобных ситуациях была бы употреблена модель "it + be" (It is winter; It is evening).

Номинативные предложения служат также для того, чтобы дать определение, название случившемуся или квалифицировать какие-то явления. Например: "Я должен сказать вам"; — проговорил он. "Вот оно, объяснение"; — подумала она, и ей стало страшно (Толстой). Могут быть выделены и другие функции номинативных предложений [см.: Шмелев 1976].

Только некоторые высказывания типа *Тишина. Тоска* могут восприниматься как сообщения о наличии. По отношению к ним представляется справедливой точка зрения С.Н. Цейтлин [1972], которая считает, что номинативные предложения бытийного образца представляют собой редукцию двусоставных. *В лесу тишина — Тишина; У меня тоска — Тоска*. Однако формально односоставные предложения, вероятно, никогда не служат однозначными показателями бытийного типа — в зависимости от контекста они могут получать ту или иную интерпретацию.

Вследствие этого проверка на допустимость введения *быть (есть), нет* должна проводиться в рамках определенных контекстов.

Семантические и формальные различия (для бытийных моделей обязательна хотя бы имплицитная двусоставность) не позволяют, как нам представляется, относить бытийные и номинативные предложения к одному типу.

2. НАЛИЧИЕ В МНОЖЕСТВЕ/НАЛИЧИЕ ВНЕ МНОЖЕСТВА

Значение конструкций со словом *есть* не исчерпывается информацией о наличии Y-а. Во многих условиях своего употребления эти конструкции несут информацию не только о наличии Y-а, но и о его принадлежности к некоторому множеству, которое есть или, во всяком случае, запрограммировано быть у X-а [Селиверстова 1973]. Следует подчеркнуть, что содержание, вкладываемое в этот признак, не тождественно значению неопределенного артикля (артикль a (an) в английском языке). Основная функция артикля заключается в том, чтобы показать, что актант ситуации охарактеризован именно как член класса в отличие от его индивидуализированного представления. Ср.: *В это время в комнату вошел мальчик* (актант ситуации охарактеризован только через признак, определяющий его принадлежность к классу 'мальчиков') — *В это время в комнату вошел тот мальчик, с которым я вчера познакомился* (актант ситуации получает индивидуализирующую характеристику). Принадлежность к множеству, однако, необязательно предполагает неиндивидуализированное пред-

ставление актанта ситуации [Сулейманова 1986, 67]. Могут существовать множества, члены которых представлены индивидами в их индивидуальной характеристике (например: *В нашу группу входят Петя, Саша и я*). Введенный признак⁷ не связан со способом представления актанта ситуации (как индивида или как члена класса). Этот признак указывает лишь на принадлежность к множеству, что и определяет возможность построения таких предложений, как *Ты счастливее. У тебя есть Мария*. Принадлежность к множеству здесь существенна только в том плане, что учитывается возможность "причастности" к ситуации и других членов множества. Так, в тех контекстах, в которых задано непустое множество, т.е. такое, "позиции" которого заполнены, информация о наличии АУ-а (т.е. У-а со свойством А) означает, что в описываемое множество входят и $\bar{A}$ У-и (т.е. У-и, имеющие другие свойства, в частности, противоположное А — анти-А), причем все это множество участвует в описываемой ситуации. Реализация рассматриваемого признака в этих контекстах очевидна. Например, в предложении *У него есть седые волосы* сообщается не только о наличии седых волос, но и о том, что они составляют лишь часть волос Х-а, причем, скорее всего, меньшую часть (см. п. 3). В других контекстах задается множество, позиции которого могут быть и незаполненными. Запрограммированность множества определяется как бы природой вещей (например, у любого Х-а должно быть запланировано множество свойств; если Х относится к классу людей, то у него предполагается запрограммированным существование множества родственников, элементов собственности и т.д.). В этих контекстах указание о наличии У-а или АУ-а (т.е. У-а со свойством А) соединяется с информацией о том, что данный У или АУ является одним из тех У-в, которые имеет или может иметь Х. Реализация этой информации менее очевидна. Основанием для ее выделения служит то, что различные особенности и ограничения в употреблении конструкций со словом *есть* логически из нее выводятся. Как мы попытаемся показать ниже, модели со словом *есть* не употребляются, если наличие данного У-а исключает наличие других У-в в рамках описываемого пространства или, во всяком случае, если наличие других У-в маловероятно. Эти модели также не употребляются, если Х вообще не должен иметь У-и, т.е. наличие У-а или У-в — это скорее отклонение от нормы, а не норма. Последнее условие нарушается только в тех случаях, когда в контексте есть прямое указание на то, что Х, наряду с данным У-ом, имеет и другие У-и (т.е., следовательно, У является одним из тех У-в, которые есть у Х-а). Рассмотрим различные условия употребления.

2.1. Сочетаемость со словами типа *горб, опухоль*

Модель "*У Х-а есть У*" обычно (о некоторых исключениях см. ниже) не может быть употреблена, если утверждается наличие у Х-а того или иного новообразования (например, *горб, опухоль, бородавка*),

⁷ Об условиях реализации этого признака см.: [Панде 1984; Paillard 1986]. В последней работе данный признак получает расширительное понимание и применяется к принципиально новому материалу.

различных повреждений (рана, царапина, шрам) или результатов каких-либо болезненных процессов (нагноение, воспаление и т.п.). В этих условиях используется модель "У X-a Y", которая в сочетании с данными существительными может иметь два значения: 1) информация о наличии Y-a; 2) информация о том, к какому именно классу относится тот Y, который есть у X-a. Например: *У Коли горб, и это причиняет ему страдание; У нее опухоль; У него на лице шрам.* Наличие горбов, опухолей, шрамов не является чем-то обязательным, обычным для человека, и, больше того, их наличие рассматривается как нежелательное. Кроме того, если человек и имеет горб, опухоль, то их количество обычно равно одному. Особенность таких слов, как царапина, воспаление, заключается также в том, что их денотаты входят в "существование" X-a лишь временно. Вследствие этого утверждения о их наличии всегда связаны с отдельным моментом "существования" X-a, что делает еще менее вероятной возникновение пресуппозиции о запрограммированности у X-a Y-в именно в данный момент его существования. Ср., напротив: *У верблюда есть горб:* горб — одна из частей тела животного. Можно также сказать: *У горбатого человека есть горб:* обязательная составная часть горбатого человека. Кроме того, если при описании наличия Y-a, входящего в класс новообразований, в явной форме указывается, что данный Y — это один из Y-в, то употребление модели со словом *есть* становится возможным. Так, можно сказать: *У тебя еще (есть) синяк под правым глазом; У него (есть) еще одна опухоль*⁸.

Таким образом, употребление моделей "У X-a есть Y" и "У X-a Y" с существительными типа *горб, опухоль* подтверждает сделанное утверждение о том, что модель со словом *есть* передает информацию о наличии Y-a у X-a в рамках некоторого множества, которое есть или, во всяком случае, запрограммировано у X-a.

2.2. Сочетаемость со словами типа *болезнь; страсть*

Конструкции со словом *есть*, как правило, не употребляются со словами, обозначающими болезни. Например: *Напрасно вы думаете, что вы здоровы. У вас нервное расстройство (катар верхних дыхательных путей, диабет и т.д.), а не: * У вас есть нервное расстройство.* Частично данный запрет на употребление может быть вызван тем, что болезни воспринимаются обычно как что-то протекающее во времени (см. об этом п. 5). Однако, по-видимому, определенную роль играет и то, что говорящий не исходит из пресуппозиции о запрограммированности у X-a множества болезней. В пользу того, что отсутствие данной предпосылки существенно и здесь для выбора модели, говорит следующее: если употребляется выражение *одно заболевание (два заболевания и т.д.)*, которое в явной форме подчеркивает принадлежность Y-a к множеству заболеваний, выбор конструкции со словом *есть* становится возможным. Например: *У него есть только одно серьезное заболевание. Это — невроз.*

⁸ В этих предложениях употребление слова *есть* необязательно (см. п. 4).

Высказывания со словами типа *улыбка, гримаса* не оформляются с помощью модели со словом *есть*, когда речь идет не о потенциальном наличии Y-а, а о его фактической реализации в данный момент времени (т.е. X улыбается, гримасничает и т.д.); в этом случае наличие одного Y-а исключает наличие других Y-в (нельзя иметь сразу две улыбки, гримасы). Вследствие этого можно сказать: *У него на лице улыбка*, а не: **У него на лице есть улыбка*. Однако эти слова могут употребляться в конструкции со словом *есть*, когда речь идет о потенциально существующем Y-е. При этом он рассматривается как один из членов множества. Например: *У меня есть улыбка одна: Так, движенье чуть видное губ* (Ахматова).

Модель со словом *есть*, как правило, не используется со словами *радость, горе, несчастье*, если их наличие связывается именно с данным моментом существования X-а. Например: *У меня радость. Приехал мой сын. У нас несчастье. Прорвало трубы*. Выбор модели "У X-а Y" также можно объяснить исследуемым признаком; хотя наличие какого-то количества радостей, печалей, горестей может рассматриваться как запрограммированное в жизни X-а, существование такого потенциального множества не относится именно к данному моменту в жизни X-а. Если, однако, Y в явной форме охарактеризован как один из ряда других Y-в, то употребление модели со словом *есть* возможно. Например: *У меня есть еще одна радость. Приехал мой сын*. Эта же модель может быть выбрана, если в качестве исходного пространства берется жизнь X-а. Например: *У меня в жизни есть только одна радость. Это — моя дочь*.

Попоставим теперь следующие предложения: 1) *Вскакивая с рундука на рассвете, она сразу вспомнила, что в мире — радость* (Бунин)⁹ (т.е., в данный момент времени мир наполнен радостью и только радостью, или, во всяком случае, не сообщается о том, что радость — это только одно из того, что есть в мире)¹⁰ и 2) *Она сразу вспомнила, что в мире есть радость* (т.е. необязательно сейчас, в данную минуту, и, возможно, наряду с чем-то другим, — горем и т.п.). Показательным для постулируемого признака является также то, что сочетания типа *любовь к, страсть к, пристрастие к* обычно употребляются в предложениях, построенных по моделям без слова *есть*. Например: *У него страсть к музыке, У него пристрастие к этому слову*. Y (*страсть, пристрастие*) исчерпывает отношение X-а к описываемому (музыке, слову), а не составляет одно из отношений. Ср.: *У него есть только одна страсть. Это страсть к музыке* (Y — одна из потенциально возможных страстей X-а)¹¹.

⁹ Пример взят из кн.: [Арутюнова 1976, 266].

¹⁰ В данном контексте возникает также дополнительная информация о "протекании" Y-а (см. п. 5.2).

¹¹ Предложения типа *У него есть страсть к музыке* иногда оцениваются как допустимые, хотя и менее употребительные. Такое восприятие объясняется тем, что словосочетание *к музыке* может интерпретироваться как определение (*страсть к музыке, страсть к живописи* и т.д.). Кроме того, иногда при этом акцентируется внимание на наличии Y-а.

2.3. Сочетаемость со словами типа лекция, занятие

Рассмотрим употребление слов *занятие, лекция, консультация, урок* в моделях со словом *есть* и без него. При описании ситуаций, непосредственно имеющих место в момент речи, модель "*У X-а есть Y*" не употребляется с данными словами (см. об этом п. 5). Напротив, если берется какой-то большой временной отрезок, в рамках которого могут иметь место наряду с данным Y-м и другие Y-и, появляется возможность употребить слово *есть*. Например: *У меня сегодня есть занятия по английскому языку*, т.е. занятия по английскому языку — это одно из тех занятий, которых имеет X в рамках временного отрезка "сегодня", или же — это одно из тех занятий по английскому языку, которые запрограммированы на месяц, семестр. Предложение *У меня сегодня занятия по английскому языку* также соответствует языковой норме: оно может быть выбрано, если в описываемый отрезок времени должно иметь место только одно занятие, а также в тех случаях, когда создаются особые условия речи, препятствующие ассоциации данного Y-а с другими Y-ми (см. п. 2.4 и 4). Далее, если предметом рассмотрения становится вся программа учебного института (вообще или в течение года, семестра), то обязательно должна быть выбрана конструкция со словом *есть*: *У нас в институте есть занятия по английскому языку*, а не: **У нас в институте занятия по английскому языку*. Роль представления о запланированности некоторого множества для выбора конструкции со словом *есть* можно также показать на следующем примере: если речь идет не об учебном институте, а о научно-исследовательском, обязательной составляющей жизни которого не являются те или иные лекции, связанные, например, с общими проблемами культуры, то обычно выбираются конструкции без слова *есть*: *У нас в институте бывают лекции по истории кино*. Фразу *У нас в институте есть лекции по истории кино* многие информанты находили неправильной (5 из 8), и все опрошенные отдавали предпочтение предложению с глаголом *бывать*¹². Отметим, что предложения с глаголом *бывать* несут информацию об эпизодичности, случайности лекций, занятий. Поэтому при передаче информации о регулярности лекций выбираются глаголы *устраиваться, проводиться*: *У нас в институте проводятся лекции по истории искусств*. Информация о случайности, эпизодичности в некоторых контекстах воспринимается прежде всего как антонимичная информация о регулярности, а в других контекстах — запланированности. Вследствие этого второго понимания глагол *бывать* регулярно сочетается с такими существительными, как *дождь, снег, разговор, происшествие*: *У нас бывают интересные разговоры?*

¹² Некоторые колебания в оценке могут быть объяснены тем, что если лекции проводятся регулярно, то они могут быть осмыслены как входящие в общую программу лекций института.

2.4. Различия в осмыслении объекта наличия (наличествующего объекта)

Разные предложения, сообщающие о наличии одного и того же Y-а, необязательно связывают этот Y с одним и тем же пространством. При этом в рамках одних видов пространства Y может характеризоваться как один из тех Y-в, которые имеет или может иметь X. Напротив, в рамках других видов пространств тот же Y может не рассматриваться как член запрограммированного у X-а множества. Вследствие этого выбор слова *есть* может зависеть от того, какому пространству приписывается наличие Y-а. Например: *Он неплохой человек, но у него есть мания величия* (Y — одно из свойств X-а) и *Он нездоров. У него мания величия* (Y — болезнь X-а). Ср. также: *У меня есть бабушка* и *Я не могу остаться после уроков. У меня бабушка* (нельзя сказать: **У меня есть бабушка*). Употребление слова *есть* в первом предложении можно объяснить тем, что считается запрограммированным какое-то множество родственников и сообщается о наличии Y-а среди действительных и потенциально возможных членов этого множества. Напротив, во втором предложении сообщается о наличии Y-а в рамках описываемого момента существования X-а, что и служит причиной сложившейся ситуации: невозможность для X-а сделать что-то, принять какое-то предложение и т.д. С отдельным моментом существования X-а не может связываться представление о запрограммированности потенциального множества родственников. Приведем еще некоторые примеры употребления конструкции "У X-а Y" при описании наличия Y-а в рассмотренном типе пространства: — *Я женился на ней из-за вас, с одной целью — быть ближе к вам. Да, я совершил преступление. Бежим — У меня дети* (Булгаков). *Что тридцать рублей, ваше превосходительство. У меня детишки...* (Там же); *Я не могу бежать. У меня чемодан* (Ср.: *У меня есть чемодан, а рюкзака нет*); *Зачем мне туда ехать? У меня дача; Я не могу с вами ехать. У меня дача.*

Заметим, что некоторые из приведенных предложений могут быть преобразованы во фразы со словом *есть*. Другие же такого преобразования не допускают. Возможность преобразования в предложения со словом *есть* допускается в тех случаях, когда Y в рамках описываемого момента существования X-а выступает в том же качестве, в каком он входит в число членов того множества, которое запрограммировано "быть" у X-а. В этом случае высказывание может быть переосмыслено как сообщение о наличии Y-а среди членов соответствующего множества. Так, существование детей среди родственников X-а само по себе связано с представлением о невозможности их оставить, о необходимости материальной поддержки. Вследствие этого предложение (*Я не могу с Вами бежать*). *У меня дети* может быть преобразовано в (*Я не могу бежать*.) *У меня есть дети* (хотя предложению, построенному по модели "У X-а Y", все-таки обычно отдается предпочтение в приведенных контекстах). Подобно этому наличие дачи среди элементов собственности приводит к отпадению необходимости ехать отдыхать в какое-то другое место. Вследствие

этого можно сказать: *Зачем мне куда-то ехать? У меня есть дача.* Напротив, наличие дачи как элемента собственности само по себе не может препятствовать X-у поехать куда-то, если X этого хочет. Вследствие этого в контексте *Я не могу ехать. У меня дача* дача выступает в какой-то особой функции, не просто как элемент собственности, а как то, что требует в описываемый момент времени присутствия, вклада сил, труда. Такая характеристика Y-а препятствует употреблению в данном контексте модели "*У X-а есть Y*": *Я не могу ехать. У меня есть дача.* Особая характеристика Y-а еще более очевидна в следующем контексте: *Я не могу остаться после уроков. У меня бабушка.* Очевидно, что существование бабушки среди родственников X-а само по себе не может служить причиной того, что X не может остаться после уроков. Вследствие этого в описываемую ситуацию Y входит в каком-то особом качестве, а именно: как тот, о ком нужно заботиться, или, напротив, как тот, кто контролирует поведение X-а. См. также: *Я не могу бежать. У меня есть чемодан:* чемодан здесь не может характеризоваться как элемент собственности, а только как то, что нельзя бросить, нужно нести.

Итак, рассмотренные разнообразные условия употребления и неупотребления модели "*У X-а есть Y*" показывают, что ее выбор зависит, как правило (о некоторых исключениях см. п. 2.5), от того, может ли быть введена пресуппозиция о запрограммированности у X-а некоторого множества, членом которого и является тот Y, о наличии которого сообщается. Таким образом, можно утверждать, что данная модель сообщает не просто о наличии Y-а у X-а, а о наличии Y-а в рамках множества, которое запрограммировано быть у X-а, и, следовательно, Y здесь характеризуется как один из членов множества, которое имеет или может иметь X.

2.5. Выбор *есть* при описании физического пространства

Модель "*У X-а есть Y*" теряет информацию о вхождении Y-а в запрограммированное множество Y-в, если акцентируется внимание на наличии Y-а, т.е. если предложение строится как возражение против предположения о том, что Y не существует или, возможно, не существует, или же как напоминание о существовании Y-а. Например: *У него все-таки есть опухоль; У нее есть небольшое нагноение.*

Модель "*У X-а есть Y*" не несет также информации о том, что Y — член множества, которое запрограммировано быть у X-а, если Y выражен местоимениями *кто, что, кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь*. Например: *У вас есть с кем оставить детей? По-моему, у них кто-то есть* (т.е., например, есть какой-то человек, который помогает им по хозяйству).

Рассмотрим теперь те условия, которые необходимы для выбора конструкций со словом *есть* при описании наличия Y-а в физическом пространстве (комнате, саду и т.д.). Выше отмечалось, что в само понимание пространства входит представление о том, что оно больше того Y-а, который в нем находится. Это требование практически не ограничивает употребления модели, если описываются пространства-

множества, пространства духовного мира, пространства ситуации, т.е. те пространства, границы которых могут почти бесконечно расширяться. Так, например, можно сказать: *У меня есть дом, сад и большое количество денег* (пространство элементов собственности X-а может иметь потенциально неограниченное число членов и поэтому может быть представлено как такое, которое больше любого Y-а. Ср. также: *У него есть родина* (Y входит в число преимуществ, "богатств" X-а).

Напротив, если пространство имеет ограниченные размеры, то рассматриваемая характеристика пространства влияет существенно на употребление модели со словом *есть*. Например: *Тут у вас болотце есть, возле осинового роци* (Тургенев); *Перед домом есть пруд* (пространство "перед домом" больше Y-а), но нельзя сказать: **Прямо против двери есть пруд* (Ср.: *Прямо против двери пруд*); **Напротив моего дома есть колокольня* (Ср.: *Напротив моего дома колокольня*; *Напротив моего дома стоит колокольня*; ср. также: *Недалеко от моего дома есть колокольня*). См. также: *Напротив же как раз человека с ведром — дверь. Войдите и подымайтесь по деревянной лестнице. Потом еще дверь. Войдите. Там увидите чернѣй бюст Островского. А напротив беленькие колонны и черная-пречерная печка, возле которой сидит на корточках человек в валенках и топит ее* (Булгаков). Ср.: *В стене есть дверь. Войдите и подымайтесь по деревянной лестнице. Напротив бюста есть небольшое углубление*. Таким образом, если денотат локатива меньше Y-а, он рассматривается не как пространство нахождения Y-а, а как ориентир, по отношению к которому устанавливается местоположение Y-а (*Напротив моего дома колокольня*)¹³. Подчеркнем, что в зависимости от контекста функция одних и тех же предложных выражений может меняться. Ср.: *Напротив моего дома колокольня* и *Напротив моего дома есть маленькая беседка*.

Наряду с общим требованием о том, что пространство должно быть больше объекта, находящегося в нем, употребление конструкции со словом *есть* зависит еще и от следующего условия: она может быть выбрана только в тех случаях, когда Y как бы "закреплен" за некоторым пространством, т.е. положение Y-а в пространстве обычно не меняется и/или описываемое пространство является местом хранения Y-а, местом его жизни. Так, можно сказать: *Перед домом есть скамья (колодец, беседка и т.п.)*, *В гараже есть машины*, но: **Перед домом есть машина (тачка, девочка и т.д.)*. Ср. напротив: *Перед домом — девочка*, *Перед домом стоит девочка*; *Перед домом (стоит) машина*¹⁴. Исключение: конструкция со словом *есть* всегда выбирается с неопределенными местоимениями. Например: *У вас дома*

¹³ О значении "пространственной отнесенности двух предметов" см., например: [Золотова 1973, 43].

¹⁴ Это условие не является обязательным, если на пространственные связи наслаиваются отношения собственности. Так, можно сказать: *У меня в руке есть конфета*, несмотря на то, что конфета не может рассматриваться как постоянное местонахождение Y-а, место его хранения.

кто-нибудь есть?; В доме кто-то есть; И не думая, и не замечая того, есть кто в комнате или нет, он обнял ее (Толстой)¹⁵.

Существует некоторое сходство между признаком "закрепленности" Y -а за некоторым пространством и рассмотренной выше информацией о запрограммированности того множества, в которое входит Y : и в том, и в другом случае связь между Y -м и пространством имеет более глубокие основания, чем просто нахождение Y -а в данном пространстве в данный момент времени. Можно также утверждать, что модель со словом *есть* при описании нахождения в физическом пространстве, так же как и в проанализированных выше посессивных предложениях, вносит в большинстве случаев информацию о том, что наличие Y -а не исключает возможности наличия и не Y -в. В рассматриваемых условиях, в которых границы пространства относительно четко заданы, указанная информация является, скорее, следствием представления о том, что Y меньше того пространства, в котором он находится: следовательно, другая часть пространства может быть занята другим объектом. Таким образом, обе информации здесь сливаются.

3. КВАНТОРНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Рассмотрим теперь вопрос о том, при каких условиях конструкции со словом *есть* несут информацию о том, что количество A Y -в меньше общего количества Y -в, которые имеются в описываемом пространстве.

В своей работе 1973 года мы не рассматривали этот вопрос. Однако первое условие непосредственно вытекает из предложенной формулировки данного значения (или, скорее, варианта значения) конструкции со словом *есть*: описываемое пространство должно представлять собой множество элементов или, по крайней мере, включать в себя множество, если пространство сложное (т.е. если оно складывается из нескольких видов пространств). Об этом условии в эксплицитной форме пишет и Н.Д. Арутюнова, которая описывает данное значение (вариант значения) в терминах неопределенности субъекта суждения. Она отмечает, что рассматриваемое значение реализуется, когда "область бытия представлена множеством предметов" (1976, 277). Рассмотрим другие необходимые условия.

Условие второе: Y также должен представлять собой множество и, соответственно, быть выражен именем во мн. числе.

Условие третье: предложение должно строиться на пресуппо-

---

¹⁵ Пример взят из кн.: [Еврѣинов 1973]. По мнению Евреинова, выбор слова *есть* определяется в этом предложении антитезой *есть/нет*. Он полагает, что в утвердительных локативных (в его терминологии) предложениях слово *есть*, как правило, не употребляется, если эти предложения не составляют промежуточные случаи между локативным и диспозиционным типами. В работе понятие диспозиционного типа в явной форме не определено. Судя по приведенным примерам, сюда относятся случаи, когда пространство является местом хранения Y -а, местом, где Y должен находиться (*На складе есть товары*). Таким образом, выделение диспозиционного типа строится на признаке, который, вероятно, близок к рассмотренному здесь признаку "закрепленности Y -а за описываемым пространством".

зиции о наличии у X-а такого множества, позиции которого заполнены элементами (это условие взаимозаменяемо с шестым).

Условие четвертое: множество должно восприниматься как контрарное¹⁶: его члены должны различаться только по одному свойству: А — анти-А (свойство, противоположное А) — $\tilde{A}$ (промежуточное звено, т.е. не А и не анти-А). Наличие промежуточного звена, однако, необязательно. Например: *У меня есть седые волосы* (противопоставляются седые и неседые волосы). Такая организация множества и делает его более тесно связанным, что способствует более явному, по сравнению с другими случаями, вовлечению в поле рассмотрения и тех членов множества, которые не имеют свойства А. Вследствие этого рассматриваемый вариант значения модели "У X-а есть У" обычно (хотя есть некоторые исключения, см. о них ниже) реализуется, когда позицию после слова *есть* занимает именная группа, состоящая из существительного с определением, причем все элементы множества относятся к области денотации данного существительного. Например: *У нас в отделе есть хорошие биохимики* (все члены совокупности относятся к классу биохимиков, и в рамках этого множества выделяются хорошие). Подчеркнем, что наличие именной группы с определением само по себе не означает, что реализуется рассматриваемый вариант значения. Например, предложение *У нее есть золотые кольца* не показывает, что у X-а есть и незолотые кольца: пресуппозицию этого высказывания составляет не заданность колец, а заданность какого-то множества элементов собственности. Это множество не построено по принципу контрарности.

Пятое условие носит прагматический характер: говорящих должен интересовать не только факт наличия А У-в, но и их соотношение с множеством в целом. Необходимость этого условия можно проиллюстрировать следующим примером: предложение *В этом магазине есть пальто большого размера* не несет информацию о том, что АУ-и составляют лишь меньшую часть У-в, хотя можно представить себе ситуацию, в которой предполагалась бы заполненность позиций множества "пальто" и допускалась бы противопоставленность только по признаку — большой — средний — маленький размер (например, речь могла бы идти о специализированном магазине, где продается только пальто). Отсутствие информации о том, что пальто большого размера составляют лишь меньшую часть от всех пальто, можно объяснить тем обстоятельством, что в большинстве условий речи при описании подобных денотативных ситуаций коммуникативную значимость имеет только сообщение о наличии АУ-в (для говорящих несущественно наличие пальто других размеров).

См. также: *В ее библиотеке есть интересные книги* (само слово *библиотека* предполагает наличие у X-а книг, существенно также, что не все книги интересные); *Здесь есть хорошенькие, а молодому человеку стыдно не танцевать* (Тургенев). (Наличие в городе женщин предполагается заранее известным, причем хорошенькие рассматри-

¹⁶ О контрарных отношениях см.: [Новиков 1973].

ваются в соотношении с другими.) См. также: *Есть минуты, когда не тревожит Роковая нас жизни гроза* (Блок).

Ср., напротив: *У меня есть интересные книги. Приходите ко мне вечером. Вместе почитаем* (наличие у X-а книг не предполагается заранее известным; АУ-и рассматриваются здесь скорее как члены множества элементов собственности, а не книг и не противопоставляются неинтересным книгам; цель речи вообще не заключается в том, чтобы сообщить нечто о всем множестве книг X-а).

Количественно-экзистенциальное значение реализуется и при отсутствии третьего условия, если Y выражен такими словами, как *способности, слабости, достоинства, недостатки* (шестое условие). Например: *Она любила Анну, но ей приятно было видеть, что и у нее есть слабости* (Толстой).

Здесь сообщается о наличии слабостей и предполагается, что их немного или скорее всего немного; см. также: *У нее есть достоинства*¹⁷.

Если удовлетворяется третье условие, то модель "У X-а есть Y" противопоставлена по кванторной характеристике модели "У X-а АУ", которая показывает, что все, или скорее всего, все Y-и, принадлежащие X-у, имеют свойство А. Ср. например: *У нее есть седые волосы* (меньшая часть волос седая) и *У нее седые волосы* (все или, скорее всего, все волосы седые)¹⁸; *У меня есть хорошие студенты* (т.е. не все студенты автора речи хорошие) и *У меня хорошие студенты* (т.е., скорее всего, все студенты автора речи хорошие); *У нее есть интересные книги* (т.е. некоторые из имеющихся книг интересные) и *У нее интересные книги* (т.е., скорее всего, все книги интересные); *У него в отделе есть хорошие биохимики* и *У него в отделе хорошие биохимики*. См. также другие конструкции: *Здесь есть прехорошенькие женщины* и *Здесь женщины прехорошенькие*.

Напротив, при словах *недостатки, достоинства* и т.д. (шестое условие) модель "У X-а есть Y" часто противопоставлена модели "Y V". Ср.: *У нее есть недостатки, но она неплохой человек; У нее есть способности, но способным человеком в целом ее не назовешь*¹⁹. Модель "У X-а Y" с этими словами употребляется лишь при особых условиях, не связанных с кванторным противопоставлением. Так, эта модель выбирается, если наличие недостатков, достоинств и т.д. известно и цель речи заключается в том, чтобы сообщить об их количестве (*У него много достоинств*) или качестве (*У него много разных достоинств*) (п. 1.1). Далее, эта модель может употребляться, если Y будет осмыслен говорящим как составляющий особое преимуще-

¹⁷ При ударе на слове *есть* данные предложения могут просто подчеркивать наличие Y-а. В этом случае представление об обязательном наличии и анти-Y-а необязательно. (Здесь не выполняется пятое из отмеченных условий.)

¹⁸ Это предложение не несет рассматриваемую информацию, если оно употреблено в контексте, предполагающем непосредственное обнаружение АУ-а: *Ой, посмотри! У него седые волосы* (количество АУ-в может быть равно количеству Y-в, а может быть меньше).

¹⁹ Противопоставления типа *У нее есть недостатки/Она дурной человек* не являются, конечно, в собственном смысле кванторными. Здесь можно говорить только об известном сходстве между ними.

шество X_1 по сравнению с X_2 или если Y_1 , принадлежащий X_1 , и Y_2 , принадлежащий X_2 , дополняют друг друга в описываемой ситуации: *У него способности, а у вас что; У него способности, у меня деньги* (п. 4). Модель "*У X-a Y*" при рассматриваемых словах оказывается противопоставленной модели "*У X-a есть Y*" по признаку 'все — не все' лишь при введении выражения *только одни (только): У него только одни достоинства, а недостатков нет*. Такое употребление возможно, если Y противопоставлен анти- Y -у, а не отсутствию Y -а. Так, нельзя сказать: **У него только одни способности*.

Еще один случай противопоставления моделей с *есть* по кванторному признаку непространственным моделям представлен такими предложениями, как *Есть люди, которые не любят правду — Люди не любят правду* (нет указания, что не все).

То значение, которое приобретают модели со словом *есть* в рассматриваемых условиях, логически связано с общим экзистенциальным значением. Нахождение чего-то в некотором пространстве по определению предполагает, что это "что-то" меньше того пространства, в которое оно входит. Поэтому сообщение о наличии Y -в в контрарном множестве предполагает, что есть и анти- Y -и — и/или $\tilde{A}Y$ -и. Однако это значение не полностью обусловлено общим понятием экзистенциальности, поскольку оно не предопределяет, какой именно вид пространства будет учитываться. Ср. модель "*У X-a Y*", где в качестве пространства выступает общее "поле" посессивности.

Следует подчеркнуть, что предложения со словом *есть*, вносящие информацию "не все", имеют иную семантическую структуру по сравнению с высказываниями, включающими местоимения типа *некоторые*. Ср.: *Некоторые из моих студентов способные* и *Среди моих студентов есть способные*. Их различие прежде всего определяется иной коммуникативной структурой [Селиверстова 1988, 49—50].

Таким образом, информация моделей со словом *есть*, реализуемая в рассматриваемых условиях, представляет собой вариант общего значения, который складывается из следующих компонентов: 1) информация о наличии $A\tilde{Y}$ -в в некотором пространстве; 2) которое представляет собой или включает в себя множество, состоящее из $A\tilde{Y}$ -в, анти- $A\tilde{Y}$ -в и/или $\tilde{A}Y$ -в (промежуточное звено). Из соединения этих компонентов следует, что $A\tilde{Y}$ -и составляют лишь часть от других Y -в.

Проанализированный вариант значения интересен в рамках рассмотрения различных типов построения значения. Он может служить примером такой организации семантической информации, при которой импликационный элемент (т.е. элемент значения, вытекающий из других компонентов значения) может приобретать большую значимость, играя иногда определяющую роль в восприятии общей информации и, частично или полностью, предопределяя соотношения данной языковой единицы с другими.

4. КОНТРАСТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МОДЕЛИ "У X-a Y"

Существует еще одно условие, кроме рассмотренного в п. 2, при котором выбор модели "У X-a Y" не обусловлен пресуппозицией о наличии неидентифицированного Y-а. Данная модель используется, если говорящий акцентирует внимание не на наличии "бытующего объекта" (термин Н.Д. Арутюновой), а на его отнесенности именно к данному классу, а не к некому другому²⁰ (это признается важным, существенным). Противопоставление при этом строится либо по типу "AY, а не анти-AY", либо по типу "именно Y, а не $\bar{Y}$ ". Информация "именно Y, а не $\bar{Y}$ " при соответствующей интонации может возникать при различных лексических наполнениях модели "У X-a Y", но при некоторых словах она определяет сам выбор этой модели. К ним относятся существительные *талант, способности*. Информация "AY, а не анти-AY" реализуется при употреблении существительного с определением.

Например: *Кот — неврастеник, я согласен! — крикнул я. Но у него правильное чутье, и он прекрасно понимает сцену. Он услышал фальшь* (Булгаков). В предложении, построенном по модели "У X-a Y", акцентируется внимание на том, что у X-а правильное, а не неправильное чутье. Ср., напротив: *У него есть правильное чутье*. Здесь подчеркивается наличие правильного чутья в отличие от его отсутствия. Ср. также: *У него только одно заболевание. Это невроз* (т.е. одно заболевание, а не больше) и *У него есть только одно заболевание. Это невроз* (т.е. не думайте, что заболевания нет, но оно только одно); *У меня только одна радость в жизни* (т.е. не больше одной) и *У меня есть только одна радость в жизни* (т.е. одна все-таки есть); *У нас точные данные, что они знали все это* (т.е. именно проверенные сведения, а не, например, слухи) и *У нас есть точные данные, что они знали все это* (наличие в отличие от отсутствия).

Иногда описываемая ситуация такова, что о ней с равной вероятностью можно передать и информацию о наличии Y-а (в отличие от его отсутствия), и информацию о том, что Y относится именно к данному классу, а не к другому. В этом случае высказывание не приобретает экспрессивный характер, какая бы из моделей ни была выбрана. Иногда, однако, характер контекста и денотативной ситуации делает выбор одной из них предпочтительным. Употребление в этом случае противоположной модели имеет экспрессивную значимость. Например, в приведенном выше предположении *У него (кота) правильное чутье* выбор модели "У X-a Y" может диктоваться не только желанием подчеркнуть, что у кота именно правильное чутье на фальшь в игре, но и тем, что данный Y не рассматривается как член запрограммированного у X-а множества. Поэтому употребление модели без слова *есть* здесь наиболее вероятно. Напротив, выбор модели со словом

²⁰ Н.Д. Арутюнова пишет, что модели без *есть* акцентируют внимание на разряде, типе, свойствах "бытующего предмета" [1976, 277]. Х.Ч. Панде [1982] также подчеркивает, что эти модели показывают, что Y относится именно к данному классу, а не к какому-то другому.

есть возможен лишь при особом ударе на этом слове, т.е. если говорящий в явной или неявной форме возражает против предположения об отсутствии АУ-а: *У него ёсть правильное чутьё*²¹. В отличие от приведенного примера в предложениях, указывающих на цель наличия У-а, обычно вообще выбираются только модели со словом *есть*. Например: *В этой машине есть специальное устройство для того, чтобы регулировать число оборотов*, а не: *В этой машине специальное устройство для того, чтобы регулировать число оборотов*. В других случаях обе интерпретации равновероятны. Например: *У всякого большого человека есть свои фантазии*, — примирительно сказал Бомбардов (Булгаков). Это предложение не экспрессивно: здесь просто сообщается о наличии АУ-а (т.е. своих фантазий) у каждого Х-а, причем наличие АУ-а не исключает наличие и $\bar{A}U$ -а (т.е. каких-то общих для всех Х-ов фантазий). Наряду с этим, можно сказать: *У всякого большого человека свои фантазии* (акцентируется внимание не на наличии, а на том, что У-и у разных Х-ов не совпадают, т.е., что у одних великих людей одни фантазии, у других другие). И первое, и второе предложение может получить экспрессивный характер, но необязательно его имеет.

Рассмотрим также употребление слов типа *талант, способности* в описываемых моделях. Ср., например: *Поймите же, что у нее талант* (т.е. это не что-то другое, а именно талант) — *Поймите же, что у нее есть талант* (т.е. не думайте, что таланта нет); *У него талант. Как я могу его не взять в труппу* — *У него есть талант. Его следует взять в труппу*.

Постановка в центре внимания информации не о наличии У-а у Х-а, а о том, к какому классу относится У, может иметь место, потому что важно, что У, который есть у Х-а, не тождествен по своим качествам У-у, который имеет Z. Различие У-а и У'-а существенно либо потому, что и У, и У' необходимы для той общей ситуации, в которой участвуют Х и Z, либо, напротив, потому, что необходим, нужен только У, а не У' (или наоборот только У', а не У). Например: *У нее талант, а у вас что?* (т.е. то, что имеет Z, не может конкурировать с тем, что имеет Х); *Надо, чтобы жена принесла свое, а муж — свое. У меня служба — у нее связи и маленькие средства* (Толстой), т.е. существенно, чтобы вклад мужа и жены в общую жизнь был различен. Ср., напротив: *У нее есть талант, а у меня есть деньги* (акцентируется внимание не на различии У и У', а на том, что они есть; У и У' интерпретируются как способные выполнять одну и ту же функциональную роль: например, приносить удовольствие, удовлетворение и т.п., участвовать "на равных" в некоторой ситуации).

---

²¹ Заметим, что при определении *хорошее* слово *есть* вообще нельзя добавить: *У моего кота хорошее чутьё*, а не *У моего кота есть хорошее чутьё*. Это можно объяснить изменением денотативной отнесенности слова *чутьё*, которое здесь обозначает способность распознавать запахи. Наличие такого чутья обычно предполагается у животных. Следовательно, речь может строиться только как сообщение о том, какой именно АУ у Х-а (наличие какого-то У-а — плохого или хорошего — предполагается).

В художественной литературе выбор между моделями со словом *есть* и с нулевой формой глагола *быть* часто диктуется одновременно несколькими причинами, которые связаны с рассмотренными компонентами значения этих моделей, а также — иногда — с общей ритмической структурой текста. Возьмем в качестве иллюстрации два примера из М. Булгакова: 1) *Я вижу, что совершилась какая-то беда из-за того, что я говорил с этим юношей из Кириафа. У меня, Игемон, есть предчувствие, что с ним случится несчастье, и мне его очень жаль; 2) И тем не менее его зарежут сегодня — упрямо повторил Пилат, — у меня предчувствие, говорю я вам! Не было случая, чтобы оно меня обмануло...* Выбор модели со словом *есть* в речи Иешуа более соответствует общей ее ритмической структуре: замедленной, плавной, нерезкой. Напротив, в более отрывистой речи Пилата предпочтение естественно отдается более краткой форме. Кроме того, речь Иешуа в большей степени отражает результат размышления, раздумья. При таком характере сообщения более типично ставить данный Y в ряд с другими Y-ми (если, конечно, Y принадлежит какому-то множеству). Напротив, в условиях более непосредственной речи, к которой можно отнести слова Пилата, имеется большая вероятность рассмотрения Y-а вне его отнесенности к множеству однородных с ним элементов (ср. п. 1.2). Кроме того, для Пилата важно указать не только на наличие Y-а, но прежде подчеркнуть, что Y относится именно к данному классу, т.е. именно к предчувствиям, а не к какому-то другому, вследствие особой значимости, которая придается принадлежности к этому классу.

5. ПРИЗНАК "ПРОТЕКАНИЕ/НАЛИЧИЕ"

В гл. I (п. 3) уже рассматривался вопрос о месте пространственных предикатов в рамках "горизонтальной" классификации предикатов, т.е. в делении предикатов на действия, процессы, состояния, свойства, классы (действий, процессов). Мы попытались показать, что ядро пространственных предикатов, которое составляют глаголы *быть* и *иметь*, образует особый тип и в рамках указанной классификации. Тем не менее пространственные предикаты могут различаться по семантическому содержанию ряда грамматических признаков. Так, пространственные предикаты могут получать разные характеристики по признаку фазовости/нефазовости. Предикаты со словом *есть* могут сообщать о наличии только предметного Y-а. Данное значение вообще считается наиболее характерным для экзистенциальных моделей [Арутюнова 1976, 230]. При этом они не представляют связь между предметом и пространством как непрерывно длящуюся во времени, но могут указывать на акты реализации данной связи. В отличие от них модели без слова *есть*, сообщая о наличии предметного Y-а могут характеризовать саму связь между объектом и пространством как имеющую самостоятельную временную отнесенность и описывать ее как непрерывно длящуюся во времени. Это сближает данные

модели с фазовыми предикатами. Кроме того, они могут сообщать о наличии события, представленного не предметно, а как протекающего в описываемый момент времени²².

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие сделанные утверждения.

5.1. Употребление анализируемых моделей с несобытийными существительными

Модели без слова *есть* могут, как было отмечено, характеризовать связь между объектом и пространством как непрерывно длящуюся, если речь идет о нахождении в "физическом" пространстве. Например: *Весь день Маша была с ним; Весь вечер я дома; Я здесь уже три часа.*

Выражения типа *уже три года* могут употребляться в моделях без слова *есть* также в тех случаях, когда речь идет об отношении собственности. Например: *У него дача уже три года.* Такое употребление обычно имеет место в контекстах, в которых информация о наличии Y-а у X-а относится к пресуппозиции, и коммуникативный центр предложения составляет только сообщение о времени²³. Однако указание на протяженность во времени может иногда сочетаться и с информацией о наличии Y-а. Например, можно сказать: *Он материально вполне обеспечен. Уже три года у него собственная дача, а недавно он купил машину.* В отличие от этого, предложения со словом *есть* почти никогда не сочетаются с временными выражениями, которые указывают на протяженность описываемой ситуации во времени. Так, добавление слова *есть* в предложение *Уже три года у него есть собственная дача, а недавно он купил машину* делает это предложение не вполне естественным. Все опрошенные (10 чел.) отдавали предпочтение оформлению приведенного высказывания без слова *есть*. Однако предложение со словом *есть* не воспринималось как совершенно неправильное. Почти все опрошенные оценивали его в три балла в рамках пятибалльной системы. Такая оценка объясняется тем, что при добавлении выражения *уже три года* предложение может быть воспринято как сообщающее не только о наличии Y-а у X-а, но и о каких-то действиях, событиях, в которых реализуется или должно реализоваться наличие Y-а у X-а. В пользу сделанного утверждения говорит то, что рассматриваемые временные выражения наиболее естественно вхо-

²² Н.Д. Арутюнова отметила, что бытийные предикаты, наряду с информацией о наличии предмета, что наиболее для них характерно, могут указывать на осуществленность события [Арутюнова 1976, 231]. Сделанное наблюдение мы предлагаем дополнить только в следующем отношении: предложения типа *В лесу тишина* чаще сообщают не об осуществленности события, т.е. собственно факте наличия события, а о его протекании в описываемый момент времени.

²³ Такие предложения скорее акцентируют внимание не на непосредственном протекании описываемой ситуации во времени, а дают некоторую суммарную характеристику. Иными словами, выражение *уже три года* имеет здесь в качестве своего денотата, по-видимому, не единый временной отрезок, а некоторую сумму временных отрезков, которые не расположены линейно в соответствии с последовательностью их появления. Различие между этими двумя способами описания набора временных точек вообще очень существенно для языка (гл. I, п. 2).

дят в модель со словом *есть*, когда наличие Y-а у X-а связано в большей степени не с внутренними отношениями между X-м и Y-м, а с проявлениями этих отношений в поступках, поведении. Так, все опрошенные (10 человек) оценивали в пять баллов предложение (*Он работает не один*). Уже пять лет у него есть помощник: наличие помощника должно проявляться в актах оказания помощи. Напротив, фраза (*Он живет не один*).²⁴ Уже три года у него есть жена воспринималась как странная, смешная (средний балл три): существование жены не рассматривается обычно как проявляющееся в действиях, поступках²⁴. Правильность фразы *Уже три года у него есть дача* оценивается по-разному в зависимости от контекста. В контекстах, в которых наличие дачи может быть интерпретировано как связанное с изменением образа жизни, с осуществлением или возможностью осуществления определенных поступков, эта фраза оценивается в пять баллов. Например: *Уже три года у них есть собственная дача, а они туда совсем не ездят*. Все информанты (10 чел.) оценили предложение в 5 баллов.

Сходное употребление могут получать предикаты со значением "активного" свойства. Они могут не только приписывать X-у некоторое свойство, но и сообщать об актах реализации этого свойства. Так, наряду с предложениями *Он добр*, *Он добрый*, сообщающими о свойстве X-а, могут быть построены такие фразы, как *Он был добр к нам*, указывающие на акты проявления доброты. При реализации этого последнего значения предикат может сочетаться с выражением типа *весь год*. Например: *Весь год он был очень добр к нам*.

5.2. Употребление анализируемых моделей с событийными существительными

Остановимся теперь на сочетаемости моделей со словом *есть* и без него с событийными существительными, а также с такими существительными, как *зима*, *лето* и т.п. Денотаты этих существительных или, точнее, протоденотаты — если воспользоваться термином Ю.К. Леконцева [1973], т.е. ситуации, еще не интерпретированные тем или иным способом в результате обозначения их языковым знаком или знаками, — могут быть описаны и в момент их непосредственного протекания (в этом случае протоситуация представлена как состоящая из фаз, распределенных по временному отрезку) и опредмеченно, т.е. как целостность. Именно так характеризуются денотаты событийных существительных при их употреблении в конструкции со словом *есть*. Например: *В нашем институте есть занятия по английскому языку* (т.е. среди тех занятий, которые включены в программу, есть и заня-

²⁴В соответствии со всеми остальными признаками здесь требуется употребление именно модели со словом *есть*: информация о наличии Y-а, информация о вхождении Y-а в множество (Y входит в класс родственников), нет контекстных предпосылок для того, чтобы акцентировать внимание не на наличии Y-а (в отличие от его отсутствия), а на том, что Y относится именно к данному классу, а не к какому-то другому. Вследствие этого выбор модели без слова *есть* здесь также не соответствует норме: *Он живет не один*.²⁴ *Уже три года у него жена*. Ср. правильное: *Уже три года, как он женат*.

тия по английскому языку). Модели со словом *есть* при событийных существительных не могут употребляться при добавлении наречий *редко, часто*, которые акцентируют внимание на реализации событий: *У нас редко бывают (проводятся) занятия по истории, а не *У нас редко есть занятия по истории*. При описании протекания события в описываемый момент времени выбираются модели с нулевой связкой. Например, можно сказать: *Сюда нельзя. У нас сейчас урок; У меня тоска; У меня тошнота*. В подобных предложениях нельзя добавить слово *есть*. Частично данный запрет на употребление можно объяснить тем обстоятельством, что в рассматриваемых условиях наличие данного Y-а в описываемый момент часто исключает возможность наличия и какого-либо другого Y-а. Так, если в описываемый момент времени X имеет урок истории, то он не может в этот же момент иметь и еще какой-то урок. Однако даже если берется ситуация, в рамках которой, наряду с данным Y-м, имеют место в описываемый момент времени и другие Y-и, конструкция со словом *есть* не употребляется. Так, перечисляя занятия, которые идут в момент речи, или указывая на одно из них, говорящий должен сказать: *Сейчас идут занятия по химии, физике*, а не: **Сейчас есть занятия по химии, физике*. См. также: *Сейчас как раз идет одно из занятий по английскому языку*, а не: **Сейчас как раз есть одно из занятий по английскому языку*. Таким образом, модель со словом *есть* не употребляется, если сообщается о наличии—протекании Y-а.

Вследствие того, что конструкции со словом *есть* не могут передавать информацию о том, что Y длится, протекает во времени, эти конструкции при употреблении в них событийных существительных, как правило, не показывают, что Y имеет место в момент речи. Иногда, однако, конструкция со словом *есть* может относиться к событиям, ситуациям в момент их протекания. Так, можно сказать: *А у вас есть дождь?*²⁵, *А у вас есть жар?*²⁶. Нормативность таких предложений, как нам представляется, определяется не тем, что конструкции со словом *есть* в некоторых условиях могут терять выделенный компонент значения и сообщать о протекании описываемого явления, события, а возможностью в определенных условиях пренебречь протяженностью денотата существительного во времени и считать, что в момент речи он представлен не одной из своих фраз, а как целое. В пользу такой интерпретации говорит то, что подобное употребление возможно только в разговорной, диалогической речи, когда говорящему важно установить сам факт наличия Y-а. В описательном стиле речи используются только конструкции без слова *есть*. Например: *У нас дождь. Я затопила печку, сижу в угловой комнате и пишу тебе письмо* (все опрошенные — 10 чел. — считали недопустимым добавление здесь слова *есть*).

²⁵ Возможность такого употребления была отмечена Н.Д. Арутюновой [1976, 261].

²⁶ Денотат слова *жар* необязательно воспринимается как длящийся во времени. Поэтому даже в описательном стиле речи можно сказать: *Я сижу у постели больного. У него есть жар. Он бредит*. Однако предпочтение все-таки отдается фразе без слова *есть*: *У него жар* (было опрошено 10 чел.). Огущение слова *есть* в этом контексте способствует восприятию денотата существительного как длящегося во времени.

В некоторых контекстах информация о протекании Y -а выступает очень четко и играет определяющую роль в выборе конструкции без слова *есть* (*У нас урок; У меня головокружение; У меня тоска*). Иногда, однако, информация о протекании лишь добавляется к другим признакам, привнося еще одну характеристику денотативной ситуации (п. 1.2.2.).

Итак, выделяется еще одно различие между конструкциями со словом *есть* и без этого слова. Это различие реализуется при употреблении в данных моделях событийных существительных, а также вообще существительных, протоденотаты которых делятся во времени. Конструкция со словом *есть* сообщает о наличии денотата существительного в рамках описываемого пространства, а конструкция без этого слова — о том, что он длится, протекает в описываемый момент времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гл. III было показано, что выбор между моделями со словом *есть* и с нулевой связкой определяется четырьмя основными признаками:

1) сообщается ли о пространственном соотношении между предметами, ни один из которых не рассматривается в качестве пространства нахождения другого, или, напротив, один из предметов наделяется данной функцией;

2) передается ли информация о наличии Y -а или о качественной идентификации Y -а (наличие Y -а заранее известно или, во всяком случае, внимание акцентируется не на наличии, в отличие от отсутствия Y -а, а на том, что Y относится именно к данному классу, а не какому-то другому);

3₁) характеризуется ли Y как один из членов такого множества, наличие которого предполагается запрограммированным, или нет;

3₂) характеризуется ли связь Y -а с пространством как постоянная, устойчивая или нет (этот признак можно рассматривать как замену признака 3₁) при описании чисто физического пространства;

4) сообщается ли о наличии Y -а (Y при этом воспринимается предметно) в рамках описываемого пространства или о протекании Y -а.

Модели со словом *есть*, как правило, используются для передачи информации о наличии Y -а в описываемом пространстве, а не о качественной идентификации. Было отмечено только одно нарушение этой закономерности (см. п. 1.1.1.). Кроме того, эти модели сообщают именно о наличии Y -а, который воспринимается предметно в широком смысле этого слова, а не о его протекании в описываемый момент времени. И наконец, в большинстве условий употребления информация о наличии соединяется в их значении с информацией о том, что Y характеризуется как один из членов такого множества, существование которого предполагается или запрограммировано. Если из общего контекста следует, что имеется не пустое множество Y -в, то информация о наличии данного Y -а или данных Y -в предполагает, что есть и другие Y -и, причем их, скорее всего, больше. Представление о заполненности позиций в множестве зависит не только от свойств денотативной

ситуации, но и от прагматических факторов, определяющих акцентирование внимания и на наличии Y-в, и на их соотношении с множеством в целом. Требуется также контрарное построение множества. При отсутствии этих условий модель с *есть* вносит информацию лишь о возможности наличия у X-а и других Y-в, кроме тех, о которых сообщается.

Модели со словом *есть* теряют признак З₁, если говорящий подчеркивает наличие Y-а, возражая против предположения об отсутствии Y-а.

При описании чисто физического пространства модели со словом *есть* передают информацию о постоянной, устойчивой связи Y-а с пространством его нахождения.

Конструкции с нулевой формой имеют более широкое значение. Они могут сообщать о наличии Y-а в пространстве, о пространственном соотношении между двумя предметами, о качественной идентификации Y-а, о наличии Y-а, мыслимого предметно, и о его протекании.

В гл. III также показано, что предложения типа *Ночь. Улица.* не относятся к экзистенциальным.

Глава IV

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТИ И ПОСЕССИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной главе будут рассмотрены конструкции с *there (to be)* и с глаголом *have*, которые для удобства дальнейшего изложения мы запишем в форме "*there is Y (Loc)*" и "*X has Y (Loc)*", где *Loc* обозначает локативный член предложения; введение скобок показывает, что его наличие необязательно¹. Будут также рассмотрены некоторые характеристики модели "*Y V (Loc)*" (более детально она будет анализироваться в гл. VI).

Главная цель данной главы — показать, что основные черты экзистенциальных и посессивных конструкций совпадают в русском и английском языках. Принципиально тождественным является место глаголов *be* и *have* и соответствующих русских глаголов в системе

---

¹Большую помощь при работе над материалом IV и V глав оказали автору англичане, любезно согласившиеся выступить в роли информантов. Особенно благодарим А. Кнэпп, Б. Манка, А. Пилкинтона, Р. Понда. Выражаем признательность Кафедре английского языка при курсах повышения квалификации МГУ, возглавляемой П.В. Царевым, на которой нам была предоставлена возможность работы с информантами. Автор глубоко благодарен А.Г. Елисеевой, оказавшей помощь при опросе информантов, при сборе материала и при его обсуждении.

Большинство опрошенных — преподаватели английского языка из Великобритании в возрасте от 28 до 35 лет. В разных видах опроса участвовало разное количество информантов. Число опрошенных отмечается в тексте.

языка. Они находятся на пересечении грамматики и лексики, что проявляется в ряде особенностей их функционирования.

Наряду со сходством отмечаются и некоторые черты различия между английскими и соответствующими русскими единицами. (Рассмотрение сходства и различия дополняется в дальнейшем в гл. VI.) На материале английского языка дается также более детальный анализ тех фрагментов языковых систем, связанных с признаками пространственности и посессивности, которые отдельно не анализировались на материале русского языка.

В гл. I были приведены основные аргументы в пользу пространственной интерпретации экзистенциальных и экзистенциально-посессивных моделей, к которым относятся конструкции с *there* и глаголом *have*. В гл. I был также дан общий обзор литературы, посвященный экзистенциальным и посессивным моделям. За пределами рассмотрения остались только многочисленные работы, связанные с трансформационным анализом конструкции с *there*. Эти работы будут проанализированы в гл. V. Поскольку для целей данной работы несущественно, являются ли предложения с *there* трансформами² или относятся к ядерным моделям, мы остановимся только на тех результатах данных работ, которые имеют непосредственное отношение к семантической интерпретации исследуемых моделей.

1. КОНСТРУКЦИЯ С THERE В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ³

Основным средством выражения значения экзистенциальности (Ex_2) в английском языке служит модель "there is Y". Ex_2 , так же как и в русском языке, включает информацию о наличии Y-а в самых разнообразных видах пространств. Например, если предложения типа *There is a book on the table* указывают на наличие Y-а в физическом пространстве, то фраза *And there is music in the sentences of the seventeen-year-old boy who had had only a grammar-school education* (Stone) сообщает о нахождении (наличии) Y-а (Y — музыка) в пространстве "фразы семнадцатилетнего мальчика". Ср. также: *There must be something in what you say, aunt Dahlia* (Wodehouse) 'В том, что вы говорите, что-то есть, тетя Далия'. Предложение *I believe there were some misunderstandings between them* (Brönte) несет информацию о наличии Y-а (Y — непонимание) в пространстве "отношения между описываемыми людьми". Фраза *There is some difficulty in interpreting a seemingly simple sentence like the following* (Kruisinga, *A handbook of present-day English*) сообщает о наличии Y-а (Y — трудность) в пространстве действия "интерпретация предложения". Ср. также: *There is as little truth in these accusations as there is in the heading of the chronicle article*

² В лингвистической литературе уже приводились веские аргументы против этой гипотезы [см.: Jenkins 1975; Erdmann 1976]. Против этой гипотезы свидетельствует также сложность парадигматических отношений, связывающих модели с *there* и модели типа "Y V (Loc)" (см. гл. V).

³ Этот раздел содержит материал, представленный в статье: [Селиверстова, Швейцер 1987].

"A Discardd Wife" (Stone) 'Правды в этих обвинениях так же мало, как и в заголовке статьи "Покинутая жена"'. О наличии-протекании Y-а в описываемом месте в определенный момент времени передают информацию такие высказывания, как *There is a minute or two of quiet while he thinks all this over* 'Наступает молчание, которое длится минуты две, пока он обдумывает все сказанное', ...in Europe there was taking place an economic catastrophe... (Fitzgerald) 'В Европе в это время был (букв. 'происходил') экономический кризис'. Не все из приведенных предложений могут быть переведены на русский язык с помощью бытийной модели. Например, предложение *Есть музыка в предложениях семнадцатилетнего мальчика* воспринимается как, хотя и возможное, но несколько искусственное, странное. Перечислим некоторые причины, которые, как мы попытаемся показать ниже, могут определять расхождения в значении и употреблении русских и английских экзистенциальных предложений.

Во-первых, каждая экзистенциальная модель наряду с а) информацией о нахождении в пространстве и б) информацией об ориентированности на пространство или на предикат наличия имеет некоторые дополнительные признаки. Эти дополнительные признаки, как будет показано ниже, могут не совпадать в русском и английском языках.

Во-вторых, пространственная интерпретация ситуации часто не предопределяется однозначно свойствами самой этой ситуации. Вследствие этого, одни и те же ситуации могут по-разному осмысляться и описываться говорящими на разных языках, и в частности на русском и английском.

В-третьих, расхождения связаны с тем, что логика организации текста не всегда однозначно требует какой-то определенной коммуникативной структуры высказывания. Часто потенциально существует возможность альтернативы, которая, однако, может сниматься на уровне речевого узуса.

В-четвертых, несовпадение в функционировании русских и английских моделей обусловлено различиями в лексическом составе сопоставляемых языков, в значении и функционировании грамматических категорий (например, категории модельности, инфинитива и т.д.), что, в свою очередь, часто обусловлено общим строем языка.

В-пятых, различия часто обусловлены тем, что русские и английские модели имеют разные возможности расширения, что частично связано с четвертой причиной расхождений, а частично выступает в качестве самостоятельного фактора.

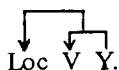
В-шестых, могут существовать стандартные формы представления ситуации, не совпадающие в разных языках, что касается не только идеи пространственного/непространственного отображения, но и общего выбора лексического состава. Например, требование уступить место, сформулированное на английском языке в форме следующего высказывания: *Why don't you stand up? There's a pregnant woman wanting to sit down*, по-русски будет выражено иначе: *'Уступите место. Разве Вы не видите, что стоит беременная женщина?'* Ср. также: *Move along the bus. There are more people trying to get on — 'Проходите вперед. Еще не все вошли' ('Дайте возможность и другим войти').*

Существование различных расхождений в значении и употреблении русских и английских моделей и в значении слов, способных заполнять актантные позиции в этих моделях, приводит к большому разнообразию в номенклатуре средств перевода. Так, например, русская модель "Loc V Y" может переводиться на английский язык по крайней мере с помощью шести разных моделей: 1) "There V Y Loc"; 2) "Y V Loc"; 3) "Loc V Y"; 4) "S V", где S часто соответствует "персонифицированному" локативному члену; 5) "S V Y", где V — глагол be, а Y — свойство; 6) "S V Adv", где Adv — обстоятельство образа действия.

Рассмотрим теперь некоторые общие признаки, различающие русскую модель "Loc V Y" и английскую "There V Y (Loc)". Выделим условия, в которых эти расхождения приводят к выбору других моделей при их переводе.

1.1. Ограничения в лексическом заполнении синтаксических позиций и перевод

Первое отличие английской модели с there от соответствующей модели русского языка связано с заполнениями актантной позиции предиката. Как уже неоднократно отмечалось в лингвистике (см., например: [Aissen 1975, Ross 1974, Stowell 1978]), в модели "There V Y Loc" может употребляться относительно небольшое число глаголов: это, прежде всего, глагол be, а также такие глаголы, как come, exist, live и некоторые другие. Возможность выбора предиката в модели "Loc V Y" в русском языке несколько шире, а именно: в русском языке модель "Loc V Y" может использоваться для как бы эллиптического представления ситуации, при котором указание на наличие Y-а и на протекающее при этом сопутствующее действие — объединяются. В английском языке такое употребление не допускается. В результате этого предложения, имеющие структуру "Loc V Y", часто переводятся на английский язык с помощью модели "Y V Loc". Так, *На шейке у нее темным огнем сверкал рубиновый крестик* (Бунин) нельзя перевести с помощью конструкции с there: *There glowed darkly a little cross of rubies on her breast*. Это предложение должно быть передано с помощью иной синтаксической модели, первое место в которой занимает сам "наличествующий" объект: *A little cross of rubies glowed darkly on her breast*. Изменение "поверхностной" структуры здесь, по-видимому, не приводит к изменению ориентированности высказывания, т.е. в качестве Осн. X^{мого} выступает локатив:

Как считает А.Д. Швейцер [1980], относительно жесткий порядок слов, характерный для английского языка, приводит к тому, что одни и те же модели могут выражать в зависимости от контекста, показателей определенности, неопределенности и некоторых других факторов — разную коммуникативную перспективу. Например: *A man entered*

the room по своей семантической структуре может соответствовать фразе: *В комнату вошел человек*, а не *Человек вошел в комнату*. Ср.: The man entered the room.

На возможность такой ориентации указывают и условия употребления, и восприятие носителей языка, о чем можно судить по интерпретации данной модели лингвистами-носителями языка [Postal 1966]. Подчеркнем, однако, что такая ориентация предложений, построенных по модели "Y V Loc", возникает, вероятно, только в тех условиях, в которых не могут употребляться модели с заданной ориентацией на локативный член⁴. Допустимость разной ориентации, по-видимому, присуща и другим моделям, не имеющим оппозиционной пары: Senora Sanchez was still plying her needles. A friend had joined her [G. Greene, The Honorary Consul] 'Синьора Санше все еще усердно вязала. Но теперь с ней была ее приятельница'.

Другой способ перевода русских предложений, построенных по модели "Loc V Y", связан с возможностью персонифицированного представления локативного элемента ситуации. Персонификация вообще занимает важное место в семантических потенциях английского языка [Швейцер 1980]. Данный способ преобразования локативных предложений чаще всего имеет место при пассивной или неопределенно-личной форме глагола, а также при субъектно-предикатных группах, синонимичных конструкциям с указанными типами предикатов (например, *растет беспокойство — все более и более обеспокоены*). Если не считать возможности полной лексической замены, "техника" перевода в рассматриваемом случае сводится к двум основным операциям: локативный член преобразуется в подлежащее, а глагол получает признак активности. Например:

В Советском Союзе состоялся запуск межконтинентальной баллистической ракеты — The Soviet Union has launched an intercontinental ballistic missile.

В седьмой главе рассматривается применение ЭВМ — Chapter 7 discusses the applications of computers.

В Европе растет беспокойство по поводу кризиса на Среднем Востоке — Europe is growing increasingly concerned about the Middle East crisis.

В передовой статье отмечается... — The editorial says...

В доме имеется центральное отопление, водопровод и мусоропровод — The house has central heating, running water and a garbage chute.

Сегодня в Норвегию прибывает делегация Верховного Совета СССР — Norway to day is playing host to a delegation of the USSR Supreme Soviet.

Ср. также перевод с английского на русский:

In 1961 an air liner rash in Illinois killed seventy eight persons — В 1961 году в авиационной катастрофе в штате Иллинойс погибло 76 человек.

Первое из приведенных предложений может быть переведено и

⁴ Л.А. Прозорова [1989] приводит ряд убедительных доказательств того, что постановка локатива в последнюю позицию, а субъекта — "нового" в первую часто изменяет коммуникативную перспективу высказывания в английском языке.

другим способом — через постановку члена предложения, несущего новую информацию, в первую позицию, т.е. через модель "Y V Loc":

An intercontinental ballistic missile has been launched in the Soviet Union. В отличие от рассмотренных случаев это предложение, по-видимому, не ориентировано на локативный член (т.е. порядок слов, вероятно, здесь соответствует коммуникативной перспективе; см. об этом в п. 4).

Существует еще один способ перевода экзистенциальных предложений на английский язык, не требующий ориентации высказывания на "неизвестный" актант ситуации. Этот способ связан с введением в семантическую структуру высказывания информации о наблюдателе. Например: *В этом районе строятся новые дома* — We can see new houses going up in this district.

Другой способ перевода возникает вследствие более широкого употребления в английском языке отглагольных существительных, которые близки по своей семантической структуре к "вещественным" (неисчислимым) существительным и соединяются с такими количественными показателями, как a lot of. Существование таких существительных часто позволяет сохранить экзистенциальную модель, преобразовав глагол, соответствующий исходному предикату, в отглагольное существительное и поставив в позицию предиката глагол be. См.:

There has been a lot of building here lately — *В последнее время здесь много строят.*

There has been a lot of rioting here lately — *В последнее время здесь часто вспыхивают волнения.* Возможность такого перевода зависит от наличия соответствующего существительного и часто от введения количественной оценки события.

Итак, были отмечены четыре основных способа перевода русской модели "Loc V Y" в тех условиях, где характер предиката препятствует ее передаче на английский язык с помощью предложений с конструкцией "there V Y Loc"

1.2. Различие по признаку "наличие/протекание" события

Ограничения в заполнении предикатной позиции частично восполняются тремя особенностями модели "there V Y Loc": 1) эта модель значительно чаще, чем соответствующая русская модель с глаголом *быть*, употребляется для указания на протекание события во времени; 2) эта модель может включать в свою структуру вторичный предикат, выраженный причастием; 3) конструкция с причастием, даже в тех случаях, когда оно не играет роль вторичного предиката, часто восполняет информацию, содержащуюся в самом предикате, выраженном глаголом be.

Мы рассмотрим здесь только первую особенность употребления конструкции с there (об употреблении конструкции "there is Y" с причастием см.: гл. V, п. 2).

Можно утверждать (как уже говорилось — гл. I, п. 5), что основная функция пространственно-экзистенциальных предложений и в русском, и в английском языках заключается в том, чтобы сообщать о наличии,

а не о протекании и даже не об осуществлении того или иного явления. Однако и в том, и в другом языке рассматриваемые модели могут употребляться для указания на осуществление события, хотя при этом обычно устанавливается ряд ограничений. Так, в русском языке данная информация может актуализироваться в предложениях с глаголом *быть* в форме прошедшего и будущего времени, а также при нулевой форме этого глагола, но не может реализоваться при слове *есть*. Ср.: *У нас сейчас урок (*У нас сейчас есть урок); Не мешай. У нас важный разговор (*У нас есть важный разговор)*. Кроме того, даже в отмеченных условиях чаще всего акцентируется внимание на самом осуществлении события, а не на длительности его протекания во времени. См.: *?У нас был важный разговор с пяти до семи*. Встречаются исключения: *У нас были занятия с пяти до шести*. В английском возможность такого употребления шире. В результате этого часто английские предложения с глаголами *to be, to have* переводятся на русский язык с помощью предикатов типа *наступать, происходить* или с помощью замены группы с отглагольным существительным на простой глагол: *My watch says ten fifteen. There's a tap at the door (Barstow) 'Мои часы показывают пятнадцать минут одиннадцатого. Раздается стук в дверь'; There was a strange little silence before she replied (Segal) 'Наступила какая-то странная пауза, и только потом она ответила'; There is a shout from the top of the line 'Сверху раздается крик'*.

1.3. Ограничения в употреблении именных групп с показателем определенности

В лингвистической литературе последнего времени обычно формулируется правило, в соответствии с которым в предложениях с конструкцией *"there to be"* именная нелокативная группа не должна иметь показатель определенности. Постулируются лишь некоторые исключения из этого правила [см.: Bolinger 1977, ch. 5, § 7]. Другая точка зрения высказана Л. Болинджером, который считает, что случаи употребления имени с показателем определенности закономерны и вытекают из значения конструкции *"there to be"*. Развивая точку зрения Л. Болинджера, мы, однако, не полностью принимаем его толкование значения анализируемой модели и, таким образом, несколько иначе объясняем наблюдаемые особенности употреблений. Во-первых, соглашаясь с тем, что модель *"there to be"* всегда вносит значение пространственности, которое часто получает очень широкое значение, нам представляется неудачным толкование этого широкого абстрактного значения через слово *awareness* "введение чего-то в сферу осознания" *"to bring something into awareness"* [там же, 93]. Такая трактовка должна означать, что в функции пространства выступает сфера сознания, что очевидно противоречит множеству высказываний с *there*. Фактически формулировка Д. Болинджера соответствует признаку "наличия", но не определяет тип пространства.

Во-вторых, в отличие от Д. Болинджера мы не считаем, что в тех случаях, когда именные группы с показателем определенности не выполняют функции, близкие к неопределенным именным группам,

для их употребления достаточно создать контекстные условия, в которых бы могла реализоваться информация о наличии (р. 116—117). Если бы это было так, то в контекстах обнаружения чего-то где-то модель *"there to be"* могла бы всегда употребляться, что, однако, не имеет места: *Look! There is the money in the box; *Look! There is John in the garden. Мы выдвигаем [Селиверстова 1983, 331] другую гипотезу, объясняющую употребление именных групп с показателем определенности, а именно Y может получить индивидуализирующую характеристику, если он представлен как элемент некоторого множества или как часть некоторой ситуации (см. гл. V, п. 1). Приведем примеры.

"Juan will make you a coffin and all of us in the barrio will pay him". — "But there is the mass" (Greene) — "Хуан сделает для тебя гроб, и мы за него заплатим все вместе". — "Но я хочу еще заказать мессу" (букв. 'Но есть еще месса', т.е. в рамки рассматриваемой ситуации — "похороны" — входит в качестве составного компонента месса);

"Now tell me the name of the man who told you to do it and I'll let you go" — "But there was no man. There was only Philip Arnold and Sanny Mountjoy" (Golding) — "А теперь скажи, кто тебе велел так сделать, и я отпущу тебя. Как имя того человека". — "Но там не было никакого человека. Были только Филипп Арнольд и Сэнни Маунтджой (Y_1 и Y_2 — элементы сложившейся ситуации).

I would not go back to the rectory but walked out of the town instead and along beside the downs. There was the forest here, clinging to the downs between escarpment and the river (там же). 'Я не хотел возвращаться к дому священника. Я вышел из города и пошел вдоль холмистой гряды. К ней примыкал лес, зажатый между спуском и рекой'. (Y (лес) рассматривается как составной элемент общей картины).

Приведенные примеры показывают, что возможность употребления имени с показателями определенности далеко не всегда увеличивает степень корреляции между русской моделью *"Loc V Y"* и английской *"there V Loc"*, так как обычно реализуется в тех случаях, когда проявляются различия в осмыслении ситуации. Перевод в этих случаях английских предложений может быть самым разнообразным и зависит от общего контекста. Лишь окказионально здесь возникает возможность перевода через русские экзистенциальные или притяжательно-экзистенциальные модели.

Обратим, однако, внимание на определенное глубинное сходство между русскими и английскими моделями: если наша гипотеза верна, в обоих языках при описании не "чисто" физического пространства требуется, чтобы "наличествующий объект" (Y) был связан с пространством какой-то более глубокой связью, чем простое "помещение" в рамки данного пространства: Y может быть частью этого пространства, каким-то его свойством или свойством его свойства и т.д. В русском языке часто требуется даже двойная связь с пространством: модель "У X есть Y " обычно употребляется только тогда, когда сообщается не только о наличии Y -а в некоторой ситуации, но и о вхождении его в множество однородных с ним объектов, запрограммированных "быть" у X -а (гл. III). При отсутствии таких "глубинных" связей с пространством экзистенциальные и экзистенциально-посес-

сивные модели часто не могут употребляться. Так, нельзя сказать: *В этом дне было много удовольствий (присшествия), но можно: В этом дне была какая-то особенная прелесть (прелесть — свойство самого дня). И в русском, и в английском языках при отсутствии "внутренней" связи между объектом и пространством употребляются другие средства, например, предикаты типа (был) полон, хотя условия употребления данных предикатов при этом могут не полностью совпадать: День был полон удовольствий. The letter was full, like the voice on the quay had been of pretended hope (Greene) — 'Письмо, как и голос на набережной, было полно несбыточных надежд' (пер. Е. Голышевой и Б. Изасова).

1.4. Расхождения в осмыслении протоденотативных ситуаций

Рассмотрим еще некоторые случаи расхождений, связанные с пространственным представлением ситуации. И в русском, и в английском языках допускаются интерпретации событий, действий как пространства. Однако в английском языке эта возможность представлена, по-видимому, несколько шире и, кроме того, в качестве наличествующего объекта могут рассматриваться не только сами свойства, характеристики, но и их возможные последствия для субъекта действия. Так, можно сказать: I always hold that it's hardly ever an answer to anything. But by God, there's pleasure in it sometimes⁴ — Я всегда утверждал, что это ничего не решает (не имеет большого значения), но, несомненно, иногда доставляет удовольствие (*но в этом, несомненно, иногда есть удовольствие); There's no future in being a shop assistant — 'Профессия продавца бесперспективна (*в работе продавцом нет будущего)'.

Сообщение о чувствах, ощущениях, вызываемых тем или иным действием, может строиться в форме экзистенциального предложения и в русском языке; но обычно при этом вводится указание на количественный аспект (сколько радости, сколько горя...): Сколько радости было в этой встрече; Сколько горя было в этом взгляде. Без введения квантификатора экзистенциально-пространственная модель употребляется, как правило, в стилистически приподнятой речи для акцентирования внимания на отсутствии других чувств, кроме описываемого: В этой встрече была только радость; В этом взгляде было только горе.

Поскольку, как мы говорили, в рассматриваемых условиях связь между пространством и наличествующим объектом не является "чисто локативной" и чаще всего фактически выражает и отношение между свойством и его носителем, экзистенциальные модели оказываются "конкурирующими" с моделью "X V" при V, представленном предикатом с прилагательным (Он молод, Он красив). Эта модель и является основным средством выражения данного отношения. Пространственная же интерпретация (в том числе пространственно-посессивная) соответствует норме лишь при наличии тех или иных дополнительных

⁴ Интересно, что сходным образом, по свидетельству Х.Ч. Панде, употребляется локативный инфинитив в хинди.

предпосылок [см.: Селиверстова 1975, гл. II, п. 2.6]. Одной из предпосылок для употребления экзистенциальных моделей может служить отсутствие прилагательного или неполное соответствие в значениях прилагательного и существительного: *Его слова правдивы* (т.е. он не лжет, искрен) и *В его словах есть правда* (т.е. по крайней мере часть того, что он говорит, соответствует действительности). Эта предпосылка может по-разному реализоваться в русском и английском языках, что, в частности, связано с разными синтаксическими потенциальными моделями.

Так, предикат в конструкции с *there* гораздо чаще, чем соответствующий предикат в русском языке допускает сочетаемость с инфинитивом, см.: *Trouble us, there's just enough truth in what it suggests to make me feel uncomfortable* (Barstow) 'В письме была доля правды, и это-то и вызывало во мне чувство неловкости'. Русские предложения типа *В этом была доля правды* обычно не допускают расширения их инфинитивной конструкцией (Ср.: однако, *В этом письме было достаточно правды, чтобы заставить меня почувствовать себя неловко*). Ср. также: *There is a lot to see in Rome* 'В Риме можно увидеть много интересного', но **есть много интересного увидеть в Риме*.

Экзистенциальные модели могут "конкурировать" и с моделью "Y V Ad", где Ad — обстоятельство образа действия или сравнительный оборот. Выбор того или иного способа представления ситуации часто не совпадает в русском и английском языках, что может быть связано с расхождением в значении и употреблении как имен, обозначающих "наличествующий" объект, так и глаголов, способных заполнить предикатную позицию. Могут влиять и другие факторы и прежде всего наличие языковой единицы, которая могла бы использоваться для обозначения пространства. Приведем некоторые примеры возможных расхождений в переводе: *There was no friendliness in the way he asked the question* 'Не было дружелюбия в том, как он задал вопрос' — 'Вопрос прозвучал не слишком дружелюбно'. *There was music in the sentences of the seventeen year-old boy* 'Была музыка в предложениях семнадцатилетнего мальчика' — 'Фразы семнадцатилетнего мальчика были удивительно музыкальны' — 'Фразы семнадцатилетнего мальчика звучали как музыка'.

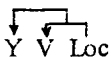
Приведем теперь пример отказа от пространственного отображения ситуации при переводе на английский язык: *Сколько трепетной нежности было для нас даже в одном этом — в совместных усилиях тащить ее (девочку), то и дело касаясь рук друг друга* (Бунин). *And even this alone — our hands touching as we carried Lidija to the room — was like a tremulous caress, filling us with untold tenderness for one another.*

Пока неясно, можно ли свести наблюдаемые случаи расхождений к какому-то относительно ограниченному числу правил. Отметим только, что одна из причин широты употребления конструкции "*there is*" в английском языке связана с большой продуктивностью образования отглагольных существительных, которые могут быть использованы для обозначения пространства: *Nobody knows much about the power position of Mr.Ar., so no one knows quite what to expect, but*

both in the administration's thinking and in the king's action, says one insider, there is movement where there was no movement before (раз.) 'Никто не знает, насколько сильна позиция м-ра А., и, таким образом, никто не знает, чего именно можно ожидать, но, во всяком случае, по свидетельству осведомленного лица, и в отношении к этому вопросу (американского) правительства и в действиях короля произошли изменения'. Созданию пространственной интерпретации способствует существование самой конструкции "there is", которая позволяет не вводить специального слова, обозначающего пространство: There is no resisting the appeal connected with the subject 'Эта тема не может не вызывать живейшего интереса'.

1.5. Различия в выборе коммуникативной перспективы

Предложения, построенные по модели "Y V Loc", как отмечалось, могут быть ориентированы на "наличествующий объект" даже при обозначении его именем с показателем неопределенности:

Такая коммуникативная перспектива, по-видимому, обычно представлена в условиях "конкуренции" с моделями, ориентированными на локатив. В гл. V мы попытаемся показать, что различие между моделями "Y V Loc" и "there is Y Loc" действительно связано с коммуникативной перспективой и отметим те следствия в употреблении, к которым приводит это различие, а сейчас мы хотели бы обратить внимание только на расхождения в условиях функционирования русских и английских моделей.

Одно из условий выбора неизвестного актанта ситуации в качестве отправной точки высказывания (основного X^{мого} — см. гл. II) обусловлено тем, что сцепление текста может строиться на эксплицитном или имплицитном вопросе, выявляющем логическую связь текста. Этот вопрос, однако, не всегда однозначно задает ориентацию последующего текста: часто логика организации текста допускает несколько альтернатив, выбор между которыми зависит от синтетических моделей, которыми располагает язык, от речевого узуса, от стиля речи. Одно из различий в правилах построения текстов на русском и английском языках связано с рассматриваемыми моделями. В английском языке модель "Y V Loc" широко употребляется в газетном стиле при кратком изложении новостей. В русском языке, напротив, обычно предпочитается модель "Loc V Y". Это различие четко проявляется в заголовке газетно-информационной заметки, где каноны английского газетно-публицистического стиля требуют, чтобы в сообщении на первом месте стояло событие, а за ним указание на место и время, тогда как в русском языке часто встречается обратная последовательность (время — место — событие). Отсюда возникает необходимость перестановки компонентов высказывания (газ. текст) в переводе: The Teamsters Union called a citywide strike in Philadelphia today 'Сегодня в Филадельфии профсоюз водителей грузовых автомашин объявил общегородскую забастовку'; A press conference on the results

of the meeting of the Soviet Architects' Union and the US Organization Architects, Designers and Planners for Social Responsibility was held in Moscow yesterday 'Вчера в Москве состоялась пресс-конференция, посвященная итогам встречи представителей Союза архитекторов СССР и организации США "Архитекторы, дизайнеры и планировщики за социальную ответственность"'.
Распределение данных моделей в других стилях речи пока не исследовалось.

Различия в заполнении, функционировании, коммуникативной структуре и функционально-стилистическом использовании пространственно-ориентированных моделей в русском и английском языках определяет широкий диапазон переводческих операций, включающих перестановку компонентов высказывания (как в поверхностной, так и в семантической структуре), замену исходного выражения его синтаксическим аналогом (в доме есть X — there is x in the house), "персонификацию" локального признака, превращение его в субъекта в сочетании с пассивизацией или конверсивной трансформацией, семантические сдвиги типа "предмет—признак", преобразование конструкции с there is в глагольно-адвербиальную, замену be инхоативными глаголами типа *раздаваться, зазвучать*, глаголами, означающими осуществление события типа *происходить, случаться* и др.

В основе этих трансформаций нередко лежат разные способы семантического представления мира в терминах пространственных отношений. Способ отражения денотативной ситуации в сопоставляемых языках задается лишь с той или иной степенью вероятности. В связи с этим между типами межъязыковых различий и типами переводческих трансформаций обнаруживаются не жесткие, а скорее вероятностные связи. Для построения более строгой модели соответствий необходим дифференцированный учет множества факторов, влияющих на репрезентацию пространственных отношений, часть которых уже названы. Впрочем и тогда эти соотношения не будут носить взаимнооднозначного характера.

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДЕЛИ "X HAS Y" И ЕЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ С МОДЕЛЬЮ "THERE IS Y"

2.1. Модель "X has Y" в сопоставлении с посессивными моделями в русском языке

Модель "X has Y", так же как и соответствующие модели в русском языке, обычно несет информацию о наличии, нахождении Y-а в описываемом пространстве, т.е. в данном случае в том пространстве, которое может быть обозначено выражением "у X-а". Это пространство складывается из ряда частных пространств, которые в основном представляют собой те или иные множества: "предметы собственности X-а", "свойства X-а", различные множества, имеющие такие элементы, одно из свойств которых есть отношение к X-у (родственники X-а, враги — друзья X-а и т.д.).

Представление о том, в какое именно множество входит Y, за-

висит от слова, обозначающего Y, а также от общего контекста. Например, слово *genius* 'дар, талант' в предложении "He has a genius for upholstery", said Isabell (James) показывает, что речь идет о наличии Y-а в множестве "свойства X-а". Ср. также: She always had more courage and strength and honesty than I had (Priestley) 'У нее всегда было больше храбрости, силы и честности, чем у меня'. Напротив, предложение You had money сообщает о наличии Y-а (Y — деньги) в множестве "собственность X-а". Фраза If you're not happy yourself others have yet a right to be (James) несет информацию о наличии Y-а (Y — право) в множестве элементов, программирующих действия или состояния X-а.

Глагол *have* служит не только для передачи информации о наличии Y-а в пространстве множества. Этот глагол употребляется и в случаях, когда речь идет о нахождении Y-а в других видах пространства. Так, предложения, построенные по модели "X has Y", могут сообщать о нахождении Y-а в том или ином физическом пространстве в определенный момент или отрезок времени: The mother had her baby on her lap (Hornby, ALD) 'Ребенок на коленях у матери'; It was against the rules to have people in our room after nine o'clock at night (Lessing) 'Посторонним не разрешалось находиться в наших комнатах после девяти часов вечера'; What a lot of rain we had this autumn, hadn't we? 'Как много этой осенью было у нас дождей, правда?'

Глагол *have* используется и в тех случаях, когда S представляет собой некоторую систему единиц, связанных между собой определенными отношениями и, в частности, общностью местонахождения (институт, завод, дом и т.д., если они рассматриваются не как физические пространства, а как функциональные системы), например: I've never said anything to her — and of course I've been glad to have her here — but I've often thought that Lilian's been at home too long (Priestley) 'Я ей никогда ничего не говорил, и, конечно, я был очень рад, что она здесь со мной, но я часто думал, что ей нужно уехать'; I have a friend at Oxford 'У меня в Оксфорде (Оксфордском университете) есть друг'.

Фразы с глаголом *have* могут нести информацию о наличии Y-а в данном отрезке временного существования X-а, например: I have a terrible headache 'У меня ужасная головная боль'. Другие предложения сообщают о наличии Y-а в пространстве действия, осуществляемого X-м, например: He still has some difficulty in walking 'Он все еще испытывает некоторые затруднения при ходьбе' (букв. 'имеет трудности в ходьбе') и т.д.

Как видно из приведенных предложений и их переводов на русский язык, не существует полного соответствия между русскими и английскими посессивно-экзистенциальными моделями. Одно из различий связано с тем, что модель с *have* может в некоторых случаях употребляться в предложениях, которые сообщают о том, где Y, а не о наличии Y-а у X-а (The mother had her baby on her lap; It was against the rules to have people in our rooms; I've been glad to have her here). Такая интерпретация данных предложений подтвердилась при опросе информантов: все опрошенные считали возможным строить ответ на вопрос *с where* по модели с глаголом *have*. Так, можно сказать: Where is he? —

The mother has him on her lap. Как правило, такое употребление имеет место, когда реализуется особый вариант значения глагола *have*, отсутствующий у соответствующих русских единиц. Этот глагол может передавать информацию о том, что наличие *Y*-а в пространстве, связанном посессивным отношением с *X*-м, определяется волей, желанием *X*-а. Рассматриваемый глагол может также показывать, что нахождение *Y*-а, связанного посессивным отношением с *X*-м (обычно *Y* — часть тела *X*-а), в некотором пространстве (необязательно находящемся в посессивном отношении с *X*-м) определяется волей, желанием *X*-а (п. 2.2). Здесь сам *X* и пространство, в которое входит *Y*, относятся к разным членам актуального членения: *X* составляет тему, а указание на пространство — рему предложения. В русском языке при описании подобных ситуаций, т.е. когда указание на пространство составляет новую информацию, предложения либо ориентированы на *Y* (*Ребенок на коленях у матери*), либо имеют предикаты, указывающие на активную роль *X*-а: *Мать держит ребенка на коленях; Нам было не разрешено принимать посетителей после 6 часов*. В русском языке ответ на вопрос "где" может строиться по модели "*у X*-а есть *Y*" только в том случае, если слово, обозначающее *Y*, употреблено нереферентно (гл. II, п. 2).

Предложения с глаголом *have* могут также иметь указанное актуальное членение, когда *Y* является частью *X*-а или его собственностью: *I have my hand on Marcus's shoulder* (Hartley) (букв.) 'Я имею руку на плече Маркуса'; *She had her feet on the fender* (Priestley) (букв.) 'Она имела ноги на каминной решетке'; *Where did you have the key last night?* (Gardener) (букв.) 'Где вы вчера имели ключ?'. Пространство нахождения *Y*-а может при этом, как видно из примеров, не быть связано посессивным отношением с *X*-м. Отметим также, что при реализации рассматриваемого варианта значения (или, возможно, особого значения) глагола *have* речь может идти о нахождении *Y*-а в некотором векторном пространстве, т.е. о нахождении в направлении по отношению к чему-то: *We had nearly reached it..., when suddenly the head and shoulders of a man rose from among the bushes. He had his back to us and did not hear us* (Hartley) 'Мы уже почти подошли к этому месту, когда вдруг из кустов показалась голова и верхняя часть туловища какого-то мужчины. Он стоял спиной к нам (букв. 'Он имел спину к нам') и не слышал нас'. Для выбора глагола *have* здесь существенно не только то, что пространственное положение *Y*-а определяется *X*-м, но и то, что оно определяет положение *X*-а (см. п. 2.2).

Глагол *have* может употребляться и в таких предложениях, как: *She would have the window open wide, summer and winter alike, no matter what the weather* (Barstow) 'У нее всегда окно широко открыто и зимой, и летом, независимо от погоды'; *I had all the papers in a bunch, that the broker had given me* (Hemingway) 'Все бумаги, которые мне дал маклер, были у меня сложены в пачку (букв. все бумаги я имел в пачке)'. В этих предложениях наличие *Y*-а у *X*-а предполагается обычно заранее известным, и цель высказывания сводится к сообщению о том, в каком положении, состоянии был при этом *Y*, какими свойствами он обладал. Такое употребление глагола *have* возможно, если положение,

состояние Y-а определяется действием X-а или по крайней мере его волеизъявлением и/или если характеристики Y-а так или иначе сказываются на данном моменте или периоде существования X-а. В русском языке соответствующие предложения могут также включать информацию о посессивных отношениях, которая вносится словосочетанием "У у X-а", но они не имеют посессивный предикат и часто ориентированы на Y (*Глаза у нее были широко открыты; Больные у него были хорошо ухожены* и т.д.).

Кроме возможности употребления в предложениях, в которых указание на пространство составляет "новое", особенность глагола *have* заключается в том, что он объединяет в своей семантической структуре и информацию о наличии Y-а, и информацию о том, к какому именному классу относится тот Y, который есть у X-а. Например, цель вопроса *Have you a boat?* 'У вас есть лодка?' — установить наличие Y-а у X-а. Напротив, в вопросе *What animals had you on the farm?* (Eckersley 'Каких животных вы разводили/имели на ферме?' (наличие Y-а предполагается заранее известным). См. также: *The book has extremely short chapters* (Segal) 'В этой книге очень короткие главы'. Модель "*X has Y*" может также употребляться в текстах, в которых речь идет о количестве Y-а: *How many daughters has she?* 'Сколько у нее дочерей'.

В семантической системе английского языка нет признака, который бы соответствовал второму различию между моделями "*У X-а есть Y*" и "*У X-а Y*" (информация о "включенности Y-а в некоторое множество, запрограммированное быть у X-а/отсутствие характеристики Y-а как одного из членов такого множества"). Вследствие этого предложения, построенные по модели "*X has Y*", могут соответствовать и фразам со словом *есть*, и фразам с нулевой формой глагола *быть*. Например, глагол *have* употребляется в контексте: *There's something I can tell you that I can't tell the other two. You can stand it. They can't. You have your profession. You're enjoying life* (Priestley), в котором речь идет о наличии Y-а в числе причин, определяющих преимущества адресата речи по сравнению с другими лицами, и может быть переведен на русский язык с помощью слова *есть*: 'Я хочу тебе сказать то, что я не могу сказать им. Ты сможешь это перенести, а они нет. У тебя есть твоё любимое дело. Ты довольна жизнью'. Наряду с этим глагол *have* может стоять и в таком контексте: *She has the reputation of carrying on her profession with scrupulous honesty* 'Она имеет репутацию человека, выполняющего свои профессиональные обязанности с безупречной честностью', где денотат слова *reputation* не воспринимается как один из ряда однородных элементов, которые имеет или может иметь X. Ср. также: *She has a growth* 'У нее опухоль'.

Еще одной особенностью глагола *have* по сравнению с русскими посессивными моделями является большая регулярность его употребления для описания всего отрезка протекания Y-а. Например: *For a moment she has an intense impulse to dash them in his face* (Shaw) *I've been having a headache for two hours* (ср. сказанное о конструкции с *there* в п. 1.2). В русском языке в таких случаях обычно не употребляются глаголы *быть* и *иметь*: *На мгновение у нее появилось острое*

желание бросить их ему в лицо (*На мгновение у нее острое желание бросить их ему в лицо); Уже два часа у меня болит голова (¹Уже два часа у меня головная боль).

В отличие от русского иметь глагол have может употребляться, когда Y — часть X-а и X как целое образуется только из элементов того же типа, что и Y. Например, можно сказать: The list has the name you want. В русском языке здесь должна быть выбрана непосессивная пространственная модель: В списке есть твоя фамилия.

Глагол have может также использоваться, когда X выступает как физическое пространство, в котором находится Y, не являясь при этом обладаемым X-а. При таком значении требуется добавление предложной группы с местоимением, кореферентным со словом, обозначающим X. Предлог указывает на пространственное отношение между X-м и Y-м: The road has ice on it, но: *The road has ice; The table has a vase on it, но: *The table has a vase.

Существуют и другие различия между русскими и английскими моделями, оставшиеся в данной работе не рассмотренными.

2.2. Сопоставление моделей "X has Y" и "there is Y"

В лингвистической литературе уже неоднократно отмечалась связь между моделями "X has Y" и "there is Y" [см.: Bendix 1966, Clark 1970]. Мы попытаемся показать, что различие между данными моделями определяется характером соотношения признаков пространственности и посессивности. Модель "X has Y", как правило, сообщает о наличии Y-а в таком пространстве, которое связано посессивным отношением с X-м (в число этих отношений мы включаем и отношение X-а к самому себе — пространство может быть тождественно самому X-у). Мы отметили только одно условие, при котором глагол have не указывает на посессивную характеристику пространства: эта характеристика необязательна, если Y является частью X-а, и его нахождение в описываемом пространстве определяется волей X-а (см. примеры в п. 2.1). Наряду с посессивной характеристикой пространства выбор модели "X has Y" требует, чтобы Y также находился в каком-то непосредственном отношении к X-у, т.е. либо был обладаемым, либо оказывал на X какое-то непосредственное воздействие, либо нахождение Y-а в пространстве S определялось бы волей X-а. Модель "there is Y" также может сообщать о нахождении Y-а в таком пространстве, которое связано посессивным отношением с X-м, хотя данная характеристика пространства не является обязательной для предложений с этой конструкцией. Так, предложение I have a boy in the room может быть употреблено только в том случае, если речь идет о комнате говорящего. Это условие не ограничивает выбор соответствующего предложения с конструкцией "there is Y".

Далее, Y не характеризуется в предложениях с конструкцией "there is Y" как обладаемое X-а. Вследствие этого данная конструкция не употребляется, когда Y — часть X-а. Для описания таких ситуаций выбирается глагол have (She has blue eyes; The animal has teeth). Однако не существует четкой грани между ситуациями, в которых Y есть

часть X-а, и в которых Y есть что-то, находящееся на, в X-е. Например, покрывало, лежащее на кровати, может рассматриваться как отдельный предмет, а может интерпретироваться как составная часть. Возможностью такой разной интерпретации можно объяснить то, что предложения *The bed had a black cover (Lessing)* (букв.) '*У кровати черное покрывало', *The bed had three pillows* (букв.) 'У кровати есть три подушки; *The table has a white cloth* (букв.) 'У стола белая скатерть'⁶ оценивались большинством опрашиваемых как допустимые, хотя и не вполне нормативные (средний балл 3). Чем менее естественно рассматривать Y как часть X-а, тем ниже оценивается предложение с глаголом *have*. Например, нельзя сказать: *The table has a vase. Bring it here* '*У стола есть ваза. Принеси ее сюда'. Здесь возможна только конструкции с *there*. Выбору этой модели отдавалось предпочтение и при описании указанных ситуаций: *There is a black cover on the bed (a white cloth on the table и т.д.)*. Однако могут возникнуть речевые условия, в которых повышается вероятность выбора модели с глаголом *have*. Его употребление соответствует норме, если Y рассматривается как отличительный признак X-а: *How can you tell the difference? — One table has a white cloth and the other has a green cloth; The bed had a black cover and the chairs had green ones*. Подобно этому могут возникнуть речевые ситуации, в которых употребление конструкции "*there is Y*" приобретает естественность, хотя речь идет о таком Y-е, который скорее должен рассматриваться как часть X-а. Так, например, один из опрошенных предложил следующий пример: "*Do you notice anything strange Watson?*" — "*Good Heavens, Holmes. There's a birth-mark on her cheek*" "Вы что-нибудь заметили, Уотсон?" — "О Боже, Холмс (букв.) 'На ее щеке родинка'". (здесь родинка — независимое свидетельство, подтверждающее какую-то догадку Холмса). В других контекстах предпочтение отдавалось выбору глагола *have*: *She has a birth-mark on her cheek*.

Допустимость разного осмысления протоденотативных ситуаций под углом зрения анализируемого признака объясняет и возможность построения таких предложений, как *There are 28 days in February* 'В феврале 28 дней' и *February has 28 days* 'Февраль имеет 28 дней'. Дни могут либо интерпретироваться как то, что находится в пределах пространства, образуемого X-м, но имеет отдельное от него существование, либо, напротив, как то, что составляет его часть.

Если Y представляет собой свойство, то чаще всего выбирается модель с *have* (см. примеры в п. 2.1). Однако выбор модели с *there* также возможен: *There is no responsibility in you* 'В Вас нет чувства ответственности'; *There's a streak of cruelty in her character* 'В ее характере есть что-то жестокое'; *There's something strange about her* 'В ней есть что-то странное'. По-видимому, употребление этой модели имеет место, если Y интерпретируется как что-то самостоятельное, отдельное от X-а, лишь существующее в нем.

⁶ В русском языке употребление модели "*У X-а (есть) Y*" в подобных ситуациях не соответствует норме. Для ее выбора требуется, чтобы Y был "настоящей" частью X-а: *У стола три ножки*.

В п. 2.1 отмечалось, что глагол *have* может употребляться для описания ситуаций "простого нахождения" *Y*-а на, в *X*-е, если добавляется предложная группа, в которой имя кореферентно с подлежащим или обозначает либо его часть, либо часть его одежды. В этих условиях часто встречается и сочетание *have got*. Такое употребление становится возможным, если наличие *Y*-а на/в *X*-е каким-то образом характеризует и сам *X*: *I'm sure you'll find the bed comfortable. It's got a new mattress on it* 'Я думаю, что Вам будет удобно спать. На кровати новый матрас (букв. 'кровать имеет новый матрас на ней)'; *The road has ice on it* (букв.) 'Дорога имеет лед на себе'. Эти предложения показывают, что наличие *Y*-а изменяет свойства самого *X*-а, т.е. является его характеристикой или характеристикой какого-то момента его существования. Таким образом, хотя *Y* не является объектом обладания *X*-а, результат и последствия его наличия входят в сферу посессивности *X*-а. Напротив, предложения с *there* сообщают о наличии *Y*-а безотносительно к его воздействию на *X*. В пользу предложенной интерпретации говорит то, что именно предложения с *have* информанты связывали с моделью "*Y is A*", где *A* — прилагательное, обозначающее свойство. Например: *The road is icy*.

Сочетание *have got* употребляется и в следующих предложениях: *Look out! You've got a bee behind your ear* 'Осторожнее! У Вас за ухом пчела!'; *You've got a piece of cotton on your coat* 'У Вас на пальто нитка'. Здесь в отличие от соответствующих предложений с *there* также акцентируется внимание на том, что наличие *Y*-а затрагивает и сам *X*. Ср. следующие контексты употребления рассматриваемых моделей, предложенные одним из информантов: *Don't let her in. She's got mud on her shoes* 'Не впускайте ее. У нее грязь на ботинках' и "*How could you possibly tell that she's just travelled from the country?*" — "*You will observe Watson. There's fresh mud on her shoes*" "'Почему Вы думаете, что она приехала из сельской местности?' — "Обратите внимание, Уотсон. На ее ботинках грязь"". Хотя и во втором примере логика построения текста не исключает ориентацию высказывания на субъект — У нее на ботинках грязь — выбор в качестве исходной точки сообщения предиката более логичен: Шерлока Холмса интересует прежде всего доказательство, касающееся самого события — приезд из сельской местности, а не характеристика "ее". Таким доказательством служит сообщение о наличии *Y*-а на *S*, причем *S* относится к *X*-у. Напротив, ситуация, описанная в первом примере, более однозначно связана с субъектом ситуации "она". Вследствие этого первое предложение должно быть ориентировано на субъект.

Мы отмечали (п. 2.1), что глагол *have* может употребляться для передачи информации о нахождении *Y*-а, не являющегося обладаемым *X*-а, в пространстве, связанном с *X*-м посессивным отношением, если нахождение *Y*-а в этом пространстве определяется волеизъявлением *X*-а. Сделанное утверждение основано на следующем: все опрошенные (5 человек) оценивали употребление глагола *have* как странное, алогичное в тех контекстах, в которых предполагается, что нахождение *Y*-а в *S* не зависит от воли, желания *X*-а. Например, в контексте *What's all this about? *I have a sick man in my tent. Who put him there?* 'Что это

значит? У меня в палатке больной. Кто поместил его туда?" информанты заменяли модель "X has Y" на конструкцию "there is Y": What's all this about? There's a sick man in my tent. Who put him there?

Итак, основным компонентом значения глагола have, так же как и русских моделей "У X-a (есть) Y" и "X имеет Y", является пространственный признак. В большинстве условий своего употребления этот глагол несет информацию о наличии Y-а или о том, какой именно Y находится в описываемом пространстве.

Одна из важных особенностей глагола have, по сравнению с соответствующими русскими единицами, заключается в том, что в предложениях с этим глаголом указание на пространство может также принадлежать реме. Существуют и другие различия, часть из которых была отмечена выше.

Итак, пространственный признак объединяет глагол have с конструкцией "there is Y". В значении глагола have этот признак соединяется с информацией о посессивных отношениях: глагол have при сохранении лексического значения всегда показывает, что либо Y, либо пространство S, в которое входит Y, находится в посессивном отношении к X-у. Чаще всего и Y, и S связаны с X-ом данным отношением. Если характеристика посессивности относится только к Y-у или только к S, то глагол have выбирается для передачи информации либо о том, что нахождение Y-а в S определяется волей X-а, либо о том, что наличие Y-а у X-а непосредственно его затрагивает X (изменяет его каким-то образом, составляет его характеристику, как-то угрожает X-у).

Конструкция "there is Y" также может передавать информацию о нахождении Y-а в пространстве, связанном посессивным отношением с X-ом, но при этом не сообщается ни о том, что наличие Y-а у X-а как-то непосредственно затрагивает X, ни о том, что нахождение Y-а определяется волей X-а.

2.3. Производные модели с глаголом have

Остановимся еще на одной особенности английского языка, которая заключается в гораздо большей широте сочетаемости глагола to have с отглагольными существительными, а также с причастием II в рамках модели "to have N Part. II". Вероятно, продуктивность моделей "to have N_v" (где N_v — отглагольное имя) и "to have N Part. II" обусловлена двумя главными причинами. Одной из них служит аналитический характер английского языка: хотя данные модели не представляют собой аналитические формы в собственном смысле этого слова, они все-таки в известной степени приближаются к ним. Другая причина связана с потребностью восполнения специальных средств, предназначенных для представления действия в его "целостности", т.е. коррелирующих со значением совершенного вида в русском языке. В англистике данным моделям посвящено большое количество работ ем., например: [Григальюнене 1986, 47—55, 100—112]. В основном рассматриваются следующие вопросы: 1) обладают ли эти модели некоторым общим значением, объединяющим все частные словосо-

четания, построенные по данным моделям; 2) можно ли считать их семантику широкозначной или их можно скорее отнести к особой категории многозначных; 3) какова степень грамматикализации рассматриваемых моделей (в частности, сохраняет ли глагол *to have* лексическое значение, может ли он быть отнесен к связкам, входят ли данные модели в поле аспектуальности); 4) распадаются ли данные модели на особые подтипы. По каждому из этих вопросов существуют различные точки зрения. Мы приводили аргументы в пользу того, что модель "*to have N_v*" не только сама выражает некоторое общее значение, но и что это значение подводится под еще более общее: является вариантом значения посессивности (гл. I, п. 2). Такая трактовка модели "*to have N_v*" близка к ее описанию, предложенному Н.Н. Амосовой [1963, 117].

Сохранение, хотя и в ослабленной форме, признака посессивности⁷ не означает, однако, что рассматриваемые модели имеют одно и то же значение. В лингвистической литературе уже давно обращалось внимание на то, что некоторые предикативные выражения, построенные по модели "*to have N_v*", могут употребляться в форме Continuous, а другие — нет. Отмечалось также, что сочетания, подобные *to have a walk*, развивают особое лексическое значение, соответствующее рус. *иметь прогулку* [Амосова, 1963, 117]. В работе И. Григальюне [1986, 65—88] показано, что возникновение особого лексического значения присуще большому числу предикативных выражений. Это значение формулируется так: указание на некоторый комплекс действий, состоящий из центрального элемента, обозначенного отглагольным существительным, и действий, сопутствующих ему, таким образом, что в целом они характеризуются как некоторый вид времяпрепровождения.

И. Григальюне установила, что существует корреляция между данным значением и способностью употребляться в форме Continuous, а также — при Indefinite form — сочетаться с временными выражениями типа: *from 5 till 7*. В русском языке сочетание отглагольного имени с глаголом *иметь* или с другими глаголами также по крайней мере часто обозначает комплекс действий, связанных с центральным событием. Так, *сделать перекур* — это не только курить, но и иметь перерыв в работе, отдохнуть. В отличие от английского число таких сочетаний с глаголом *иметь*, по-видимому, не очень велико, и сама модель менее продуктивна (реже образуются окказиональные сочетания). Кроме того, модель "*иметь + N_v*" обнаруживает больше грамматических ограничений. Так, она не может обозначать действие в момент его развития, что свидетельствует о меньшей размытости признака посессивности. Например, нельзя сказать: *Когда вы мне позвонили, я имел разговор с Иваном Сергеевичем* [Селиверстова, 1975, 56]. Кроме того, данная модель стилистически маркирована.

⁷ О выводимости общего значения модели *to have N_v* пишет и А. Вижбицка [Wierzbicka 1982]. Однако она не связывает, по крайней мере в явной форме, это значение с понятием посессивности.

Как показано у Григальюнене [1986], другая группа сочетаний, построенных по модели "to have N_v", не имеет "регулярных" лексических отличий от соответствующих глаголов, но характеризуется рядом грамматических особенностей, которые позволяют включить эти словосочетания в поле аспектуальности — они представляют действие в его "целостности", что, в свою очередь, связано с отвлечением действия от времени его протекания и как бы стяжением его в точку. Эта точка не может занимать ни точку, ни отрезок на оси времени. Его продолжительность может измеряться только суммой временных точек, не представленных в порядке их следования. Так, нельзя сказать: When I opened the door of the bathroom *he had a shave; *he had a shave for ten minutes.

Вместе с тем модель "to have N_v" не становится показателем аспектуальности в чистом виде. Как указывалось, в значении этой модели сохраняется признак посессивности. Кроме того, у отдельных словосочетаний выделяются и дополнительные лексические различия по сравнению с соответствующими глаголами. Так, словосочетание to have a read of smth. указывает на "неполноту" действия и приблизительно соответствует русскому глаголу *просмотреть* (газету, статью).

Словосочетания второго типа, образованные по модели "to have N_v", не имеют корреляций в русском языке. Русский глагол *иметь* не может также использоваться для образования конструкции, соответствующих английской модели "to have N Part. II".

Таким образом, одна из особенностей to have по сравнению с *иметь*, а также *быть* в посессивных моделях заключается в том, что английский глагол допускает большую степень грамматикализации. Это выражается не только в том, что он может переходить в разряд вспомогательных глаголов и использоваться для образования перфектных форм, но и в том, что даже сохраняя признак посессивности, может получать аспектуальное значение и служить для образования особых синтаксических моделей.

При сопоставлении русского и английского языков нельзя не учитывать еще одну особенность, которая неоднократно отмечалась в лингвистической литературе и послужила даже основанием для классификации языков: языки группы "быть" и группы "иметь". В русском языке значение посессивности часто, как известно, выражается с помощью глагола *быть*.

Однако, как видно из приведенного материала, данное формальное различие не приводит к существенным семантическим расхождениям. Вероятно, с ним можно связать только некоторые особенности, а именно: способность глагола have иметь "активный" субъект, большее число синтаксических валентностей, что в свою очередь влияет на возможность создания производных моделей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гл. IV рассмотрена реализация пространственного значения английских экзистенциальных и экзистенциально-посессивных моделей в разных условиях употребления.

Показаны различия между русскими и английскими экзистенциальными и посессивно-экзистенциальными моделями.

Большая часть этих различий связана с тем, что значение языковых единиц не полностью предопределяет их денотативную отнесенность вследствие того, что объективные свойства протоситуаций часто допускают разное осмысление. Такое различие в осмыслении протоситуаций и определяет частично несовпадение в употреблении английских и русских анализируемых моделей.

Вторую группу различий в функционировании этих моделей можно, вероятно, объяснить одной из двух причин или, чаще, их взаимодействием: с одной стороны, общей тенденцией английского языка в отличие от русского к аналитизму, с другой стороны, выраженностью/невыраженностью того или иного семантического понятия другими языковыми средствами. Так, широкое распространение сочетаний типа *have a look* (*cough*, *a kiss* и т.д.) может быть обусловлено отсутствием других средств для выражения аспектуальных значений, близких к видовым противопоставлениям славянских языков, а также тем, что, хотя данные сочетания не представляют собой аналитических форм, они по ряду признаков приближаются к ним. Третья группа различий обусловлена несовпадением в характеристиках отдельных языковых единиц или классов языковых единиц, которые заполняют позиции в анализируемых моделях (так, широкое распространение синтагм с вторичными предикатами в английском языке проявляется и в особенностях употребления анализируемых моделей; были также отмечены несовпадения в функционировании отглагольных существительных и различия в использовании инфинитива).

Четвертая группа различий связана с несовпадением в дополнительных признаках, которые наряду с признаками пространственности и посессивности входят в значение анализируемых моделей. Так, было показано, что глагол *have* в определенных условиях употребления может указывать на активную роль субъекта в установлении посессивного отношения. При реализации этой информации предложения с глаголом *have* могут иметь коммуникативную перспективу, обычно не свойственную экзистенциально-посессивным предложениям; они могут сообщать не о наличии Y -а (или о том, какой именно Y у X-а), а о том, где именно или в каком положении, состоянии находится тот Y, который есть у X-а.

Отмечается что английский глагол *to have* допускает большую степень грамматикализации (даже при сохранении признака посессивности он может включаться в поле аспектуальности, а также играть большую роль в создании особых синтаксических моделей).

Рассмотрены различные способы перевода экзистенциальных и экзистенциально-посессивных предложений с русского языка на английский.

Уточнен характер соотношения между моделями "there is Y" и "X has Y". Показано, что в большинстве условий употребления в значении модели "X has Y" посессивный признак представлен дважды: он характеризует и то пространство, в которое входит Y, и сам Y. Кроме центральных отношений посессивности, выделяются и периферийные. Так, в определенных условиях (они отмечены в работе) направленное на X действие может быть представлено как принадлежащее сфере его посессивности. В сферу посессивности X-а может входить и событие, имеющее не только предикат, но и "свой" субъект, а также некоторое положение дел.

Модель "X has Y" необязательно сообщает о вхождении Y-а в пространство, связанное посессивным отношением с X-м, если Y — обладаемое X-а и сообщается, что нахождение Y-а в пространстве S определяется действием или волеизъявлением X-а.

Конструкция "there is Y" может употребляться, если либо Y, либо X находится в посессивном отношении к X-у, но она не используется, если говорящий хочет сообщить, что и Y, и S связаны с X-м так, как было указано для модели "X has Y".

Глава V

КОНСТРУКЦИЯ "THERE IS Y (LOC)" И НЕЛОКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ "Y V (LOC)" В ИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ

В английском языке схема "Y V (Loc)" может выражать не только локативное значение, т.е. сообщать, где именно (в каком пространстве) находится Y, но и передавать различные нелокативные значения, в частности, вводить "неизвестный" Y. В данной главе мы попытаемся установить эти "другие" значения модели "Y V (Loc)" и показать их соотношение со значением конструкции "there is Y (Loc)". При сопоставлении будут выделены некоторые дополнительные признаки конструкции "there is Y (Loc)", которые не учитывались в процессе предшествующего рассмотрения.

Введение этих признаков позволит нам дополнить определение (гл. IV) значения экзистенциальности в английском языке и, в частности, показать, что значение экзистенциальных моделей (Ex₂) не сводится к "перевернутому" значению локативности (перестановка местами темы и ремы). Введенные признаки будут использованы для объяснения различных запретов на употребление конструкции "there is Y" (неупотребляемость, кроме некоторых особых случаев, имен с показателем определенности, местоимений типа *everyone*, а также *some of*, и др.).

В общем плане материал, приведенный в гл. V, может служить иллюстрацией тезиса, что тема-рематическое деление в том смысле, в каком оно было определено в данной работе, не созпа-

дает с расчленением содержащейся информации на известную и новую. Рассматривается также вопрос о взаимодействии этих двух делений и устанавливаются функции тема-рематического членения.

Кроме того, результаты проведенного анализа используются для конкретизации представления о роли системных и, в частности, оппозиционных связей в построении языка.

1. ПРИЗНАК "ВКЛЮЧЕННОСТЬ Y-A В ПРОСТРАНСТВО В КАЧЕСТВЕ ЕГО СОСТАВНОЙ ЧАСТИ"

В трансформационных грамматиках [см.: Jenkins 1975] предложения типа *A man is in the garden* или, чаще, структуры, которые лежат в их основе, рассматривались как ядерные по отношению к предложениям с конструкцией "*there is Y*". Вероятно, вследствие этого вопрос о семантическом различии между рассматриваемыми типами предложений не был в центре внимания лингвистов, что и отразилось в грамматиках английского языка. Так, в Универсальной грамматике [Quirk 1979] отмечается, что: 1) подлежащее в английском языке тематично и, следовательно, должно обозначать что-то известное; 2) эта характеристика подлежащего не согласуется с постановкой в данной позиции имени с неопределенным артиклем, что и делает такие предложения, как *A book is in the cupboard*, странными, неестественными (§. 14, 19). Причины нормативности таких предложений, как *Was anyone around?* 'Был ли кто-нибудь поблизости?'; *A girl is putting a kettle on* 'Девочка ставит чайник', в грамматике не указываются. Утверждается только, что они эквиваленты предложениям с конструкцией "*there to be*": *Was anyone around? — Was there any one around?*

В последнее время, однако, и в рамках трансформационной грамматики появляются работы, в которых обращается внимание на семантическое различие между предложениями типа *Somebody is in the garden* и *There's somebody in the garden* [см. об этом: Jenkins 1975; Lumsden 1988]. Исходя из представления о семантическом различии данных моделей, Г. Милзак предложил построить трансформационное правило введения *there*, образующее и семантически неправильные предложения, а затем применить к этим предложениям правило семантической интерпретации, которое позволило бы отбросить неправильные предложения [Milsark 1977]. Оставляя в стороне вопрос, является ли модель с конструкцией "*there is Y*" трансформой, остановимся на предложенном правиле семантической интерпретации. Это правило читается так: "*there Aux (have-en) be NP X*", интерпретируется: 'класс С, обозначенный именной группой NP, имеет по крайней мере один член с такой, что P(c) истинно, где P — предикат и P — значение (прочтение X-a)' [цит. по: Jenkins 1975, 84]. В соответствии с этим правилом предложение *There are cows on the cobblestones* толкуется приблизительно так: 'класс коров имеет по крайней мере один такой член с, что с находится на мостовой'. Данное правило, как мы полагаем, нарушает линейную последовательность информации, за-

крепленной за конструкцией "there is Y", ставя класс в качестве исходной точки сообщения. И поверхностной структуре, и интуитивному восприятию более соответствует традиционная трактовка значения модели "there is Y" как информации о наличии Y-а в S. Эта трактовка при отдельных различиях принята большинством лингвистов, и ее предпочтительность по сравнению с интерпретацией Г. Милзака можно легко показать. Возможно, однако, Г. Милзак рассматривает предлагаемую им интерпретацию как предварительный этап, после которого должны применяться правила, связанные с построением коммуникативной перспективы высказывания. Во всяком случае, рассматривая вопрос об использовании детерминативов в экзистенциальных предложениях, он учитывает в интерпретации примеров и коммуникативную перспективу, хотя акцентирует внимание на различии в типах детерминативов. Остановимся на этом вопросе.

Г. Милзак разбивает различные детерминативы английского языка (под детерминативами понимаются артикли, местоимения *some, any, each, all, every* показатели множественного числа, числительные) на две группы. Первую группу составляют детерминативы, выражающие чисто количественную (числовую) характеристику. Сюда Милзак относит неопределенный артикль, числительные, а также *any, some, many* в тех случаях, когда они употребляются для передачи указанной информации. Вторую группу составляют детерминативы, определяемые как квантификаторы. В эту группу включаются показатель определенности¹, детерминатив множественного числа в универсальном прочтении и местоимения *all, every, each, some of, some (v.s. others), many (v.s. others), most*. Разница в значении между чисто количественными (числовыми) детерминативами и квантификаторами поясняется через сопоставление следующих примеров: (1) *Sm unicorns appeared on the horizon* (*sm* — символизирует чисто количественное *some*) и (2) *Some (of the) unicorns appeared on the horizon*. Предлагается следующее толкование значения (2): 'Если мы думаем, что выражение такое, как *unicorns* (единороги), обозначает класс или множество, и если мы далее думаем о *appeared on the horizon* (появились на горизонте) как о предикате по отношению к некоторым из членов множества, мы рассматриваем единицу *some (of the)* как оператор, действие которого распространяется на множество и функция которого заключается в том, чтобы отобрать некоторое количество членов множества, по отношению к которым справедлива предикация [Milsark 1977, 22]. Напротив, предложение (1) представляет собой сообщение "о горизонте, а не о каких-то определенных единорогах, и говорит о том, что акт появления известен, и что в этом акте участвовало неопределенное количество единорогов" (там же, 22). По мнению Милзака, в этом последнем предложении *sm* не является оператором над множеством, показывающим, какую часть составляют те члены, по отношению к которым справедлива предикация.

¹Выражение "имя с показателем определенности" мы условно относим и к имени с определенным артиклем, и к имени собственному, и к местоимениям типа *he, she* и т.д.

Проведенное деление на кванторные и чисто количественные ("числовые") квантификаторы позволяет Г. Милзаку объединить различные запреты на употребление детерминаторов в конструкции "there is Y": в этой конструкции употребляются только числовые (количественные) детерминаторы, но не кванторные операторы. что, в свою очередь, связано с тем, что в данной конструкции в качестве темы сообщения выступает описываемое пространство.

Нам представляется важным свидетельство Г. Милзака о том, что предложения с некванторным some могут быть ориентированы на пространство. Интересно и само различие между кванторными и некванторными показателями, хотя, как мы попытаемся показать, оно может быть интерпретировано несколько иначе. Так, вряд ли оправданно приравнивать определенный артикль к квантору всеобщности. Такая интерпретация всех случаев употребления этого артикля и вообще имен с показателем определенности представляется далеко не очевидной и, скорее, противоречащей интуитивному восприятию. Например, предложение John is in the garden вряд ли воспринимается как сообщающее, что количество участников ситуации равно общему количеству членов совокупности, причем это количество равно одному. Скорее всего, имя собственное не характеризует свой денотат как член класса. Далее, в гипотезе Г. Милзака, неопределенный артикль рассматривается прежде всего как показатель числа. Однако вторая функция, которую выполняет неопределенный артикль, или, как мы бы сказали, второй компонент его значения: указание на то, что именная группа представляет актанта ситуации как член класса, не позволяет, как нам представляется, считать его просто числовым детерминатором и ставит его в прямую оппозицию с определенным артиклем, который показывает, что именная группа дает актанту ситуации индивидуализирующую характеристику (вообще или в рамках учитываемой говорящим ситуации)². Таким образом, мы полагаем, что рассматриваемые единицы не всегда подпадают под противопоставление "квантовые/числовые". Кроме того, как неоднократно отмечалось, имя с показателем определенности, и даже такие местоимения, как everything, могут при некоторых условиях употребляться в конструкции there is Y. Все это дает основание для поиска новых гипотез относительно характера признака, определяющего возможность/невозможность для детерминатива употребляться в исследуемой конструкции.

² В лингвистической литературе до настоящего времени даются разные определения значения и/или функции определенного артикля [см. обзор литературы: Krůnský 1972; Christophersen 1939; Burton-Roberts 1976; Hawkins 1981]). Нам, однако, представляется, что толкование определенного артикля как показателя того, что именная группа дает индивидуализирующую характеристику, достаточно точно отражает его значение, если иметь в виду, что именная группа может быть представлена в эллиптической форме (как в предложениях типа the author is unknown) и что характеристика может становиться индивидуализирующей в рамках некоторой ограниченной ситуации, учитываемой в акте общения.

Такая гипотеза рассмотрена в гл. IV. Более полно ее можно сформулировать так: для выбора модели "there to be" необходимо, чтобы Y либо был представлен как член некоторого класса, отличного от того пространства, о нахождении в котором идет речь, либо был представлен как элемент этого пространства, причем в качестве пространства здесь может выступать и множество, и класс, и ситуация. Таким образом, предполагается, что модель "there to be" сообщает не только о наличии Y-а, но и требует представления Y-а как элемента какого-то класса или множества или ситуации. Вследствие характера информативной структуры отнесенность к классу или множеству входит здесь в состав утверждаемого, т.е. сообщается о включенности, принадлежности к данному классу, множеству, ситуации. В отличие от этого в модели "Y V Loc" в случаях, когда порядок слов соответствует коммуникативной перспективе и Y представлен как член класса или множества, отнесенность к этому классу или множеству выступает как заданная, данная и, таким образом, последующая характеристика Y-а через предикат выполняет функцию выделения Y-а из множества, класса [Селиверстова 1977]. Этим и можно объяснить ограничения в употреблении кванторов типа some of в экзистенциальной модели, что было показано Милзаком. Однако здесь нельзя говорить о полном запрете на употребление. Использование слов, которые Милзак называет кванторными, становится возможным, если денотаты соответствующих именных групп рассматриваются как элементы каких-то более широких множеств или ситуаций. В гл. IV приведены примеры употребления в модели "there to be" имен собственных и именных групп с определенным артиклем, денотаты которых были представлены как элементы множеств или как составные части ситуаций. Рассмотрим еще некоторые примеры: "Besides, it's Dad I'm really thinking about". — "Yes, there's Dad" (J. Priestley) "Кроме того, я думаю об отце". — "Да, нельзя не думать об отце" (отец входит в число тех, кого необходимо учитывать в сложившейся ситуации); Then there was the war. Toby got the V.C. in the Dardanelles and turned respectable [Waugh] 'Затем наступила война. Тоби получил орден Святой Виктории за участие в военных действиях в Дарданеллах и превратился в respectable человека' (в тексте перечисляются события, оказавшие влияние на судьбу героя); There is this nasty fussiness with the government 'А тут еще эта шумиха в связи с правительством' (в зависимости от контекста здесь допустимы разные переводы).

Судя по материалу, употребление собственно кванторных выражений также становится возможным, если в качестве пространства выступает не то множество, по отношению к которому эти выражения выполняют свою "кванторную" функцию, а какое-то более широкое пространство, в которое денотат именной группы входит в качестве элемента. Так, предложение There was everyone asleep (пример взят из: [Erdmann 1976]), как показал опрос информантов (3 чел.), соответствует норме, если тот факт, что все присутствующие спали, рассматривается как часть какой-то более общей

ситуации. Подобным образом можно интерпретировать и предложение There are several of his friends in China (пример из кн.: [Quirk 1979, 421]. "Нахождение" друзей в Китае — элемент более широкой ситуации, например, ситуации, связанной с возможным переездом в Китай³.

Кроме того, употребление именных групп с показателем определенности соответствует норме в тех контекстах, где значение определенности может соединяться с неиндивидуализированным представлением актанта ситуации, а именно с представлением его как одного из членов класса⁴. Случаи подобного типа рассматривались в работах [Есперсен 1958, 155; Bolinger 1977, ch. V, § 5]:

In Brown's room there was the greatest disorder 'В комнате Брауна был страшный беспорядок'.

The waters had healed me and there was the taste of potatoes in my mouth (Golding) 'Воды помогли мне, и теперь я опять чувствовал вкус картофеля' (букв.) 'во рту был вкус картофеля'.

В связи с этими случаями употребления определенного артикля Д. Болинджер считает необходимым различать семантическую определенность (известность) и грамматическую определенность. Так как в нашей работе термины "грамматический" и "семантический" не противостоят друг другу, мы говорим о двух семантических значениях определенности: во втором из них объект отнесен к подклассу, противопоставленному другим подклассам.

Вероятно, информация о включенности в класс реализуется и в следующих выделенных Д. Болинджером случаях:

1) *Behold! There stands before you Christ! 'Смотри! Перед тобой стоит Христос!'; 2) Behold! There stands before you the Son of God! 'Смотри! Перед тобой стоит Сын Божий!'; 3) 'Behold! There stands before you the king! 'Смотри! Перед тобой стоит король!'; 4) Behold! There stands before you the king himself! 'Смотри! Перед тобой стоит сам король!'

Д. Болинджер объясняет правильность второго и четвертого предложения скрытой предикацией: 'Тот, кто стоял, был сам король'. Возможно, однако, здесь предполагается и первоначальная идентификация Y-а как члена класса: 'Перед тобой стоит человек, который и есть король'.

Отнесенность к классу может служить и причиной употребления кванторных выражений в конструкции "there to be". Так, предложение There was everything in the box 'Чего только не было в коробке' можно интерпретировать как сообщение о том, что находящиеся в коробке вещи относились к самым разнообразным классам предметов.

Иногда утверждается, что кванторные слова не употребляются и с глаголом exist [Moore 1959, 117]. Так, нельзя сказать. *All tame tigers exist 'Все ручные тигры существуют'. Представ-

³ Сделанные утверждения, однако, требуют более полной проверки.

⁴ Подчеркнем, что члены класса в отличие от элементов множеств других типов не могут быть представлены индивидуализированно.

ляется, однако, что здесь имеет место прагматический, а не семантический запрет. Цель высказываний, подобных приведенному, заключается в том, чтобы сообщить, может ли в принципе класс объектов с таким-то набором свойств иметь данный предикативный признак, т.е. в фокусе внимания класс как целое. Если же утверждение о существовании имеет смысл и в отношении отдельных членов, глагол *exist* употребляется со словом *all*. Так, можно сказать: *All the members of this group existed*. Ср. рус.: *Все члены этой группы действительно существовали*. См. также: *Некоторые члены этой группы действительно существовали, а остальные придуманы*.

Таким образом, отмеченная особенность присуща именно конструкции "*there is Y*", а не экзистенциальным предложениям вообще.

Итак, рассмотренные данные свидетельствуют в пользу того, что конструкция "*there is Y*" сообщает о наличии *Y*-а в таком пространстве, частью которого он является, т.е. чаще всего, в пространстве класса, множества. Если не будут найдены какие-то условия, которые влияют на выбор конструкции "*there is Y*" независимо от выделенного признака, то можно утверждать, что случаи неупотребляемости имени с показателем определенности в конструкции "*there is Y*" зависят от признака "включения/невключения" *Y*-а в множество, класс или в какой-то другой тип пространства в качестве его части.

Исключение, составляет только употребление в конструкции "*there is Y*" местоимений *somebody* (-one), *something*; *anybody* (-one), *anything* — в негративном значении.

В главе III было показано, что модели со словом *есть* в русском языке также, как правило, несут информацию не только о наличии *Y*-а, но и о включенности его в множество. Таким образом, как уже указывалось выше, обнаруживается глубинное сходство между английской конструкцией "*there is Y*" и русскими моделями со словом *есть*. Различие, однако, заключается в том, что в русском языке речь идет о включении не в класс, а в множество, которое "запрограммировано быть" в описываемом пространстве. Распространение данного признака на класс, возможно, обусловлено тем, что в английском языке в связи с наличием артиклей более четко выступает идея принадлежности к классу. Включенность в класс, в множество в свою очередь, по-видимому, является проявлением более общего признака, предполагающего более глубокую, чем простое нахождение, связь объекта с пространством. Это также сближает конструкцию "*there is Y*" с русской моделью "*Loc есть Y*".

2. ФАКТОР ВРЕМЕНИ

В ЗНАЧЕНИИ КОНСТРУКЦИИ "*THERE TO BE*"

Характер временной отнесенности предложений с *there* в большой степени зависит от типа описываемого пространства и, таким образом, не полностью совпадает, а иногда и сильно различается при реализации разных вариантов этих предложений.

Модель "There is Y + Part I" (Part I — причастие первое, выступающее в роли вторичного предиката) сообщает о наличии-протекании события в некоторый момент его обнаружения говорящим и этим или иным персонажем художественного произведения. Наличие события в описываемом пространстве может также рассматриваться в рамках того временного момента, который определяется осуществлением другого события. В пользу сделанного утверждения говорит то, что данная модель не употребляется для описания действия в его продолжительности [Арипшева 1983, 86]. Можно сказать: *There was a girl standing at the corner* 'На углу стояла девушка', но не: **There was a girl standing at the corner for ten minutes* '*На углу стояла девушка десять минут'. Сделанное утверждение подтверждается и следующими ответами информантов: сопоставляя предложения *Did you know there was somebody standing at the corner?* 'Ты заметил, что на углу кто-то стоял?'; *Did you know somebody was standing at the corner?* 'Ты заметил, что кто-то стоял на углу?'; трое опрошенных отметили, что первое предложение более четко "привязано" к моменту обнаружения события (русский перевод не передает этой особенности английских предложений). Далее, предложения, построенные по модели с *there*, не получают обобщенную интерпретацию. Их денотат может быть представлен лишь как простая сумма отдельных случаев. Обозначаемое событие не может быть рассмотрено и с позиций той временной точки, когда оно уже завершено (или будет завершено). Событие всегда описывается во время его протекания. Вследствие этого модель с *there* не может быть поставлена в такой контекст: *She gave a startled cry. "What's the matter?" he asked. "Someone just tried the door"* (Maugham) 'Она испуганно вскрикнула. "Что случилось?" — спросил он. "Кто-то попытался открыть дверь"'. Нельзя сказать: **There was someone trying the door*, или даже при замене глагола **There was someone standing at the door*, если говорящий не описывает момент, когда он увидел (осознал) осуществление события, а сообщает о нем как о завершившемся факте (говорящего волнуют последствия случившегося). Предикат анализируемой модели не может стоять и в перфектной форме, независимо от того, используется ли она для акцентирования внимания на результате или на том, что действие началось в какой-то момент времени и продолжается до настоящего (**There has been a girl standing at the corner for half an hour*).

Другой тип временной соотнесенности реализуется в предложениях, в которых в функции пространства выступает класс, система, множество и т.п.: *There are those who believe it* 'Есть такие люди, которые этому верят'. Эти предложения, не описывая протекания во времени, могут относиться и к какому-то определенному периоду, например, "сейчас, в наше время", и ко всему периоду существования человечества. Напротив, если речь идет о "присутствии" где-то, то высказывание не получает обобщенного характера (п. 2.2).

⁵ Здесь имеется в виду не соотнесение события с моментом речи, а выбор точки в рамках настоящего, прошлого или будущего, с позиции которой представлено событие (о двух временных точках, учитываемых при описании события, см.: [Падучева, 1986]).

Общей чертой почти всех анализируемых предложений является неупотребляемость в перфектной форме и неспособность сочетаться с временными выражениями, вводимыми предлогами *for, from... till*. Так, нельзя сказать: **There was a man in the garden for two hours* 'В саду был человек в течение двух часов'. Однако есть исключения. Так, глагол *be*, в перфектной форме, может указывать на продолжительность событий при отглагольных существительных: *There has been rioting in Belfast* (пример взят из: [Walter 1974]) 'В Белфасте были волнения последнее время'; *There has been a lot of building here lately* 'В последнее время здесь много строят'.

В работе Г. Милзака [Milsark 1976] показано, что в конструкции *there* в постпозиции после имени могут выступать предикаты, обозначающие состояния (*sick, drunk, closed/opened* и т.д.), а не предикаты, обозначающие свойства (*tall, intelligent/stupid, fat/skinny* и т.д.). Например: (*After the banquet*) *there were several people sick* 'После банкета несколько человек заболело', но нельзя: **There are linguists intelligent* '*Есть лингвисты умными'. Это ограничение в употреблении Г. Милзак связывает с тем, что предикаты со значением свойства могут относиться только к именованным группам с "сильным" детерминативом (т.е. с детерминативом, указывающим на отношение подгруппы к целому: *some of, many of* и др. или с квантором всеобщности). Так, он оценивает как неправильные предложения типа *A man is intelligent* 'Человек умен', *People were clever in those days* 'Люди были тогда умны', если имя не получает генеративного прочтения. Таким образом, нетрансформируемость предложений типа *Linguists are intelligent* в **There are linguists intelligent* объясняется, как считает Милзак, общим правилом, в соответствии с которым трансформацию не допускают предложения с квантификаторами. В п. 1.1 мы уже говорили о том, что есть условия, при которых употребление кванторных слов в конструкции "*there to be*" вполне закономерно. Таким образом, даже если рассматривать предложения с *there* как трансформы, что само по себе представляется маловероятным, предложенное правило нельзя считать общим, что заставляет искать возможность и других объяснений наблюдаемого явления. Одно из таких объяснений было предложено М. Ламсденом [Lumsden 1988], который использовал понятие стадии существования объекта для толкования рассматриваемого запрета. По его мнению, при предикате состояния характеризуемый этим состоянием объект представлен в одной из стадий своего существования. Напротив, свойство относится не к стадии существования объекта, а к объекту как целому. Нам представляется, что можно предложить более простое объяснение, учитывающее только свойства самих предикатов. В функции вторичного предиката в английском языке вообще не употребляются предикаты свойства⁶. Можно сказать: *I saw a girl running along the road* 'Я видел, что девочка бежала по дороге', но

⁶ В предложениях типа *The sun rose red* прилагательное рассматривается как приложение.

не: *I saw a girl tall *Я видел девочку высокой'. Вероятно, это объясняется тем, что предикат свойства не представляет свой денотат ни как длящийся, развивающийся во времени, ни как результат такого развития (гл. I, п. 3), т.е. не имеет признаков, присущих вторичному предикату в английском языке. Кроме того вторичный предикат обязательно требует, чтобы время протекания на которое он указывает, совпадало бы с временной характеристикой основного предиката. Свойства же обычно относятся к более широкому периоду времени, на что также обращали внимание Милзак и Ламсен. Указанные две причины и объясняют как представляется, неправильность предложений типа *There were men tall on the shore *На берегу были мужчины высокими', а также There were men short in the XVI century 'В XVI веке были мужчины невысокими'. Последнее предложение удовлетворяет принципу временного соответствия, но нарушает первое из перечисленных условий.

Предложения типа There were men tall enough to play basketball 'Там были мужчины достаточно высокие для того, чтобы играть в баскетбол', отмеченные Милзаком, не составляют исключения, так как здесь слово tall входит в состав определительной группы. Своеобразие этих предложений заключается только в том, что в них возникают условия, позволяющие поставить определительную группу в постпозицию.

3. РАЗЛИЧИЯ В КОММУНИКАТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Основное различие между моделями "there V Y (Loc)" и "Y V Loc", если в последней модели формальная структура соответствует семантической, заключается в том, что первая модель ориентирована на характеризацию группы "there V" (т.е., если ее рассматривать в семантическом плане, — на предикат наличия), а вторая — на Y. Локативная группа, не стоящая в препозиции, и в той и в другой модели выполняет функцию X^{щего} (о понятиях X^{щес} и X^{мос} см.: гл. II, п. 2).

Кроме того, способность модели "Y V Loc" выражать чисто локативное значение влияет иногда на построение ее информативной структуры в условиях, где соотношение "известного"/"нового" задано нечетко.

Эти различия связаны с другими более частными особенностями исследуемых моделей, которые и будут частично рассмотрены.

3.1. Представление о наличии потенциальных участников как условие выбора модели "Y V (Loc)"

Модель "Y V (Loc)" выбирается, если описываемое действие или нахождение кого-то где-то запланировано, ожидается и, следовательно, предполагается заранее известным наличие каких-то потенциальных субъектов ситуации [Селиверстова 1977]. Вероятно, это условие относится только к тем случаям, когда Y выражен неопределенным или отрицательным местоимением. Например, все

опрошенные (6 чел.) отмечали, что они употребили бы модель без конструкции с *there* в следующей ситуации: работающие в саду, среди прочих действий должны полить цветы. Фермер хочет узнать, выполняет ли кто-нибудь данное запланированное действие. Он говорит: *Go and see if anyone is watering the flowers*. Напротив, если говорящего просто почему-то интересует, осуществляется ли в данную минуту указанное действие (это действие не запланировано, или говорящий просто не думает о том, запланировано оно или нет), он выбирает конструкцию с *there*. См. также: *There was no one waiting* (говорящий просто сообщает о том, что он обнаруживает); *No one was waiting* (говорящий хочет сказать, что никто не выполнил данную функцию); *Was any one around?* (предполагается, что кто-то должен был быть, и выясняется, был ли он) и *Was there anyone around?* (было ли место пусто или нет?).

Данное различие в употреблении, установленное в результате варьирования денотативных ситуаций в процессе работы с носителями английского языка, согласуется и с собранным из художественной литературы материалом. Например: *John, Susan, Titty and Roger had been at the window with the parrot as the train came into the little station, thinking that their old Allies, Nancy and Peggy Blackett, would be at the platform to meet them... But no one had been there* (A Ransome) 'Джон, Сузан, Тити и Роджер вместе со своим попугаем стояли у окна, когда поезд подошел к их маленькой станции. Они думали, что их старые союзники Нэнси и Пегги Блэкит придут их встречать, но там никого не было' (букв. 'но никого не было там').

Если описывается ожидаемое действие, которое должно произойти в некотором заданном пространстве, имеются две логические возможности построения высказывания: ориентировать предложение на пространство, поскольку оно известно, задано, ориентировать предложение на субъект, поскольку пресуппозиция об ожидаемости действия позволяет построить это предложение как ответ на вопрос, кто стал субъектом действия. В русском языке чаще используется первая возможность: *Поезд подошел к станции, но там никого не было*. В английском, напротив, предпочтение отдается второй возможности, как было показано. В предложениях типа *No one was there* новую информацию несет подлежащее, вместе с тем оно выступает как Осн. $X^{мос}$ предложения, а предикат и локативный член

выполняют функцию $X^{ших}$ (No one was there).

Таким образом, приведенные примеры говорят о необходимости ограничивать известное и новое, с одной стороны, и отправную точку сообщения (характеризуемое) и характеризующее — с другой. Эти примеры показательны также как свидетельства многократности отношения характеристики. Для понимания специфики данных предложений существенно и то, что они не членимы на тему и рему в том смысле, в каком эти понятия были определены в данной работе (гл. II, п. 2.1). Здесь характеристика субъекта

через данный предикативный признак не устанавливается в процессе речи, а берется как заданная (она известна из предшествующего контекста). Таким образом, предложение коммуникативно нечленимо. Оно выступает как сложное характеризующее по отношению к ролевой позиции субъекта ожидаемого действия указание на которое содержится в лингвистическом или экстралингвистическом контексте.

Пресуппозиция об ожидаемости события относится к числу фактов, определяющих логические связи текста, которые, в свою очередь, влияют на выбор характеризуемого последующего текста. Для иллюстрации других случаев проявления влияния логических связей приведем только один пример. Предложение *Если у вас нет способностей, то никто вам не поможет* нельзя преобразовать в **... то нет никого, кто вам поможет*. Выбор экзистенциальной модели нарушает логическое построение текста, поскольку заставляет понять его как сообщение, что отсутствие способностей у адресата речи приводит к тому, что не существует человека с указанным свойством.

3.2. Роль фокуса контраста

Предложение может быть ориентировано на субъект при описании ситуаций, в которых важно акцентировать внимание на том, кто именно субъект действия (имеется в виду идентификация до уровня индивида или до уровня класса), а не на самом наличии/отсутствии.

3.2.1. Акцентирование внимания на том, кто осуществил событие, может быть вызвано желанием говорящего противопоставить субъект действия какому-то другому потенциальному субъекту ("контрастное парадигматическое выделение со значением X, а не Y" [Николаева 1979, 45]). Для материала, исследованного в данной главе, оказалось важным выделить следующий подтип противопоставления: акцентирование внимания на заполненности актантной позиции, причем именно не идентифицированным Y-м, т.е. какой-то Y, но обязательно тот самый Y. Например, один из информантов дал следующий контекст взаимозамены сопоставляемых нами моделей: "Is Mrs. Smith in?" — "I don't know but(a) somebody is in there или(б) but there's somebody in there". "Дома миссис Смит?" — "Я не знаю, но кто-то там есть". Как показало дальнейшее исследование, ответ а) означает, что говорящий хочет подчеркнуть, что он не может идентифицировать субъект ситуации (кто-то, но обязательно миссис Смит); ответ(б) показывает, что говорящий подчеркивает наличие в отличие от отсутствия. Подчеркнем, что в ответе (а) somebody совмещает в себе функции X^{мого} по отношению к последующей части ответа и X^{шего}, по отношению к неявно введенной позиции субъекта ситуации 'находиться где-то': учет в построении речи этой позиции виден из ответа, в котором сообщается не только о миссис Смит, но о заполненности данной позиции тем или иным лицом. Именно выполнение функции X^{шего} и позволяет somebody стоять в позиции парадигматического конт-

раста. См. также: "Who's going to the races?" — "I don't know. But somebody is going there" "Кто идет на скачки?" — "Я не знаю, но кто-то идет" (здесь вообще нельзя сказать *But there is somebody going to the races).

3.2.2. Отметим еще одну особенность конструкции "*there to be*", которая проявляется при употреблении в придаточном условном или временном, соотносимом с некоторым множеством случаев. При выборе в этих условиях модели "*Y V*", где *Y* обозначен именем с неопределенным артиклем, предложение воспринимается, судя по ответам информантов (4 чел.), как сообщающее об одном и том же *Y*-е. Например: If a woman is in one's thought all day one should not have to dream of her at night (G. Greene) 'Если женщина ни на минуту не выходит у тебя из головы весь день, то по крайней мере ночью она могла бы тебе не сниться'. Хотя предложение представлено в обобщенной форме вследствие употребления слова *one*, фактически оно относится к герою повествования и речь идет о любимой им женщине. Распространение данного утверждения на другие лица не снимает однозначного соответствия между актантами ситуации (в мыслях каждого мужчины присутствует одна женщина, а не та или иная). Напротив, если употребляется конструкция "*there to be*", предложение показывает, что предмет мысли относится к классу женщин, но не предполагается, что это обязательно должна быть одна и та же женщина. На справедливость данной интерпретации указывает то, что все опрошенные предпочитали заменять местоимение *her* на *them* в приведенном примере: If there is a woman in one's thought all day one should not have to dream of them at night 'Если ты целый день думаешь о женщине' (букв. 'Если целый день в твоих мыслях женщина), то по крайней мере ночью ты мог бы не видеть ее во сне'. В русском языке данное различие проявляется менее четко, как видно из переводов. Однако при постановке "нового" в последнюю позицию усиливается вероятность интерпретации предложения и как допускающего альтернативу (та или другая женщина), что особенно очевидно при буквальном переводе.

Рассмотрим еще пример: He said this on every week day occasion when she tried to do something about her natural feeling that he should not do things like seeing to the tea when there was a woman at hand to do it [Amis] 'Он повторял это каждый раз, когда в ней пробуждалось естественное женское чувство, говорившее ей, что мужчина не должен заниматься такими вещами, как например, приготовление чая, когда рядом есть женщина (та или иная женщина)'. Ср.: ...when woman is at hand to do it 'когда женщина рядом'.

Рассмотренное различие в восприятии можно объяснить прежде всего тем обстоятельством, что при выборе модели "*Y V*" *Y* (т.е. слово, обозначающее *Y*) не попадает в позицию контраста и, таким образом, не происходит противопоставления членов одного класса членам других классов (например, женщина, а не мужчина). Напротив, вследствие дальнейшей характеристики *Y*-а через предикат происходит выделение его из членов того класса, к которому он от-

носятся. В отличие от этого при постановке *Y*-а в последнюю позицию он оказывается в фокусе контраста и, таким образом, противопоставляется только членам других классов. Это и способствует возникновению представления, что учитывается лишь отнесенность к классу, а не выделение отдельного представителя класса.

Другие случаи употребления модели "*Y V (Loc)*", которые могут быть объяснены противопоставительной функцией этой модели, были отмечены Р.С. Арипшевой [1983] при исследовании модальных предложений. Сопоставим, например, предложения: а) *Is there anything else that I can tell you?* и б) *Can I tell you anything else?* Один из опрошенных дал следующую их интерпретацию: а) *Do you want any more information on the subject?* и б) *Is there any other subject you would like me to talk about?* Иными словами, в предложении (а) говорящий хочет установить наличие или отсутствие какой-то дополнительной информации, которая интересует слушателя по теме разговора; напротив, в предложении (б) говорящий противопоставляет новую тему сообщения предыдущей (что-то другое в отличие от того, что говорилось до сих пор). Такое толкование подтвердилось и при опросе других информантов.

Противопоставительной функцией можно объяснить и особенность распределения моделей в подобных предложениях при *Y*-е, выраженном неопределенным местоимением с определением. Добавление местоимения в модели "*Y V (Loc)*" противопоставляет Y_1 , обладающий свойством *A*, *Y*-у₂, имеющему противоположное свойство. Так, например, в контексте: *He's got a bee in his bonnet about the man Kent, but who knows — there may be something useful behind it* 'Он настроен против этого Кента, но кто знает — может быть, в этом что-то есть' (букв. 'есть что-то полезное') всеми опрошенными (3 чел.) отдавалось предпочтение конструкции "*there is*", хотя выбор модели "*Y V (Loc)*" также считался допустимым: *something useful may be behind it* (средний балл — 3). Предложение без *there*, как мы полагаем, противопоставляет наличие чего-то полезного не его отсутствию, а наличию чего-то бесполезного (внесение такого акцента логически менее естественно в приведенном контексте, чем и можно объяснить оценку в три балла).

3.2.3. В лингвистической литературе обращается внимание на следующую особенность предложений, построенных с *there* и без него [Lunsden 1988, 39]: после глаголов пропозициональной установки предложения с *there* допускают только "непрозрачное" прочтение, т.е. квантор существования входит в область действия глагола пропозициональной установки. Напротив, в этих условиях, предложения, построенные по модели без *there*, допускают варьирование в области действия операторов. Ср.: *John thinks that someone is in the garden* 'Джон думает, что кто-то в саду' и *John thinks that there is someone in the garden* 'Джон думает, что в саду кто-то есть'. Первое предложение допускает две интерпретации: [(Существует *X*) *X* — человек, и Джон думает, что *X* в саду] и [Джон думает, что существует *X* (*X* — человек и *X* — в саду)]. Второе предложение, напротив, имеет только последнее прочтение.

Использование квантора существования в качестве метапонятия не представляется нам вполне удачным: он не полностью адекватен языковым значениям [Селиверстова 1988, гл. II, п. 3]. Квантор существования, в частности, не позволяет раскрыть различие между информацией о наличии в некотором пространстве (E_{x_2}) и о существовании в собственном смысле слова (E_{x_1}). Семантическую структуру предложений нам представляется более оправданным интерпретировать через введение "ролевых" позиций, связанных с синтаксической моделью, и указанием на их заполнение. Так, предложение *Кто-то в саду* сообщает о том, что субъект, который остается неидентифицированным, характеризуется как тот, кто находится в саду. Существование и сада, и того, кто в саду, предполагается как очевидное: чтобы находиться где-то, надо существовать. Тот факт, что ложность утверждения *Кто-то был в саду* необязательно означает ложность того, что "кто-то" выступил в роли субъекта объясняется, как представляется, тем, что и в несобственно локативных контекстах модель "*Y V Loc*" не исключает локативно-го прочтения как одного из вариантов. Так, можно сказать: *Я думала, что кто-то был в саду, а этот "кто-то" был в доме*. Модель с конструкцией "*there to be*" не допускает такой альтернативы.

Остановимся на употреблении модели "*there is Y in S₁*" в тех случаях, когда Y представляет собой подмножество множества M , наличие которого предполагается в пространстве S , частью которого является S_1 . В этих условиях модель с *there* не употребляется, если Y противопоставлен другим подмножествам M по месту своего нахождения. Такое противопоставление делает предметом сообщения все множество M в целом, в результате чего высказывание строится по локативной модели: 'где был кто'. Например, в предложении *While it was raining some of the passengers were on deck and others were in the cabins* 'Пока шел дождь, некоторые из пассажиров были на палубе, а другие оставались у себя в каютах' нельзя добавить конструкцию "*there is Y*". Напротив, при отсутствии противопоставления выбирается модель с '*there*: *There was (were) a number of passengers on deck when it started raining* 'На палубе находилось несколько пассажиров, когда начался дождь'.

3.3. Экспрессивное значение модели "*Y V Loc*"

3.3.1. Есть некоторые экспрессивные значения, которые связаны с выполнением функции $X^{мог}$. Мы рассмотрели эти значения только в условиях диалогической речи в высказываниях "обнаружения", т.е. в высказываниях, цель которых — сообщить, что увидел, обнаружил говорящий в некотором месте S_1 в момент t_1 . К числу таких экспрессивных значений относится информация "странно, удивительно, что Y является субъектом описываемого действия". Так, например, информанты отметили (5 чел.), что предложение *Did you know a woman was selling oranges at the Metro station* может быть понято как выражающее удивление говорящего по поводу того, что данное действие — продавать апельсины у метро — осуще-

ствляет женщина, и на этом основании отдавали предпочтение фразе *Did you know there was a woman selling oranges at the Metro station.*

Такое экспрессивное употребление обычно имеет место в опосредованной речи (момент речи и время осуществления события не совпадают) и, как правило, не распространяется на предложения, сообщающие о нахождении кого-то где-то, т.е. имеющие глагол *be* в качестве предиката. Так, предложение *?Did you know a black man was in the garden?* (предполагалось, что речь идет о месте, где не живут обычно негры) оценивалось как не вполне правильное и предпочтение отдавалось фразе: *Did you know there was a black man in the garden?* Возможно, однако, модель *"Y is Loc"* может использоваться для выражения рассматриваемого экспрессивного значения при расширении локативной группы [Прозорова, 1989, 93].

В условиях непосредственной речи (т.е. если момент речи и время осуществления события совпадают) модель *"Y V Loc"* обычно не употребляется. Предпочтение отдается модели с *there*. Экспрессивное значение при этом выражается интонацией: *Look! There's a black woman selling oranges at the station.* Употребление мн. ч. и особенно числительных при именной группе, по-видимому, расширяет возможности употребления модели *"Y V Loc"*.

3.3.2. Модель *"Y V (Loc)"* может акцентировать внимание и на характере действия: 'важно, драматично', что имеет место данное действие. В первой позиции здесь часто стоят неопределенные местоимения, существительные в мн. ч. Например: *Somebody's running across the road* 'Кто-то перебегает дорогу'; *Children are playing in the car park* 'Дети играют на проезжей части'. Ср. также: *Look! Somebody's walking along the path* 'Смотри! Кто-то идет по дороге' (это, например, опасно для идущего или говорящего). Ср., напротив: *Look! There's somebody walking along the path* (констатация факта).

Однако объективная значимость для описываемой ситуации того, какое именно действие имеет место, необязательно исключает выбор модели с *there*. Эта модель в данных условиях может быть выбрана, если говорящий хочет подчеркнуть наличие события в отличие от его "отсутствия" (акцентирование внимания на наличии обычно обусловлено тем, что собеседник сомневается в том, что это событие имеет место, или не знает, что оно имеет место, хотя и должен был бы знать, т.е., скорее всего, делает вид, что не знает). Например: *"I don't hear anything"*. — *"There's something moving outside"*. — *"I still don't hear"* (Golding) 'Я ничего не слышу'. — *"Снаружи что-то двигается"*. — *"И все же я ничего не слышу"*; *Move along the bus. There are more people trying to get on* 'Проходите. Еще не все сели' (букв. 'Есть и другие, пытающиеся войти').

Предпочтительность выбора модели *"Y V (Loc)"* при акцентировании внимания на информации о действии ('важно, драматично', что имеет место именно данное действие) можно объяснить тем, что здесь существенно охарактеризовать не пространство через осуществляемое в нем действие, а субъект через это действие, поскольку оно прежде всего затрагивает сам субъект.

Модель "there is Y" может также использоваться при акцентировании внимания на действии ('важно, драматично'). Эмфатическую функцию при этом выполняет интонация. Выбор конструкции с there может диктоваться дополнительными запретами на употребление модели "Y V Loc", в частности некоторыми ограничениями, связанными с постановкой в первую позицию именной группы с неопределенным артиклем (точные условия действия этих ограничений в работе не устанавливались).

Только модель "there V Y" употребляется, если акцентируется внимание не на важности, значимости действия, а на том, что речь идет именно о таком действии, а не о каком-то другом, т.е. предложение служит возражением против явного или неявного утверждения о другой качественной характеристике действия.

3.4. Модель "Y V (Loc)" в сложносочиненном предложении

Перечисленные условия употребления модели "Y V (Loc)" меняются, если предложение, построенное по этой модели, входит в состав сложного предложения, либо в группу простых или сложных предложений, используемых для описания одновременных или следующих друг за другом событий (поток событий).

3.4.1. Выбор модели "Y V (Loc)" становится возможным, даже в условиях непосредственной речи при неопределенной именной группе, если добавляется указание еще на одно действие, совершаемое тем же субъектом. При этом информация об эмфатическом выделении субъекта исчезает, но информация об эмфатическом выделении действия может сохраняться. Так, при сопоставлении предложений Mummy! There's a woman walking along the path and she's behaving in a strange manner и Mummy! A woman's walking along the path and she's behaving in strange manner 'Мама! По дороге идет какая-то женщина, которая как-то очень странно себя ведет' одна из опрошенных отметила, что второе предложение показывает, что говорящий заинтересован, с напряжением следит за действием, иными словами, придается какая-то значимость тому, что совершает X. Напротив, первое предложение чисто информативно: говорящий просто сообщает о том, что он видит (при нейтральной интонации).

Отметим, что рассмотренное условие не распространяется на предложения, в которых в функции предиката выступает глагол be, не имеющий при себе причастной группы. Например, предложение 'Look! A woman's on the roof and she wants to jump off' 'Посмотри! Женщина на крыше. Она хочет прыгнуть' не соответствует норме. Такое предложение было бы нормативным, если бы описывалась не реальная, а воображаемая ситуация. Так, можно сказать: Look! A monkey is on a roof and it wants to get down. What does it have to do? 'Обезьяна на крыше и хочет спрыгнуть. Что она должна сделать?' Ситуации, описываемые в данном типе речи, могут быть представлены либо как обобщения, не связанные с конкретным моментом времени, либо как воображаемые, но конкретные случаи, которые могли бы иметь место в какие-то определенные моменты времени. При представ-

лении ситуации как обобщения выбирается модель без слова *there*, так как здесь нет конкретной временной локализации (п. 2). При втором подходе к описанию используется конструкция "*there is Y*".

3.4.2. Рассмотрим употребление анализируемых моделей при описании потока событий.

Выбор модели "*Y V (Loc)*" становится предпочтительным при описании событий, непосредственно не протекающих перед глазами в момент речи, если речь идет о серии следующих друг за другом событий, совершаемых одним и тем же или разными субъектами и относящихся к прошедшему времени, причем важен результат, к которому привела эта серия действий. Например: A.—*You've had a whole week to do your home work. Why haven't you done it?* B. — *Yesterday some boys were playing football outside my house and they kicked a ball through the window and it knocked a bootle of ink all over my essay.*

При описании событий, непосредственно протекающих перед глазами, правила распределения анализируемых моделей несколько иные. В разговорной речи во всех рассмотренных случаях предпочтение отдавалось модели с конструкцией "*there is Y*", если не описывались какие-то быстро протекающие события. Например, все опрошенные (5 чел.) наиболее естественным считали выбор конструкции с *there* при переводе следующего текста: *Когда я проснулся, было уже 9 часов. Я подошел к окну и увидел, что оно выходит на маленький дворик. По дорожкам бегали дети. У сарая молодой человек пилил дрова. Старая женщина кормила цыплят* When I woke up it was 9 o'clock. I went over to the window and saw that the window of my room looked out on to a little yard. There were children running along the paths. By the shed there was a young man sawing wood. There was an old woman feeding chicken.

Напротив, при описании быстро протекающих, одновременных или сменяющих друг друга событий только первое предложение вводилось с помощью конструкции "*there is Y*". Например: *There's a woman crossing the road and a man running after her and every one else's stopping to look at them; "Whan can you see?" — "Now there's a car going towards the market and now a man's crossing the street and a girl is running and jumping"*.

В изобразительном стиле речи, который строится не на обнаружении наблюдаемых явлений, а на их идентификации (см. гл. III, п. 1.2), все опрошенные отдавали предпочтение выбору модели "*Y V (Loc)*", хотя употребление модели с конструкцией "*there is Y*" не оценивалось как совершенно недопустимое. Результаты опроса согласуются и с материалом, собранным из художественной литературы. Например: *Beyond was a short stretch of sand and then the edge of the water. A fire burned on the rock and fat dripped from the roasting pigmeat into the invisible flame [Golding].* Постановка в эти контексты предложений, построенных по конструкции "*there is Y*", оценивалась обычно в четыре балла в рамках пятибалльной системы. Напротив, если описание ведется под углом зрения воспринимающего субъекта,

который обнаруживает что-то, то выбирается конструкция "there is Y": Sam touched his arm. — "Smoke". There was a tiny smudge of smoke wavering into the air on the other side of the rock [Idem].

Изобразительный стиль чаще всего используется, когда изложение не ведется от лица какого-то рассказчика, а представляет собой как бы "безликую" фиксацию предметов и событий. Однако рассказчик может построить свою речь в форме идентификации наблюдаемых явлений. При этом чаще может иметь место переход от одной формы изложения к другой: I took my car and drove along the edge of the sea, the road pitted with holes. There were very few people about, perhaps they had not realized that the curfew was raised or they feared a trap. On my right hand were a line of wooden huts in little fenced saucers of earth where a few palm trees grew and slithers of water gleamed between, like scrap-iron on a dump. An occasional candle burned over a little group bowed above their rum, like mourners over a coffin. Sometimes there were furtive sounds of music. An old man danced in the middle of the road — I had to brake my car to a standstill (Greene). В приведенном отрывке только два раза употреблена конструкция с there. В одном случае (sometimes there were furtive sounds of music) ее замена моделью "Y V" не допускается вследствие ограничений в употреблении последней (кроме вообще малой употребительности модели "Y V" с be в предикативной позиции, ее употребление полностью исключается при существительном, денотат которого представлен как протекающий в описываемый момент времени; см. п. 4). Во втором случае (There were a few people about) выбор модели с конструкцией "there is Y", а не фразы A few people were about может быть вызван либо тем, что автор не сразу прибегает к изобразительному стилю, либо тем, что модель "Y V" имеет вообще меньшую употребительность, когда глагольная позиция заполнена be + наречием, либо взаимодействием этих причин.

Приведенные данные показывают, что и в английском языке, так же как в русском (гл. I, п. 1.2), выделение изобразительного стиля существенно при перечислении факторов, влияющих на условия употребления экзистенциальных конструкций. В отличие от русского языка, однако, где модели со словом *есть* вообще не употребляются в изобразительном стиле, в английском языке конструкция "there is Y" встречается, хотя и относительно редко. Такая возможность употребления объясняется тем, что модели с конструкцией "there is Y" могут передавать информацию не только о наличии, но и о том, что именно имеет место (см.: гл. I, V, п. 1.3).

4. МОДЕЛЬ "LOC IS Y"

Д. Болинджер следующим образом описывает различие между предложениями, построенными по моделям "there is Y Loc" и "Loc is Y": "первые вводят объект в наше сознание", а вторые делают его элементом картины, открывающейся нашему взору (в дей-

ствительности или в воображении) [Bolinger 1977, 64]⁷. Сходным образом различие между данными моделями было определено и нами [Селиверстова, 1977, 57—58]. Мы связывали употребление модели "Loc is Y" с изобразительным стилем речи [ср. гл. III, п. 1.2]. За данным стилистическим ограничением стоит следующее семантическое различие: модель с "there" сообщает о наличии Y-а, а модель "Loc is Y" — о его идентификации (т.е. наличие какого-то Y-а предполагается заранее известным). Рассмотрим примеры: By the side of the road was a blue car и By the side of the road there was a blue car 'У обочины дороги стояла голубая машина'. Модель "Loc is Y" употребляется только в изобразительном стиле речи. Эта модель встретилась, например, в следующих контекстах: At the end was a gate and a man took the tickets (Hemingway); By the side of the road was a thin mound of turf and on it someone had thrown a handful of bluebells (Galsworthy) 'У дороги был небольшой холмик из дерна; на него кто-то бросил букетик колокольчиков'.

Если приведенные предложения изменялись таким образом, что они переставали принадлежать изобразительному стилю речи, информанты ставили вместо модели "Loc is Y" конструкцию с there. Например, нужно сказать By the side of the road there will be a small mound of turf. Turn to the left when you see it, а не: By the side of the road will be a small mound of turf. Нельзя также сказать: At the end of the garden is a gate. So you don't have to go back to the house, хотя предложение At the end of the garden is a gate оценивается как совершенно правильное в контексте, в котором описывается то, что открывается перед глазами наблюдателя.

Конструкция "there is Y" употребляется и в недиалогической описательной речи, цель которой — указать на то, что обнаруживает наблюдатель в описываемом пространстве. Например: He could see one medium farmhouse over on the right, back in the fields, with a track leading to it from the road. There was another larger one beyond it. There was a house surrounded by tall elms that looked as though it might be a Queen Anne, and there were two likely farms away over on the left. Five places in all. That was about the lot in this direction [R. Dall]. Цель речи в приведенном примере заключается не в том, чтобы нарисовать картину, открывавшуюся перед глазами, а в том, чтобы указать, что обнаруживает герой рассказа, попав в описываемую местность (он ищет дома, владельцам которых можно было бы предложить картины).

Подчеркнем, что модель "Loc is Y", как правило, употребляется только в книжной речи. Так, выявляя различие между предложениями By the side of the road was a blue car и By the side of the road there was a blue car, информанты указывали, что первое является книжным, а второе — нейтральным. При употреблении разговорных слов в предложениях, построенных по модели "Loc is Y", обращалось внимание на смешение стилей. Например, именно

⁷ В лингвистической литературе отмечалось также, что модель "Loc is Y" употребляется в книжной описательной речи [Jindra 1965].

так оценивалось предложение *By the oak was a pram and a bit further away some women were sitting on the grass* 'Около дуба стояла детская коляска, а немного подальше на траве сидело несколько женщин', и предлагались следующие замены: *By the oak and nearly were some women sitting on the grass* (literary); *By the oak there was a pram and a bit furtheraway there were some women sitiing on the grass* (non-literary)⁸.

5. МОДЕЛЬ "Y IS LOC"

Особого рассмотрения требуют ограничения в употреблении модели "Y V Loc" в тех случаях, когда вторая позиция заполнена глаголом *be*. Значительная часть этих ограничений связана с характером Y-а. При их обобщении Дж Кимбалл [Kimball 1973] пришел к выводу, что только конструкция с *there* употребляется, если между объектом и пространством существует отношение "неотчуждаемой" собственности. Вслед за С. Филлмором [1981], Дж. Кимбалл определяет это отношение так: "А является неотчуждаемой собственностью В, если А не существует вне данного отношения к В" [Kimball 264]. Справедливость сделанного утверждения иллюстрируется, например, на следующем примере: *There is fire in his eye* 'В его глазах огонь' и *There is a sty in his eye* (букв.) 'В его глазу ячмень', но: **Fire is in his eye* 'Огонь в его глазах' (в русском языке такой вариант допустим в определенных условиях употребления) и *A sty is in his eye* (букв.) 'Ячмень на глазу' (по-русски данный вариант напротив менее неестествен); *There was a thunderstorm yesterday* 'Вчера была гроза'; **A thunderstorm was yesterday* 'Гроза была вчера' (в русском такой порядок слов допустим).

В соответствии с принятым здесь определением отношения possessивности (гл. I, п. 2) в сферу действия этого понятия не включаются такие предложения, как *There is fire in his eyes*. Во-первых, Y не рассматривается здесь как часть описываемого пространства (огонь — не составная часть глаза, гроза — не составная часть дня). Во-вторых, пространство здесь охарактеризовано именно как пространство (т.е. как то, в чем находится что-то другое), посessor либо вообще не рассматривается как пространство, либо, если Y — его часть, он представлен не только как соединение частей, но и как нечто, стоящее над ними и объединяющее их. Вследствие непоссесивной интерпретации моделей с *there* мы предлагаем переформировать правило Кимбалла: модель "Y V Loc" не употребляется, если Y существует только в том пространстве, о котором идет речь (т.е. Y не может перемещаться в другое пространство).

Это правило, однако, нуждается и в дальнейшем уточнении, так как в соответствии с ним такие предложения, как *A sty is in his eye* также должны не соответствовать норме: в каком-то смысле можно сказать, что ячмень не существует вне отношения к

⁸ О других признаках модели "Loc is Y" см.: [Jindra 1965; Sack 1952; Арипшева 1983; Прозорова 1989].

пространству его возникновения. Вероятно, это правило может быть дополнено следующим образом: модель "Y is Loc" не употребляется, если Y не существует вне S и если Y не может быть физически удален из S".

Как было отмечено (п. 3.2.2), модель "Y is Loc" вообще встречается чрезвычайно редко при Y-е, обозначенном именем с неопределенным артиклем, даже если Y представляет собой конкретный предмет, животное или человека. Свободно (при учете требований, связанных с направленностью отношения характеристики) модель "Y is Loc" употребляется только при обозначении Y-а через неопределенное местоимение или сочетание имени с неопределенным местоимением. Употребление модели "Y is Loc", первую позицию в которой занимает существительное, признавалось всеми опрошенными (8 чел.) естественным лишь при некоторых условиях. Выбор модели "Y is Loc" полностью соответствует норме при описании воображаемой ситуации, служащей для иллюстрации некоторой абстрактной возможности (п. 3.4.1). Употребление этой модели допустимо, если предикат расширяется причастным оборотом (в оценке таких предложений, однако, были довольно большие расхождения). По этой модели может строиться ответ на вопрос с who (например: There's a man in the garden. — Who is in the garden? — A man is in the garden). В лингвистической литературе отмечается также, что модель "Y is Loc" употребляется более свободно при расширении группы подлежащего или локативного члена, а также при неисчисляемых существительных (например, water, mud), которые не подпадают под отмеченное выше правило [см., например: Прозорова 1989, 70]. Позицию локатива часто занимают такие выражения, как every where, all around, all over the place (там же, 70). Более точное установление условий употребления модели "Y is Loc" требует дальнейшего исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В гл. V было показано, что в значении модели "there is Y", кроме информации о наличии Y-а или об идентификации того, что имеется, происходит в описываемом пространстве, выделяются еще два признака: 1) указание на включение Y-а в такое пространство, часть которого он составляет, в частности, информация о включении Y-а в множество или класс однородных с ним объектов (эта информация часто наслаивается на сообщение о наличии Y-а в некотором физическом пространстве); 2) при Y-е, выраженном именной группой со вторичным предикатом — информация о наличии какой-то фазы действия в момент его обнаружения наблюдателем, и — при Y-е, выраженном отглагольным существительным, — о протекании "всего" события в рамках какого-то временного отрезка.

Рассмотрена связь между выделенными признаками и различными ограничениями в использовании модели "there is Y": 1) на употребление имен с показателем определенности; 2) на употребление слов типа all, every, а также типа some of; 3) на употребление гла-

гольных форм со значением факта или результата; 4) на употреблении предикативной группы со значением качества.

Было показано, что при отсутствии условий, препятствующих реализации двух последних признаков модели "there is Y" ("включенность в пространство в качестве его части", "отнесенность к данному конкретному отрезку времени"), эта модель является основным, обычным средством описания ситуаций, в которых и действие, и его субъект заранее неизвестны. При описании таких ситуаций выбор модели "Y V (Loc)" имеет место лишь при некоторых условиях, по крайней мере часть из которых выделена:

1) при построении предложения под углом зрения того, стал ли кто-либо из потенциальных участников ситуации реальным участником и, следовательно, было ли осуществлено запланированное, ожидаемое, предполагаемое возможным действие (при реализации этого условия Y, по-видимому, всегда выражен неопределенным или отрицательным местоимением);

2) при противопоставлении неидентифицированного субъекта другому потенциальному участнику (по-видимому, это условие реализуется обычно при Y-е, выраженном неопределенным местоимением);

3) при акцентировании внимания на характере субъекта — важно, неожиданно, что субъект относится к данному классу — (это условие не реализуется, если позиция глагола должна быть заполнена глаголом be, а также в непосредственной речи, если предложение не входит в контекст описания потока событий);

4) при акцентировании внимания на характере действия — важно (например, потому что опасно, нежелательно), что действие относится именно к описываемому типу (это условие реализуется, как правило, при Y-е, выраженном неопределенным местоимением, если предложение не входит в сложносочинительное предложение с коррелирующими — обычно совпадающими — субъектами или не входит в описание потока событий);

5) при описании "потока событий" в разговорной речи, если описываются: а) сменяющие друг друга события, причем важно указать на результаты, к которым они привели; б) быстротекающее действие (в этом случае только первое действие обычно обозначается с помощью модели "there is Y"); в) "статичная ситуация" (например, сообщается о том, что нарисовано на картине), если обращается внимание на противопоставление участников ситуации;

б) в "изобразительном" стиле речи (в этом стиле речи также используется модель "Loc V Y").

Модель "Y V (Loc)", в которой предикативную позицию занимает глагол be, не всегда может употребляться даже при наличии перечисленных условий. Вопрос о запретах на употребление модели "Y is Loc" в работе рассмотрен неполно.

В работе была сделана попытка показать, что многие из перечисленных особенностей употребления моделей "there is Y" и "Y V (Loc)" обусловлены тем, как организована информация, составляющая их значение. В означаемом модели "there is Y" ин-

формация ориентирована на то "неспециализированное" пространство, (т.е. собственно на предикат наличия), которое задается частицей *there*; напротив, в означаемом модели "*Y V (Loc)*" (кроме случаев, отмеченных в первом пункте заключения) информация обычно ориентирована на субъект. Отношения характеристики, которые объединяют элементы информации, составляющей значение анализируемых моделей, распадаются на два, а в некоторых случаях и больше слоев, т.е. в составе характеризующего выделяются свои характеризуемые и характеризующие.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Обследованный в книге материал подтверждает пространственную интерпретацию большинства экзистенциальных и в том числе экзистенциально-посессивных моделей. Таким образом, в русском и английском языках именно пространственное значение определяет близость бытийного *быть* и посессивного *иметь*, к регулярной связи между которыми было привлечено внимание лингвистов прежде всего работами Э. Бенвениста.

В работе приводятся следующие типы доказательств пространственного характера большинства экзистенциальных предложений (к непространственному типу относятся высказывания, несущие информацию о "локализации" денотата подлежащего во времени). Во-первых, показано, что многие запреты на употребление экзистенциальных моделей могут быть объяснены именно пространственной интерпретацией этих моделей; во-вторых, в некоторых случаях пространственная интерпретация однозначно вытекает из характера описываемых объектов; в-третьих, отмечается, что некоторые частные признаки, характерные для отдельных экзистенциальных моделей, строятся как специализация общего пространственного признака и, следовательно, предполагают его.

2. Если исключить случаи локализации во времени за принятым в языкознании термином "экзистенциальность" фактически стоят два понятия, которые в данной работе были обозначены символами E_{x_1} и E_{x_2} . $\dot{E}_{x_1}$ — $\bar{E}_{x_1}$ — нахождение (наличие) в пространстве реального или нахождение в пространстве нереального; E_{x_2} — наличие в том или ином частном виде пространства. Первое понятие образует одно из значений глаголов *существовать*, *exist*; иногда оно также выражается глаголами *быть*, *be* (обычно при наличии особых условий); второе понятие выражается прежде всего различными синтаксическими моделями и с глаголами *быть*, *be* и связано с определенной функциональной перспективой предложения (локатив или предикат наличия выступает в функции характеризующего, а находящийся в нем объект — в функции характеризующего); понятие E_{x_2} выражается также глаголами *иметь*, *have*, в значении которых оно сочетается с признаком посессивности, и некоторыми другими глаголами. Понятия E_{x_1} и E_{x_2} в русском и английском языке взаимосвязаны.

3. Существуют центральные и периферийные экзистенциальные

модели. Центральные модели несут информацию не только о нахождении объекта в пространстве, но и предполагают какую-то другую более глубокую связь объекта с пространством. Эти связи могут быть различны, но в основном они строятся на вхождении объекта в множество в качестве его члена. Центральные экзистенциальные модели, таким образом, отличаются от локативных не только по признаку, выражающему разную функциональную перспективу предложения.

4. Пространственные предикаты с глаголами *быть* и *иметь* не относятся к классу предикатов состояния (если употреблять этот термин в том значении, которое было ему придано в данной работе). Во всяком случае они не принадлежат к тому же типу, что и такие предикаты, как рус. *(Он) болен*, *(Он) раздражен*. Ближе всего по своей грамматической сущности пространственные предикаты стоят к предикатам качества (или набора качеств, объединенных в предмете). Однако и от них они отличаются по некоторым признакам, образуя особый тип (или во всяком случае подтип) в рамках классификации предикатов на действия, процессы, состояния, качества и т.д.

5. Не существует четкой грани между связочным, локативным и экзистенциальным *быть*¹. Это проявляется, во-первых, в том, что экзистенциальные предложения могут нести информацию не только о наличии объекта в некотором пространстве, но и о том, к какому именно классу относится тот объект, который находится в данном пространстве; во-вторых, глаголы *быть* и *иметь*, *be* и *have* в экзистенциальных предложениях могут считаться связками в том смысле, что они не служат для обозначения какого-либо вида энергии: их денотатом является только связь между объектом и пространством. Однако при этом их значение менее лексически обеднено, чем при других употреблениях связки. Кроме того, в пространственных предикатах глагол *быть* может получать большую самостоятельность по сравнению с его употреблением в предикатах качества (в частности, он может предопределять характер соотношения предиката с осью времени независимо от именной части).

6. В книге уточняется понятие связки и показывается, что нет четкой грани между связочными и несвязочными глаголами. Существуют несобственно связочные глаголы, которые несут информацию о "чистой" связи между объектом и пространством, но при этом сами задают тип пространства, а иногда и некоторые характеристики наличествующего объекта.

7. Приведенный материал подтверждает, что связка имеет лексическое значение, хотя и обедненное.

8. Высказывается гипотеза, в соответствии с которой за разнообразными посессивными отношениями (они рассматриваются в книге) стоят три основных случая. Объект посессивного отношения:

¹ Опираясь на другие основания и методы исследования, этот же вывод был сделан Я. Хинтиковой [1980, 310—354].

1) то, на что распространяется власть посессора (моральная, юридическая, физическая); 2) то, что является частью посессора или частью его существования; 3) то, что несет в себе элемент самого посессора (имеет свойство, существующее как отношение к посессору — *его враг, его друг*. Предполагается также, что эти случаи могут быть подведены под еще более общее понятие: объект посессивного отношения может быть представлен как то, на что в той или иной форме посессор "распространяет" себя (глагол *распространяет* употреблен здесь и в значении 'быть распространенным на...').

При всей неопределенности предлагаемой общей интерпретации, которая, как мы пытались показать, соответствует природе описываемого явления, эта интерпретация позволяет ограничить посессивность от ряда других понятий и обладает объяснительной силой (в частности, позволяет объяснить многие запреты на сочетаемость глагола *have* с отглагольными существительными, объясняет необратимость посессивного отношения и т.д.).

9. В значение посессивно-экзистенциальных моделей признаков посессивности в большинстве случаев входит дважды: он характеризует и объект, и пространство, в котором "находится" этот объект. В некоторых условиях одно из посессивных отношений может характеризовать не объект, а саму ситуацию его наличия где-то, но двойная соотнесенность с посессором и пространства и объекта сохраняется.

10. Приведенный материал позволяет вновь сделать вывод о важной роли принципа системности в организации языка. Так, показано, что пространственный признак в значении экзистенциальных предложений существует в виде набора вариантов, приобретающих известную обособленность. Такому обособлению способствует следующее: анализируемые модели в отдельных своих вариантах могут вступать в такие оппозиции с синонимичными им моделями, в которые они не входят при реализации других вариантов, и получать признаки, связанные с этими оппозициями. В книге рассмотрены некоторые оппозиции и установлены признаки, лежащие в основе противопоставления. Например, одним из условий выбора экзистенциальных моделей в русском языке при описании отношения между свойством и его носителем служит представление о том, что свойство является преимуществом, достоинством его посессора (*Не расстраивайся. У тебя есть молодость, красота, здоровье, но ? У тебя есть старость, ? У тебя есть уродство*. Ср.: *Она красива, Она уродлива*).

11. В книге аргументировалась необходимость выделения в рамках теории "актуального членения" следующих явлений: 1) "коммуникативной перспективы"; 2) информативной структуры (соотношение "известного"/"нового"); 3) семантики акцентного выделения; 4) коммуникативной членимости/слитности. Понятие коммуникативной перспективы описывалось в терминах двух функций — характеризуемого ($X^{\text{мого}}$) и характеризующего ($X^{\text{щего}}$). Под углом зрения этих функций характеризуется каждый член предложения, и,

таким образом, коммуникативный аспект представлен как множество определенным образом организованных $X^{мых}$ и $X^{ших}$, которые образуют различные типы структур — цепочечные отношения, параллельные связи и т.д. Введение таких более дробных понятий по сравнению с темой и ремой позволило описать различия в коммуникативной организации тех высказываний, которые считаются коммуникативно нечленимыми, а также описать различия в коммуникативной организации отдельных частей высказывания.

Понятие темы и ремы рассматривается как производное от понятий $X^{мос}$ и $X^{шес}$ и связывается только с коммуникативно членимыми высказываниями.

12. Проведенный анализ подтверждает оправданность разбиения структурных схем (моделей) на исходные и производные, хотя непосредственные способы формирования моделей часто не поддаются лингвистической проверке. Высказывается гипотеза о том, что процессы моделирования близки к словообразовательным процессам и могут включать соединения нескольких исходных моделей, соединения моделей предложений и словосочетаний. Производные модели могут возникать и на уровне заполнения классами слов.

13. Сопоставление русского языка с английским показывает, что общее "видение" категорий посессивности и экзистенциальности в этих языках совпадает. Вместе с тем обнаруживаются существенные различия связанные с более частными семантическими признаками исследованных моделей, с количеством синтаксических позиций в моделях и с номенклатурой лексических и лексико-морфологических единиц, способных заполнять эти позиции, со степенью грамматикализации предикативных выражений и возможностью их вовлечения в другие категории, в частности в категорию аспектуальности. Наблюдаются и различия в осмыслении протодеготативных ситуаций.

14. В сопоставляемых языках совпадает также общая классификация на предикаты свойства, состояния, результата, действия и т.д.

15. Проведенное исследование показало значимость для сопоставления языков детальной разработки понятийного аппарата семантического описания и необходимость отказа от терминов — "этикеток", содержание которых остается нераскрытым. Например, сам факт обнаружения так называемых экзистенциальных и посессивных моделей мало информативен вне показа того, какие именно концепты посессивности и экзистенциальности сформированы в языке. Совпадение этих концептов в русском и английском языках (если признать, что они действительно совпадают, как мы пытались показать в книге) представляется далеко не тривиальным, учитывая потенциальные логические возможности другого видения данных категорий. Использование терминов — "этикеток", которое еще достаточно часто имеет место как в сопоставительных, так и в типологических работах, не только не позволяет глубоко раскрыть содержание семантической категории, но и не позволяет с уверенностью утверждать, что в сопоставляемых языках эти категории действительно тождественны.

16. Требование детальной разработки понятийного аппарата, естественно включающее в себя условие однозначности понимания вводимых метатерминов, не противоречит проводимой в работе мысли о существовании семантических категорий, в основе которых лежат недостаточно четкие, "размытые" концепты. Существование таких категорий, однако, заставляет рассматривать условие однозначности толкования не как абсолютное, а как относительное и говорить о степени однозначности. При этом существенно, что степень неопределенности языкового концепта не бесконечна, и, таким образом, должны быть установлены границы его допустимых толкований. Кроме того, в подобных случаях может быть достигнута большая точность описания за счет перечисления вариантов.

17. Проведенное исследование еще раз подтверждает мысль тех лингвистов, которые указывают на важность выбора при сопоставлении достаточно больших семантических группировок языковых единиц. С одной стороны, это позволяет раскрыть разные типы сходств и различий, а с другой — помогает установить обуславливающие их факторы. Следует еще подчеркнуть, что в качестве объекта сопоставления важно брать группу в целом, а не только объединяющий ее семантический признак. Если интегральные (объединяющие) семантические признаки исследуются в отрыве от дифференцирующих компонентов, то резко повышается вероятность неверного их выделения. Так, большие сомнения вызывает оправданность выделения признака стативности/динамичности, по которому, как считают многие лингвисты, проходит деление предикативных типов на две большие группы. Этот признак используется и в сопоставительных работах. Мы уже пытались показать (СТП 1982), что предикаты в моделях типа 1) *X думает, что*; 2) *X любит*; 3) *X болен*; 4) *X сломен*, которые принято считать стативными, обнаруживают часто больше сходства с предикатами других типов, чем между собой. Неразкрытым остается и само понятие стативности, что позволяет вкладывать в него довольно разное содержание. Вследствие этого мы отказались от принятого деления на стативные и динамические предикаты.

18. В настоящее время существует относительно мало полностью удовлетворительных семантических описаний микро- или макро-систем отдельных языков. Вследствие этого при сопоставлении лингвист обычно сталкивается с недостаточно полно и/или точно описанными языковыми данными. Отсюда вытекает еще одно методологическое требование, которое, вероятно, в настоящее время является самым важным и частично включает в себя перечисленные ранее. Это требование — соединять этап сопоставления с самостоятельным исследованием каждого из выбранных языков, что мы и пытались сделать в книге.

19. Проведенное исследование не всегда удалось довести до уровня установления точных условий употребления. Так, при перечислении различных вариантов перевода модели "*Loc (есть) Y*" (т.е. "*B S (есть) Y*", "*U S (есть) Y*" и т.д.) не были выявлены все условия, определяющие возможность того или иного перевода. При исследовании функциони-

рования английской модели "Y V Loc" с "новым" в первой позиции (Somebody is in the garden) не было показано, когда именно это "новое" попадает или, напротив, не попадает в фокус контраста. В большинстве случаев такая неполнота описания характеризует английский материал, что в известной степени связано с труднодоступностью, а иногда и отсутствием английских информантов.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966.
- Александров А.Д. Пространство (в математике) // БСЭ. 3-е изд. Т. 21.
- Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.
- Арипшева Р.С. Конструкция "there is" и коррелирующие синтаксические модели: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения. М.: Прогресс, 1980.
- Беллерт М. Об одном условии связанности текста // НЗЛ. М., 1978. Вып. 8.
- Белашаткова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. М.: Высш. шк., 1977.
- Бенвенист Э. Глаголы "быть" и "иметь" и их функция в языке // Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Берка К. Функция глагола *быть* с точки зрения современной формальной логики // Логико-грамматические очерки. М., 1961.
- Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Наука, 1977.
- Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978.
- Буланин Л.Л. К соотношению пассива и статива в русском языке // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978.
- Булыгина И.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980.
- Вайс Д. Высказывания тождества в русском языке: опыт их отграничения от высказываний других типов // НЗЛ. М., 1985. Вып. 15.
- Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986.
- Воейкова М.Д. Семантическая вариантивность глагольных бытийных конструкций в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.
- Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974.
- Гак В.Г. Глаголы Быть и Иметь как центры лексико-грамматической структуры предложения // Rev. rom. linguist. 1975. Vol. 20, N 4.
- Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1983.
- Грамматика русского языка. М.: 1954. Том 2. (ТРЯ).
- Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во Иностран. лит., 1958.
- Золотова Г.А. О структуре простого предложения в русском языке // ВЯ. 1967. N 6.
- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
- Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава. 1954.
- Историко-типологическая морфология. Глагол. М.: Наука, 1977 (ИТМ).
- Категория притяжательности в славянских и балканских языках: (Тез. докл.). М.: Наука, 1983. (ЖПСБ).
- Категория possessивности в славянских и балканских языках / Отв. ред. В.В. Иванов. М.: Наука, 1989. (ЖПСБ).
- Крейдлин Г.Е. Служебные слова в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Крейдлин Г.Е., Рахилина Е.В. Сопоставительный анализ способов выражения отношения притяжательности в русском языке: (падежные и предложно-падежные формы) // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: (Тез. докл.). М.: Наука, 1983.

- Кубрякова Е.С.* Динамическое представление синхронной системы языка // Гипотезы в современной лингвистике. М.: Наука, 1980.
- Кузнецов С.Н.* Теоретическая грамматика датского языка. М.: Наука, 1984.
- Лекант П.А.* Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высш. шк., 1976.
- Лекомцев Ю.К.* Психическая ситуация, предложение и семантический признак // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6.
- Николаева Т.М.* Актуальное членение — категория грамматики текста // ВЯ. 1972. N 2.
- Николаева Т.М.* Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982.
- Новиков Л.А.* Антонимия в русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1973.
- Падучева Е.В.* О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.
- Падучева Е.В.* Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. N 5.
- Паяр Д.* Теория перфективизации // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989.
- Панде Х.Ч.* К семантике *есть* в локативных и посессивных конструкциях // Russ. Linguist. 1982. N 5.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.
- Проблемы интензивных и прагматических контекстов / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова М.: Наука, 1989. (ПИПК).
- Прозорова Л.А.* Особенности построения коммуникативной перспективы в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1, 2. (РГ).
- Селиверстова О.Н.* Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть* // ВЯ. 1973. N 5.
- Селиверстова О.Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М.: Наука, 1975.
- Селиверстова О.Н.* Семантический анализ экзистенциальных и посессивных конструкций в английском языке // Категория бытия и обладания в языке. М.: Наука, 1977.
- Селиверстова О.Н., Швейцер А.Д.* Пространственно-экзистенциальные предложения в русском и английском языках (их соотношение и перевод) // Текст и перевод. М.: Наука, 1988.
- Селиверстова О.Н., Сулейманова О.А.* Эксперимент в семантике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. N 5.
- Скаличка В.* О грамматике венгерского языка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967.
- Семантические типы предикатов / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. (СТП).
- Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.
- Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложения. М.: Наука, 1981.
- Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов / Отв. ред. В.П. Недялков. Л.: Наука, 1974. (ТПК).
- Типология результиративных конструкций Л.: Наука, 1983. (ТРК).
- Теория функциональной грамматики / Отв. ред. Н.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. (ТФГ).
- Филлмор Ч.* Дело о падеже // НЗЛ. М., 1981. Вып. 10.
- Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
- Хитика Я.* Связка "есть", семантические игры и семантическая относительность // Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980.
- Цейтлин С.Н.* Субстантивные предложения в современном русском языке и их темпоральные характеристики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
- Целищев В.В.* Логика существования. Новосибирск: Наука, 1976.
- Чейф У.* Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // НЗЛ. М., 1982. Вып. 11.
- Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Учпедгиз, 1941.
- Швейцер А.Д.* О взаимодействии равноуровневых средств выделения темы и ремы в высказывании // Ztschr. Phonetik, Sprachwiss. und Kommunikationsforsch. 1980. Bd. 33, N 3.
- Швейцер А.Д.* Контрастивная лингвистика и теория перевода. М., 1985.
- Шведова Н.Ю.* О понятии "регулярная реализация структурной схемы простого предложения" // Мысли о современном русском языке. М.: Наука, 1969.
- Шведова Н.Ю.* Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. N 4.

- Шведова Н.Ю.* О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. М.: Наука, 1973.
- Шмелев Д.Н.* Несколько замечаний к построению синтаксической теории // Филол. 1961. N 3.
- Шмелев Д.Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976.
- Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Щерба Л.В.* Очередные проблемы языкознания // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
- Ярцева В.Н.* Составное сказуемое и генезис связочных глаголов в английском языке // Тр. ВИЯ. 1947. N 3.
- Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981.
- Aissen G.* Presentational: There insertion: A cycle root transformation // Papers from the 11-th Regional meeting Chicago Linguistic society. Chicago, 1975. Vol. 11.
- Allan K.* A note on the source of 'there' in existential sentences // Found. Language. 1971. Vol. 7.
- Allen W.S.* Transitivity and possession // Language. 1964. N 40.
- Beaugraude P.de, Dressler W.* Introduction to text linguistics. L.: Longman, 1981.
- Bellert I.* On the logico-semantic structure of utterances. Wroclaw, 1972.
- Bendix E.H.* Componential analysis of general vocabulary // Intern. J. Amer. Linguist. 1966. Vol. 32.
- Beneš E.* On two aspects of FSP // Trav. linguist. Prague. 1968. N 3.
- Bolinger D.L.* Linear modification // Publ. Modern Language Assoc. Amer. 1952. Vol. 67.
- Bolinger D.L.* Meaning and form. L.; N.Y.: Longman, 1977. Chap. 5.
- Breivik Z.E.* Existential there: a diachronic and diachronic study. Bergen, 1983.
- Brinkman H.* Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung. Düsseldorf: Schwann, 1971.
- Brown G., Yule G.* Discourse analysis. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1983.
- Burton-Roberts N.* On the generic indefinite article // Language. 1976. Vol. 52, N 2.
- Cartwright R.* Negative existentials // Philosophy and ordinary language. Urbana, 1963.
- Christoffersen P.* The articles: A study of their theory and use in English. Copenhagen; L., 1939.
- Clark E.V.* Locational: A study of the relations between "existential", "locative" and "possessive" constructions // Work. Pap. Language Universals. 1970. N 3.
- Comrie B.* Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems // Cambridge Textbooks Linguist. 1976. Vol. 10, N 2.
- Curme J.O.* Parts of speech and accidence. Boston; N.Y.: Heath, 1935.
- Daneš F.* A three level approach to syntax // Trav. linguist. Prague. 1964. N 1.
- Daneš F.* Functional sentence perspective and the text organization // Papers on functional sentence perspective. Prague: Acad. Press, 1974.
- Dijk T.A.van.* Text and context // Explorations of the semantics and pragmatics of discourse. L.; N.Y.: Longman, 1977. Vol. 17.
- Duzsak A.* A note on rhematic subjects in English // Stud. Anglica Posnaniensia. 1984. Vol. 17.
- Erdmann P.* There sentences in English: A relational study based on a corpus of written texts. München: Tuduv, 1976.
- Evreinov I.A.* Die Semantik einer Nullform: Versuch einer neuen Definition der Kopuls im Russischen // Linguistics. 1973. N 98.
- Fizbas J.* Thoughts on functional sentence perspective, intonation and emotiveness // Brno Stud. English. 1985. Vol. 15.
- Fizbas J.* On some basic issues of the theory of functional sentence perspective // Ibid. 1987. Vol. 17.
- Fries Ch.* The structure of English. L.: Longman, 1967.
- Gardner Sh., Hervey S.J.* Structural sentences types // Linguistique. 1983. Vol. 19, fasc. 2.
- Halliday W.A.K.* Notes on transitivity and theme in English // J. Linguist. 1968. N 4.
- Hawkins R.* Towards an account of the possessive constructions: NP's N and N of NP // Ibid. 1981. N 2.
- Jenkins L.* The English existential // Linguist. Arbeiten. 1975. N 2.
- Gipper H.* Bausteine zur Sprachinhaltsforschung // Sprache und Gemeinschaft. Studien I. Düsseldorf: Schwann, 1963.
- Givón T.* Syntax: A functional-typological introduction. Amsterdam; Philadelphia: Benjamin's, 1984.

- Kahn Ch.H.* The Greek verb "to be" and the concept of being // *Found. Language*. 1966. Vol. 2, N 3.
- Kimball J.P.* Grammar of existence // *Papers from the 9th Regional meeting Chicago linguistic society*. Chicago, 1973. Vol. 9.
- Krůnský J.* The article and the concept of definiteness in language. The Hague; P., 1972.
- Longacre P.* The paragraph as grammatical unit // *SAS*. 1974. Vol. 12.
- *Lumsden M.* Existential sentences, their structure and meaning. L. etc.: Groom Helm, 1988.
- Lyon J.* Semantics. Cambridge etc.: Cambridge Univ. press, 1978. Vol. 1—2.
- *Lyons J.* A note on possessive, existential and locative sentences // *Found. Language*. 1967. Vol. 3.
- *Lyons J.* Existence, location, possession and transitivity // *Logic, Methodol. and Philos. Sci.* 1968. Vol. 111.
- *Milsark C.L.* Toward an explanation of certain peculiarities of the existential construction in English // *Linguist. Anal.* 1977. N 3.
- *Moore G.E.* Is existence a predicate? // *Moore G.E. Philosophical papers*. L. etc., 1959.
- Pailard D.* Enonciation et détermination en russe contemporain // *Paris Inst. études slave*. 1984. T. 72.
- Postal P.* On so-called pronouns in English // *Modern studies in English* / Ed. D. Riebel, S. Schane. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall, 1966.
- Postal P.* A few factive facts // *Linguist. Inquiry*. 1972. Vol 3, N 3.
- Poutsma H.* A grammar of late modern English. Groningen, 1928.
- Quirk R., Greenbaum S.* A university grammar of English. L.: Longman, 1979.
- *Roberts P.* Teacher's guide to patterns of English. N.Y.; Chicago: Harcourt, Brace, 1956.
- *Ross G.* There (there, (there, (there...))) // *Papers from the 10th Regional meeting Chicago linguistic society*. Chicago, 1974. Vol. 10.
- Sack F.L.* The structure of English. Cambridge; Bern, 1954.
- Searle J.K.* Speech acts: An essay in the philosophy of language. L. etc.: Cambridge Univ. press, 1969.
- *Seiler H.* Possession as an operational dimension of language. Tübingen: Narr, 1983.
- Sharwood-Smith M.* Contrastive studies in two perspectives // *Papers and studies in contrastive linguistics*. Poznań, 1974. Vol. 2.
- *Stowell T.* What was there before there was there // *Papers from the 14th Regional meeting Chicago linguistic society*. Chicago, 1978. Vol. 14.
- Svoboda A.* Functional perspective of the noun phrase // *Brno Stud. English*. 1987. Vol. 17.
- Sweet H.* The practical study of languages. L., 1926.
- Szwedek A.* Sex partition versus bipartition // *Studia linguistica diachronica et synchronica*: Pieper. B. etc.: De Gruyter, 1985.
- Szwedek A.* What is topic? A contrastivist's view // *New insight into contrastive linguistics*. Amsterdam: Philadelphia: Benjamin's, 1990.
- Ure J.* A comparative study of registers // *Proc. of the X Intern. Congr. of linguists*. Bucharest, 1967.
- Vendler Z.* Facts and events // *Vendler Z. Linguistics in philosophy*. Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. press, 1967.
- *Walter I.O.* The 'there be' construction // *Norw. J. Linguist.* 1974. Vol. 28, N 2.
- *Warren B.* Classifying adjectives. Göteborg: Minab/Gotab, Surte, 1984.
- *Wierzbuka A.* Why can you have a drink when you can't have an eat // *Language*. 1982. Vol. 58, N 4.

SUMMARY

The main purpose of the book is to show the similarities and differences in the meaning and functioning ("behaviour in speech") between Russian and English existential and possessive constructions (patterns). However, as there are competing theories of existence and possessivity and as the use of the patterns under consideration has not yet been described in full the book is also concerned with the semantic interpretation of patterns and the laws of their use in each of the two languages.

Existence. New evidence is given supporting the "locative" theory of existence. The word пространство 'location, space' is used in a very wide sense close to the corresponding mathematical term. It is argued that there are three main concepts of existence: Ex_1 , Ex_2 and Ex_3 in English and in Russian. Ex_1 has two main meanings: a) to be in the universe (the real world) vs b) to be in the unreal world (the world of fantasy, fairy tales etc.). (So Ex_1 is different from the philosophical concepts of existence. The Greek philosophy seems to be the only exception). Ex_2 means 'to be in some place or within some location' (the existence in the universe or in some invented world is implied). Ex_2 differs from locative constructions proper mainly in FSP (in the book the term "communicative sentence perspective" is used). In many cases however there are other types of differences as well. Existential patterns often imply closer connection between object and place (or some other type of location). For instance, the use of *есть* may depend on whether or not an object is "naturally supposed to be in the place" (built into the place or normally kept in the place).

Ex_3 means to be "located" at some moment or within some period of time. Ex_3 is represented by such verbs as *occur*, *last*, etc. They are not dealt with in the book. Unlike Ex_{1-2} , Ex_3 symbolizes existence in time

Possessivity. It is claimed that the general notion of possessivity is very vague. However it can be revealed in all the possessive constructions both in Russian and in English. Figuratively speaking, possessivity presupposes the "extension" of an object over another object or other objects. The "extension" can take the form of any one of the three relations: X is "extended" over Y 1) if Y is within X's "force-field", i.e. Y is in X's juridical, physical or spiritual power; 2) if Y is part of X or part of X's existence or of an instance of it; 3) if Y is presented through a quality that is a relation to X (for instance the word *aunt* in the noun phrase *my aunt* indicates that its denotatum has a quality that is a relation to the

speaker). All the three relations can intersect. The ambiguity of the given interpretation has been partly removed by enumerating individual cases and by additional clarifications (for example, what is meant by "part (element) of 'X's instance of existence"). However it is argued that a fair degree of ambiguity of the notion introduced follows naturally from the ambiguity of the meaning of possessivity. In respect to many types of situations the idea of possessivity is fuzzy and does not carry any clear criteria showing that certain objects are bound by the relation of possessivity. On the one hand, this leads to a great number of occasional usages. Thus, almost anything can be occasionally viewed as belonging to the sphere of the possessivity of "I". For instance, one can say *мой город* 'my town', *моя улица* 'my street', when talking about the town, the street where one lives. A roommate can be referred to as *мой итальянец (американец)* 'my Italian (American)', though in this case the usage is not neutral and it can be perceived by the listener as an ungrounded claim for an expansion of one's sphere of possession. The sphere of possession of other people is conceived as being much narrower. Thus, one would usually say *улица, город, где он живет* 'the street (town) where he lives. The noun phrases *в его городе* 'in his town', *на его улице* 'in his street' can normally be used in fiction literature, when the writer tries to describe the situation in terms of its perception by the character.

On the other hand, there are specific rules and conditions restricting the use of the possessive expressions. Thus, the agent of an action can be viewed as its possessor provided other participants of the situation are not presented as beneficiaries of the action or its patients. In other words, the result of an action is seen as being relevant only to the agent. Thus, the sentence *Я имел беседу с твоим другом* 'I had a talk with your friend', which is acceptable, though unlike its English counterpart sounds archaic, cannot be completed by the phrase *только ради тебя* 'only for your sake, only for you'. The direct object of an action can be viewed either as affected by the action or as something specifying the action. If an object is changed by the action it seems to be always regarded as affected by it. In this case the possessive constructions cannot be used. One cannot say: **to have a wash of the baby*, **to have a shave of the customer*, **to have a trim of the bushes*. If no change of the object is brought about it can be presented as the compliment of an action: *to have a read of the article*. In Russian there are some additional restrictions connected mainly with registers.

While the general concepts of existence and possessivity are the same in both languages the differences come out on the lower levels of hierarchy.

First, semantic features distinguishing existential patterns as a rule do not coincide in English and in Russian. The set of semantic components of possessive constructions is not quite the same in the contrasted languages either.

Second, the Russian existential and possessive patterns differ from the English ones in type and number of sentence elements.

Third, the sets of words filling the slots for predicates, locatives, etc. differ in Russian and in English.

Fourth, the sets of situations that can be presented as locational or as involving possessive relations do not completely coincide in Russian and in English.

Fifth, there are differences in the laws of use as well. One of the differences is connected with the choice of CSP in contexts in which the logical organisation of a text permits different "strategies". (It is important to note that CSP and the informative structure are treated as different phenomena. CSP is seen as superimposed onto the semantic relations binding sentence elements of different ranges (subjects, predicates, etc., as well as more complex syntactic units) so as to determine the orientation of these relations. Thus, in the sentence *John is sitting there* the quality of being an agent of an action 'to sit there' is attributed to John, whereas in the sentence *Sitting there is John* the quality of having John as an agent is attributed to the action. Different tests are developed to prove that semantic relations can be oriented differently and their orientation strongly affects the usage of the sentences. CSP can influence the scope of semantic relations as well).

Among the indicated aspects of the patterns under consideration the semantic differences and similarities provide the focal point for the book. Besides the notions of existence and possessivity a number of semantic features distinguishing different patterns are considered. Thus, it is argued that one of the semantic distinctions between the patterns "*У X-a есть Y*" "*У X-a Y*" is the following: the pattern "*У X-a есть Y*" carries the information that a) there is Y in the sphere of X's possessivity and 2) Y is a member of the set that X is naturally supposed to have, i.e. it is implied that X has or can have some other member of the same set¹. The pattern "*У X-a Y*" does not have the second component. It can also be used in cases when Y is identified (it is presupposed that X has some unidentified Y). The indicated distinction accounts for many constraints of the use of *есть*. Thus, only pattern "*У X-a Y*" is used in the following situations: *У вас сын или дочь?* 'Have you a son or a daughter? (the existence of a child is presupposed), *Сколько у вас детей?* 'How many children have you?'; *У него была не очень хорошая репутация* 'He didn't have a very good reputation'.

The distinctive feature 'inclusion in a set' accounts for the following peculiarities of the usage of the *есть*-pattern: *У верблюда есть горб* (a hump is part of a chamel's body and so it is an element of the set) and *У него горб* (a man is not naturally supposed to have a number of humps and a hump is not a part of a man's body). See also: *У него серые глаза* 'He has grey eyes'. The sentence **У него есть серые глаза* would show that the man can have other eyes together with the grey ones which is absurd. Cf. also: *У него седые волосы* 'He has grey hair' (the sentence indicates that the man's hair is grey) and *У него есть седые волосы* (the sentence implies that there is grey hair in his hair, some hair is grey). There are some differences in aspectual characteristics

¹ This component is dropped under some special conditions.

as well. Thus, the *ecmь*-sentences cannot present possession or being somewhere as a process in its duration.

The English construction "*there is Y*" seems to have a semantic feature similar (though not identical) to that of the pattern "*У X-a ecmь Y*". It is argued that the pattern presents Y either as 1) a member of a class or 2) an ingredient of a situation. The second component permits to use definite nounphases and proper names in the pattern. For instance, "Juan will make you a coffin and all of us in the barrio will pay him". — "But there in the mass". (the mass is seen as a part of the situation 'funeral').

Another problem raised in the book concerns the semantic types of predicates with "be". In particular the difference between the predicates of state and those of result is shown. The nature of copula is considered too. It is argued that there are intermediate stages between copulas proper and non-copulas. Existential predicates often constitute an intermediate stage. They merely denote a connection between a location and an object but unlike other copulas they often contain some information about the characteristics of location or of the object located as well. This makes their meaning richer in content. Besides copulas in existential and locative sentences often have some peculiarities of time-reference which indicate that "be" in these cases can be considered as a predicate on its own separate from the following noun phrase.

The problem of syntactic pattern ("structural scheme") is also discussed.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Глава I</i>	
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТЬ, ЛОКАТИВНОСТЬ И ПОСЕССИВНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ТИПЫ ПРЕДИКАТОВ	6
1. Экзистенциальность и пространственность	7
2. Понятие посессивности	19
3. Типы предикатов с глаголами <i>быть</i> и <i>иметь</i> в рамках лексико-грамматической классификации предикатов	27
Заключение	43
<i>Глава II</i>	
ПОНЯТИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ	45
1. Синтаксическая модель	45
2. Коммуникативная перспектива высказывания. Актуальное членение	52
Заключение	65
<i>Глава III</i>	
МОДЕЛИ С <i>ЕСТЬ</i> И НУЛЕВОЙ СВЯЗКОЙ	66
1. Различие по признаку "наличие Y-а"/"качественная идентификация Y-а"	66
2. Наличие в множестве/наличие вне множества	70
3. Кванторно-экзистенциальное значение	78
4. Контрастивная функция модели "У X-a Y"	82
5. Признак "протекание/наличие"	84
Заключение	88
<i>Глава IV</i>	
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТИ И ПОСЕССИВНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	89
1. Конструкция с <i>there</i> в сопоставлении с русскими экзистенциальными предложениями	90
2. Общая характеристика модели "X has Y" и ее сопоставление с моделью "there is Y"	100
Заключение	110
<i>Глава V</i>	
КОНСТРУКЦИЯ "THERE IS Y (LOC)" И НЕЛОКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ "Y V (LOC)" В ИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ	111
1. Признак "включенность Y-а в пространство в качестве его составной части" ...	112
2. Фактор времени в значении конструкции "there to be"	117
3. Различия в коммуникативной перспективе	120
4. Модель "Loc is Y"	129
5. Модель "Y is Loc"	131
Заключение	132
ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ	135
ЛИТЕРАТУРА	141
SUMMARY	145

CONTENT

INTRODUCTION	3
<i>Chapter I</i>	
EXISTENTIALITY, LOCATIVITY AND POSSESSIVITY IN RUSSIAN. THE TYPES OF PREDICATES	6
1. Existentiality and locativity	7
2. The notion of possessivity	19
3. The types of predicates with <i>быть</i> and <i>иметь</i> in the framework of lexicogramatical classification of predicates	27
Conclusion	43
<i>Chapter II</i>	
THE NOTION OF SYNTACTIC PATTERN AND "THEME/RHEME" PARTITION	45
1. Syntactic pattern	45
2. The communicative sentence perspective. "Theme/rheme" partition	52
Conclusion	65
<i>Chapter III</i>	
PATTERNS WITH <i>ЕСТЬ</i> AND WITH ZERO COPULA	66
1. The opposition "Existence" of Y"/identification of Y"	66
2. The opposition "existence within a set/irrespective of the set"	70
3. The quantified-existential meaning	78
4. The contrastive function of the patterns "У X-a Y"	82
5. The opposition of "to progress (last) for some period of time/to be (to exist) in some period of time	84
Conclusion	88
<i>Chapter IV</i>	
THE GENERAL CHARACTERISTICS OF EXISTENTIALITY AND POSSESSIVITY IN ENGLISH	89
1. The <i>there</i> -pattern contrasted to the Russian existential sentences	90
2. The general characteristics of the pattern "X has X" and its comparison with the pattern "there is Y"	100
Conclusion	110
<i>Chapter V</i>	
THE PATTERNS "THERE IS Y" AND "Y V (LOC)": THE DISTINCTION BETWEEN THEM	111
1. The semantic component "inclusion in the situation as its ingredient"	112
2. The time-component in the meaning of the <i>there</i> -pattern	117
3. Differences in the communicative sentence perspective	120
4. The pattern "Loc is Y"	129
5. The pattern "Y is Loc"	131
Conclusion	132
GENERAL CONCLUSION	135
BIBLIOGRAPHY	141
SUMMARY	145

Научное издание

Селиверстова Ольга Николаевна

**КОНТРАСТИВНАЯ
СИНТАКСИЧЕСКАЯ
СЕМАНТИКА**
Опыт описания

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства
Е. В. Фурманова

Художественный редактор
В. Ю. Яковлев

Технический редактор
Л. В. Русская

Корректор
Л. А. Агеева